

ПРЕКРАСНЫЙ ЗВЕРЬ

А в т о р б е с т с е л л е р а

ДЖОРДЖИЯ ЛЕ КАРР

Серия "Цыганские бароны" идет отдельно, но в ней будут встречаться герои из предыдущей серии "Иден". Сноу Если бы он не схватил меня за запястья своей сильной рукой и не заставил взглянуть меня в лукавые возбуждающие глаза. Но он это сделал. Теперь я не могу выкинуть его из головы. Шейн — адски сексуальный, дерзкий плохиш, который заставляет меня смеяться и чувствовать себя живой снова. Я очень сильно его хочу, но есть одно препятствие — я принадлежу другому. Ленни был добр ко мне, я не люблю его, но я в долгу перед ним. В любом случае, я собираюсь с Шейном быть просто друзьями. Что так же неплохо... Шейн Если бы только она не пришла в мой клуб, и не повернула голову. Но она это сделала. Теперь я хочу ее в своей постели. Сноу — безумно красива, сексуальна, как ад, обворожительная девушка. Я хочу ее так, как не хотел никого. Но она говорит, что мы можем быть только друзьями. Пока в один из уикендов, мы не попадаем во Францию. В мой замок, где есть мои правила. Я ждал и был очень терпелив. В любом случае, Сноу и я никогда не сможем быть просто друзьями. Что так же неплохо... Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Джорджия ле Карр
Прекрасный зверь
Серия: Цыганские бароны - 3

Посвящается моему мужу, без тебя я не смогла бы этого осуществить

1. Шейн

Молочный коктейль все девушки доставляют мне ко двору.

Я стою в баре, моя рука слегка сжимает бутылку ледяного пива, и я пытаюсь представить, что происходило внутри этих сверкающих стен сто лет назад. И в мгновение ока я начинаю испытывать грусть из-за какого-то чувака, служившего в лабиринтах этого бывшего театра. За век мы все превратимся в ничто, в пригоршню пыли. Но сегодня... горячая кровь кипит в моем члене, и я все еще король своей империи непристойности.

Я осматриваюсь вокруг — все именно так, как и должно быть.

Прохладный воздух дует из фильтров в потолке, громкая музыка бьет по коже, словно утренний дождь в тропиках, и блуждающие прожектора высвечивают официанток в пушистых белых пачках с упругими попками, выставленными на всеобщее обозрение, которые очень быстро скользят туда-сюда по залу, бл*дь, как лебеди.

Иногда прожектора перестают лизать одну из полураздетых, безумно гламурных танцовщиц, разбрызгивая свой свет с места на место, как волшебную пыль. Стриптизерши — это сладкие леденцы в моей кондитерской. Но... в прохладной тени кабинетов, куда не доходят прожектора, бездушные мужчины в темных костюмах с раздутыми кошельками, ожидают с ведрами шампанского, пытаясь насытиться их кисками. Не то, что они на самом деле могут насытиться любой кикой, пока находятся здесь, но эй, они могут дрончить вспоминая, пока их члены не почувствуют освобождения.

Да, в «Эдеме» все отлично.

Я поднимаю свое пиво, подношу к губам, и замечаю, что что-то изменилось, причем не в лучшую сторону.

Мартин, мой менеджер, выводит одну из стриптизерш из одной VIP-комнаты. Его губы сжаты в тонкую полоску от ярости, она выглядит напуганной, пытаюсь не подавать вида и удержаться на семи дюймовых высоких прозрачных из пластика туфлях, которые мигают красным внутри платформы каждый раз, когда она идет своей походкой от бедра. Бл*ть, у моей четырехлетней племянницы точно такие же кроссы, с красным огоньком. Я никогда не видел ее раньше, должно быть она новенькая.

Стайка прекрасных девушек в баре обмениваются самодовольными понимающими взглядами. Одни или две бездушно хихикают, кто-то сдерживает свои эмоции, когда черные двери, задрапированные толстыми, красными бархатными шторами, заглядывают эту пара, ведя в офис Мартина, где происходит наем и увольнение персонала.

Я делаю глоток холодного пива, перевожу взгляд в сторону VIP-зала, там из менеджеров никого нет. С впечатляющей быстротой, как по маслу, появляется Брианна — хозяйка этого заведения и хозяйка всех девушек. По ее целеустремленному взгляду и завуалированному выражению на тщательно накрашенном лице, можно сказать, что она приняла на себя миссию, заглаживания «малой кровью» недоразумения.

Она появляется через несколько минут, безмятежно улыбаясь и кивает одной из девушек, слоняющихся в баре. Девушка тут же идет по направлению к ней. Они встречаются у зеркальных колонн, перебрасываются парой слов, и девушка входит в VIP-комнаты, а Брианна по-прежнему невозмутима остается на посту.

Проблема решена.

Музыка меняется на необычный трек AronChupa's «I'm an Albatraz» заполняет помещение. Одна из самых любимых танцовщиц клуба, Мелани, черная девушка в обтягивающем комбинезоне с геометрическими узорами, будет танцевать на шесте. Эффект ее появления сказывается мгновенно — атмосфера в клубе накаляется, словно потрескивая электричеством. Софиты над сценой выключаются, Мелани исчезает. Единственное, что остается — коллекция сверкающих геометрических узоров ее костюма, которые движутся вверх по шесту. Это потрясающее зрелище, аудитории рукоплещет, ревя от восхищения.

Я допиваю пиво и поворачиваюсь назад, чтобы взглянуть на занавешенную дверь. Я не склонен вмешиваться в работу моего клуба. Зачем мне это? Любой дурак видит, что девушки между Мартином и Брианной бегают по струнке. Но эти мигающие туфли пробудили мой интерес.

Возможно, я всегда могу различить насколько виновна девушка с первого взгляда, и насколько она «зеленая», попав сюда. Я даже не удивлюсь, если эта в мигающих туфлях первый раз в жизни танцует стриптиз. Но я смотрю на эту дверь сейчас, в основном потому, что не смогу позволить случиться несправедливости. Эта черта моего характера вовлекает меня в разного рода неприятности, особенно когда я был еще ребенком, но видно это свойство заложено у меня в ДНК, я не могу отвернуться, если вижу несправедливость.

Меньше чем через пять минут она появляется из-за штор. У нее текут слезы по лицу, а огоньки в ее смешных танкетках по-прежнему мигают. Мартин «включил кнут», ее уволили. Она делает шаг в сторону боковой двери, ведущей в раздевалки. Я быстро иду к ближайшей двери и ввожу свой собственный код. Дверь открывается в коридор, в который она входит.

— Ой! — восклицает она, увидев меня. В ярко освещенном коридоре, ее лицо накрашено толстым слоем грима, с бороздками от слез, глаза заплаканные и растерянные.

—Идем со мной, — говорю я, и она молча следует за мной наверх, в мою кабинет. Я открываю дверь и пропускаю ее вперед. Закрыв дверь, иду к бару.

— Не желаешь выпить? — бросаю я через плечо.

— Нет, благодарю вас, мистер Иден, — отвечает она безропотно.

Я поворачиваю голову и встречаюсь с ней глазами. На самом деле она производит сильное впечатление.

— Зови меня, Шейн, — тихо говорю я ей.

Она растерянно хмурится.

— Присаживайся, — приглашаю я и наливаю два стакана бренди.

Подойдя к ней, протягиваю ей стакан. Она принимает его с еле слышным «спасибо», и я замечаю резкое изменение в языке ее тела. Она думает, что я заинтересован в ней. Она не совсем уверена в моих намерениях, поэтому вернулась к своей обычной игре. Мило, правда.

Я иногда встречаюсь с девушками из клуба, если они совершенно неотразимы, то могут получить право «попутешествовать на моем члене», но в целом я предпочитаю не встречаться. Это плохо для бизнеса со всех сторон. Я перехожу к своему столу и, присаживаюсь на край, скрестив руки на груди и улыбаясь.

Она застенчиво улыбается в ответ, ее глаза увлажнились приглашая. Отрепетированный жест соблазнения, она опускает глаза вниз и хлопает кокетливо ресницами.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Баблз.

Я скрываю улыбку. Конечно же, Баблз.

— Не хочешь рассказать мне, что произошло?

Она тут же становится ярко-красной.

— Мартин уволил меня, — с трудом признается она.

— За что?

— Я... Я... позволила клиенту... эээ... до себя дотронуться, — наконец выдавливают она.

— Ты же знаешь, что это не разрешено правилами. Зачем же ты это сделала?

Она смотрит на меня своими огромными, наполненными мольбой глазами.

— Клянусь, я не хотела. Я сказала ему нет, но он ответил, если я ему не позволю, он позовет другую девушку. Я работаю здесь всего неделю и даже еще не заработала денег, чтобы покрыть расходы за квартиру. Он был первым мужчиной, который пригласил меня на приватный танец. Я честно не хотела нарушать правила. Но с другой стороны, я не хотела потерять такой шанс — заработать немного денег, особенно после того, как он мне объяснил, что собирается сделать, если я откажусь.

Она взмахивает левой рукой, призывая.

— Поэтому я ответила, что мне нужно сходить в туалет, и пошла в клуб к Никки за советом, поскольку она лучшая стриптизерша в клубе.

У нее появляется выражение обиды на лице.

— Она сказала, что я полная дура, поскольку сбежала от него. И что любая другая девочка даже не будет раздумывать, если он захочет прикоснуться к ней. «Он совершенно для тебя не опасен. Просто позволь прикоснуться ему через твою одежду и все будет в порядке», сказала она.

Я хмурюсь.

— Ты разве не знаешь, что имеются камеры внутри каждого кабинета?

— Да, знаю, — с печалью признается она. — Особенно, когда Мартин привел меня к себе в кабинет и заставил смотреть, какой же я была душой. Но Никки убедила меня, что камеры только для шоу, что они ничего не записывают и за ними никто не следит. Я знаю, что нарушила все правила, но я на самом деле поверила ей. Она — звезда этого клуба. Ни одна из девочек не делает столько денег, как она. Я — никто, я только начала работать в этом клубе, поэтому ни для кого не представляю конкуренцию, и не могла предположить, что она может мне так напакостить. Как я могла так ошибиться! — произнесит она с огромным сожалением.

Она вдруг наклоняется вперед, глядя на меня напряженным взглядом.

— Я чувствую, что у меня нет выбора. Она сказала мне, если я не начну зарабатывать деньги, то буду выброшена, потому что занимаю место девушки, которая могла бы зарабатывать большие деньги для клуба. Я действительно не знаю, что мне делать, — она смотрит в пол печальными глазами. — У меня есть обязательства, перед моей мамой и детьми. У меня близнецы в Бразилии, с ними сидит моя мать. Мне необходимо отправлять им деньги. Мне нужны деньги, чтобы выжить.

Она так молода, что мне даже не приходило в голову, что она уже мать.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

Я киваю и смотрю на нее. Ей не хватает уверенности, но Брианна не ошиблась, взяв ее на работу, и у Никки были действительно веские причины попытаться устранить ее. В ней есть что-то особенное, и в один прекрасный день она станет ценным экземпляром в этом клубе и составит большую конкуренцию Никки.

Я выпиваю до конца коньяк.

— Я дам тебе еще один шанс, но если ты нарушишь, хоть одно правило в моем клубе, ты вылетишь отсюда и из индустрии клубов, твое имя будет находиться в черном списке во всех клубах страны.

Она заламывает руки, глаза светятся благодарностью.

— Благодарю вас. Большое спасибо, Шейн. Клянусь жизнью своих детей, я никогда не подведу вас.

— Хорошо.

Словно не в силах сдержать волнение, она подпрыгивает на стуле, как щенок.

— Иди домой, Баблз. Я поговорю позднее с Мартином.

Она приближается ко мне достаточно близко, я даже чувствую жар ее тела, наклоняется вперед, приподнявшись на носочках на своих сверкающих красными огоньками, на огромной платформе туфлях, оставляя еле заметный поцелуй у меня на щеке. Я приподнимаю вверх бровь, она опускается на свою платформу, и не спеша, облизывает губы, густо накрашенные блеском. Да, определенно, в Баблз что-то есть.

Спелая, тугая, жаждущая киска. Естественно совершенно предсказуемо, мой член заинтересован в ней, но мой член всегда готов воплотить любые плохие идеи. Девочки, такие как Бабалз, готовы на любые дешевые острые ощущения с горячим, твердым членом на ночь, но это напоминает, когда вы наблюдаете за змеей, ползущей на вас и думаете: «Аууу.. послушай, хочешь обнимашек! Поверь мне, ты не успеешь даже взять презерватив, как они уже будут строить свадебные планы в головах. Я люблю совсем немного Анджелу, Памелу, Сандру и Риту».

Я достаю пятьдесят фунтов из кармана рубашки и удерживаю между двумя пальцами.

— Возьми такси домой сегодня, — говорю я.

Разочарование мелькает в ее шоколадных глазах, но она понимает намек и ловко вытаскивает банкноту из моих пальцев. Этот жест возымел свое действие с тех пор, как мужчина впервые изобрел валюту, и его первоначальная природа что-то дергает во мне. Я действительно сделал сегодня Баблз одолжение? Теперь она наивна и невинна, но в один прекрасный день изучит все, что стриптизерши знают о мужчинах, об их жадности, похоти и уродстве. Она научиться использовать эти качества и сделает много денег, но хорошо ли это?

— Не делай, если еле слышный голосок внутри тебя советует этого не делать, — говорю я ей.

Она медленно кивает.

— Вы очень красивый мужчина. Не только лицом и телом, но и сердцем, — шепчет она, замолчав на секунду. — Я обещаю, что вы никогда не пожалеете о своем решении.

Она выходит из моего кабинета и тихо закрывает за собой дверь.

Ранняя пташка добывает червячка, но вторая мышка получает сыр.

Стивен Райт

Я слышу, как стучат ее туфли по деревянной лестнице и закурываю сигарету, глубоко затягиваясь. Подойдя к большому окну с односторонней зеркальной поверхностью, я смотрю на свой клуб. Я тут же нахожу взглядом Никки. Она светится, как бриллиант рядом с сидящим мужчиной, в провокационной позе, поднимает идеально ухоженные руки и через тонкий материал платья, чувственно потирает себе сосок. Это ее коронный номер (могу сказать сразу же, у парня эрекция наполнена плохими идеями, причем так сильно, что аж болит) он смотрит на нее, замороженно.

Надо отдать ей должное, она хороша, очень хороша.

Она даже меня один раз обманула.

С девушками подобными Баблз, ты тут же видишь, чего они хотят. Но когда Никки приближается, вы можете не заметить змею, ползущую по траве, а увидеть только, как шевелиться трава. Никки ядовита, как змея, даже когда у нее широко разведены ноги, и она стонет с сумасшедшим русским акцентом: *«Глубже, малыш. Ах, да, трахни меня, малыш. Отымей меня жестко. Покажи этой грязной п*зде, кто ее хозяин»*.

Она разбила вазу о зеркало, когда я закончил с ней. Хорошо, что у меня имеется определенный опыт по увертыванию от таких отношений. Иногда я все-таки ловил на себе ее взгляд — со странной смесью разочарования и жаждой яда, но она отказывается покидать мой клуб. Почему, не знаю. Любой клуб принял бы ее с распростертыми объятиями. Я бы уволил ее, но зачем портить что-то хорошее? Она приносит много денег клубу.

Вдруг в моем периферическом зрении вспыхивает какое-то белое пятно, которое привлекает мое внимание. Мои глаза сами собой следуют за ним. Девушка в сияющем белом платье движется в сторону туалетов. Она идет медленной и сексуальной походкой, непринужденно, настолько прекрасная и изящная. В мире собак, она была бы салюки, их специально разводят бедуины, персидские борзые участвуют в гонке по пустыне во время охоты. Салюки считаются настолько прекрасными, что их невозможно даже назвать собакой.

У девушки очень бледная кожа и черные волосы, густым каскадом стекают по спине, словно пятно нефти. Обычно мне не нравятся такие черные волосы при такой бледной коже, это не нормальное сочетание. Ее волосы мне напоминают черный парик, которые носят женщины демоны в японских фильмах ужасов, их любила тайком смотреть моя сестра до раннего утра, когда мы были маленькими, но в этой женщине что-то есть...

Я выдыхаю дым от сигареты.

Световая вспышка освещает ее лицо и у меня расширяются глаза.

Вау! Она настолько потрясающая, что я даже не мог себе представить. В голубом свете она выглядит почти нереально, как существо из сказки. Такая чистая, она явно не может быть запятнана пошлостью или грубостью, несмотря на то, что находится среди пошлости в этом клубе. Это такая редкость, что я чувствую, призыв к моему члену, обычно многие

женщины заставляют его встрепенуться, но кроме этого, я чувствую что-то глубоко у себя в кишках. Возбуждение постепенно поднимается по моему позвоночнику.

Я хочу эту женщину.

Сильно.

Я тушу сигарету в пепельнице на столе и покидаю кабинет. Я спускаюсь на две ступеньки, иду по коридору и выхожу в клуб. Прохладный воздух из кондиционеров в полотке ударяет мне в лицо. Звучит трек Dillon Francis и DJ Snake's *Get Low*. Я встаю рядом с китайским баром, выложенным синей и белой фарфоровой плиткой.

Знакомый хватает меня за руку и трясет ее.

— Привет, Шейн, как дела? Давай я куплю тебе выпить?

— Спасибо, — говорю я с улыбкой, — но я уже пью.

Он хочет поговорить о чем-то со мной, но я отворачиваюсь и смотрю на дверь туалета. Мне подают спиртное, я делаю глоток. Дверь открывается. Женщина выходит, но другая. Дверь снова захлопывается. Я жду, затаив дыхание. Я поражен своей спешкой. Почему я веду себя подобным образом? У меня мурашки начинают бежать по коже, словно мое тело знает то, чего не знаю я.

Дверь открывается... и выходит она, по-прежнему двигаясь медленной походкой от бедра, вблизи она выглядит еще более захватывающе. И снова у меня возникает впечатление, что она оказалась здесь случайно, она не должна здесь находиться. У меня такое чувство, словно она королева мерцающей воды, которая поднялась из реки, готовая превратить скуку в праздник чувств.

Приближаясь, я разглядываю ее, мне кажется в ней есть что-то экзотическое. Возможно нос или прямолинейные брови, но в ее венах явно течет кровь из дальних стран. У нее полные губы, ярко очерченные, смесь куркумы и перца чили. Ее глаза удлинненные, смотрят прямо перед собой.

Она бы так и прошла мимо, не заметив меня, если бы я не схватил ее за тонкое запястье. Ее реакция меня удивляет, она полностью осознает, что делает. Остановившись, она медленно скользит взглядом вверх по моей руке к моим глазам. Теперь я так близко вижу ее глаза — светло-зеленую радужную оболочку и ярко горящий зрачок, почти бесплотный. У меня возникает странное ощущение, словно я разбудил ее от сна. Это сбивает меня с толку.

Внутри моих пальцев ее запястье кажется таким тонким и хрупким, как у птицы. Я смотрю в ее глубоко завораживающие глаза, я хочу узнать о ней все, почему она такая хрупкая и неземная. Я хочу обладать ею.

— И кто вы такая? — спрашиваю я, блеснув своей самой очаровательной улыбкой.

Она смотрит на меня несколько секунд, дольше, чем нужно и хмурится.

— Я, наверное, не та, что вы думаете.

Меня удивляет, что она не отвечает не провокационно или кокетливо. Ее ответ мгновенно делает ее для меня самой интересной женщиной, которую я когда-либо встречал. Мой член пульсирует, как сумасшедший, и готов разорвать мои джинсы, естественно, говорю я себе, я собираюсь ее трахнуть. Будь я проклят, я даже не могу вспомнить последний раз, когда женщина меня так сильно заводила и возбуждала. Я еще шире улыбаюсь.

— А о чем ты думаешь, я думаю?

Ее губы шевелятся, и она выстреливает ответ:

— Случайный съем.

— Неправильно. Я думаю, что ты самая красивая женщина в этом клубе, и я хотел бы пригласить тебя.

— И куда бы вы меня пригласили? — с любопытством спрашивает она.

— В лес, — мой ответ меня самого раздражает. *«Браво, Шейн. Ты говоришь, словно чертовый серийный убийца».*

Но в ее глазах появляется первый отблеск интереса.

— В лес?

— Да. У меня имеется старый замок во Франции, очень красивый в это время года. По ночам там появляются светлячки.

Она с удивлением вздыхает.

— Светлячки?

— Потрясающее зрелище. Никогда не устану наблюдать, как они кружатся по саду. Раньше их было очень много, но сейчас становится все меньше и меньше.

— Я никогда не видела светлячков. Мне кажется они больше похожи на миф. Это настоящее чудо увидеть их в реальной жизни.

— Тогда вам стоит поехать в Сомюр.

— Сомюр, — произносит она, пробуя слово на вкус.

— Обещаю, вы полюбите его — там есть сверчки и лягушки, бык и кабан, и иногда павлин, ищущий партнера, бродит по саду.

— Правда?

— Клянусь четью скаута.

— Мне придется спать с тобой, чтобы увидеть все это?

Я все еще держу ее за руку и глажу шелковистую кожу на внутренней стороне ее запястья.

— Нет, если ты не хочешь, — говорю я.

Она медленно сексуально улыбается. И когда она улыбается, становится такой прекрасной, как и светлячки в поле.

— Мы можем быть просто друзьями? — настороженно спрашивает она.

Мои брови взлетают, это что-то новенькое в правилах. Честно говоря, мне такого еще никто не предлагал.

— Мы можем быть теми, кем ты захочешь.

Она наклоняется ко мне поближе, и ее глаза поблескивают озорством.

— Ты пользуешься тушью для ресниц?

Я смеюсь.

— Нет, конечно.

— У тебя очень необыкновенные ресницы, — впечатляюще говорит она.

— Я могу сказать то же самое и о тебе, — клянусь, такого странного разговора с женщиной у меня еще никогда не было.

— Но я пользуюсь тушью, — с ухмылкой говорит она.

— У тебя есть имя, детка, которая пользуется тушью?

— Меня зовут Элизабет Дилшау, но все называют меня Сноу, — говорит она, осторожно вытаскивая свое запястье.

Мне не хочется ее отпускать, но я разжимаю пальцы.

— В самом деле? Сноу?

— Да. Я родилась в Индии, где все почти смуглые, и когда я родилась с такой светлой

кожей и головой полной темных волос, все медсестры начали называть меня Белоснежкой. Название прижилось, и я стала Сноу. (*Snow White — Белоснежка*)

Я широко улыбаюсь. Она почти появилась из сказки. Кожа белая, как снег, губы алые, как кровь, а волосы черные, как эбеновое дерево.

— А ты?

— Шейн.

— Да, думаю я бы хотела увидеть светлячков, и ты мне как друг, — тихо говорит она.

Играет песня Izzy Azalea и Rita Ora's 'Black Widow'. Мимо нас снуют люди, я ощущаю запах их духов и одеколона, они создают какой-то фон, кто-то окликает меня по имени, но я даже не поворачиваюсь в ту сторону.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить?

Она наклоняет голову и отрицательно качает, ее красивые волосы, как шелковые занавесы, обрамляют ее лицо.

— Нет, я с... другом. Я должна вернуться к нашему столу.

Я достаю телефон из кармана.

— Какой у тебя номер телефона?

Она поднимает голову и называет цифры, я вбиваю в свой телефон. Не отрывая от нее глаз, я нажимаю кнопку вызова, из ее сумочки слышится пение птиц.

— Теперь у тебя есть мой номер, — говорю я ей.

— Да, теперь есть твой номер, — медленно отвечает она.

Момент странный, даже могу сказать сюрреалистичный, наполненный подводными течениями и более глубоким смыслом, она явно не относится к людям этого клуба, неустанно заботящихся о плотских удовольствиях. Все остроумные замечания покинули меня, но мне не хочется ее отпустить.

У меня вибрирует телефон в кармане. Я игнорирую его.

— Я позвоню тебе завтра, — говорю я.

Она медленно кивает.

— Да, возможно, позвонишь.

По какой-то причине ее голос звучит грустно, словно я опять ее обманываю, обещая раньше позвонить и не позвонил, я даже не могу представить себе ситуацию, чтобы мужчина взял бы у нее номер и не позвонил. Она невероятно интригует меня. Я удерживаюсь от соблазна успокоить ее, сказав, что я обязательно позвоню.

— Ну, приятно познакомиться, — говорит она и разворачивается, чтобы уйти.

— Сноу, — окликаю я ее.

Она поворачивается, приподняв черную бровь.

— Я позвоню тебе, обещаю, — такого со мной еще не было. Раньше меня даже не заботило, волнуется ли дама по этому вопросу или нет, я никогда никого не собирался успокаивать. Если мне хотелось, я звонил на следующий день, если же нет, ну... такова черт побери жизнь.

Она приподнимает один уголок губ, отворачивается и продолжает свой путь, став снова героиней из сказки. Исчезнув с моего поля зрения, я продолжаю улыбаться, довольный делаю глоток напитка, немного подавшись вперед, решаю взглянуть на стол, за которым она сидит.

Именно в этот момент включается трек видео Джона Ньюмана «Полюби меня опять». Знаете о чем он? Мальчик и девочка встречаются в мрачном клубе. Они убегают от ее

дружка гангстера через задние двери. Взявшись за руки, полные надежды и радостного волнения, думая, что они опередили плохих парней, выбегают из узкого переулочка и напрямик мчатся к встречному автомобилю. Видео на этом резко обрывается, светится только черный экран.

Думаю, вы сами домыслите — они умирают.

Столик Сноу — это столик Ленни «Джента».

Сказка принимает неожиданный и нежелательный оборот. Ленни «Джент» (джентльмен) не джентльмен в том понятии, которое мы привыкли видеть, он — настоящий гангстер, раньше таких называли мафиози. Его называют джентльменом, потому что он всегда чертовски вежлив. Он говорит: «Пожалуйста» или «Вы не возражаете?», прежде чем врезать вам по лицу. Джент находится в окружении красивых, хихикающих женщин, борющихся за его внимание, но он не сводит голодных глаз со Сноу, пока она двигается к столу, и от взгляда Ленни у меня скручивает живот.

Гребанный ад. Прямо на встречную машину!

Сноу женщина Ленни.

Она ровняется со столиком, и он протягивает руку. Секунду она колеблется, затем открывает сумочку и отдает ему свой телефон. Он кладет его к себе в карман, достает другой, протягивая ей. Она кладет его в свою сумочку и садится рядом с ним, он опускает ей руку на бедро.

Я пытаюсь разобрать ее слова, но ее лицо, как у статуи, ничего не выражает. Словно под гипнозом, я направляюсь к ней, не имея ни одной мысли. К счастью, я сталкиваюсь с официанткой.

— Извините. Это была моя вина, — извиняется она.

— Не беспокойтесь, — говорю я ей, но столкнувшись я выхожу из гипнотического транса.

Я останавливаюсь на том месте, где стою и смотрю на Сноу. Она пристально смотрит на свой бокал, ее безэмоциональное лицо идеально подходит к пустым, ничего не выражающим глазам. Пустота настолько ощущается, что я мгновенно ее узнаю. Она все зажата, полностью контролирует любое свое движение, работают только инстинкты, чтобы выжить. Она закрылась от всего, чтобы не быть поврежденной низостью и творящейся деградацией вокруг нее.

Почти голая женщина лежит всем своим телом на Ленни, но его глаза также, как и мои, приклеены к Сноу.

Все это может кончиться, причем кончиться очень плохо. Но меня это мало волнует. Я всегда шел в ту сторону, куда бояться ступать даже ангелы. Кровь стучит у меня в венах, я слышу ее стук даже в ушах.

Сноу будет моей.

Вторая мышка получит сыр.

3. Сноу

Лучше содержать себя в чистоте и великолепии, поскольку ты — окно, через которое можно увидеть мир.

Люсьен Бернард Шоу

— Ты готова? — спрашивает Ленни, как будто мое решение что-то значит — остаться или уйти.

Я поворачиваю голову в его сторону, ощущая себя оленем, вышедшим из укрытия, остановившемся, замершим, принимающим к воздуху, готовым бежать от любого звука. Миллионы лет эволюции научили его чувствовать опасность.

Ленни смотрит на меня совершенно пустыми глазами. Этот взгляд меня всегда очень нервирует: его глаза в определенных ситуациях могут становиться совершенно мертвыми. Затем он улыбается и его лицо отражает хоть какие-то человеческие эмоции, и я забываю о своем беспокойстве.

— Да, я готова уйти, — отвечаю я.

— Я поеду к тебе сейчас, — говорит он, наблюдая за моей реакцией.

У меня внутри образуется холод. Олень бы дернул на утек, но я же не олень, поэтому расплываюсь в улыбке.

— Конечно, — отвечаю я совершенно спокойно.

Он протягивает руку, я берусь за нее. Также встают мужчины рядом с двумя столиками — его охрана. Мы выходим из клуба, они идут следом.

Ошибкой было с моей стороны разговаривать с этим невероятно красивым мужчиной, флиртовать с ним и делать вид, что я могу пойти на свидание с таким, как он — Шейном. Красивое имя. Но я была настолько глупой и беспечной, вернувшись с теплом его руки на своем запястье и видя перед глазами его самоуверенную улыбку, которая светилась у меня перед глазами.

Ленни сразу же все понял, он все видит, у него глаза как у ястреба. Я его собственность. Он не слишком часто использует меня, как правило два раза в неделю, иногда три, но я принадлежу ему, так же, как гамак, который он использует только летом. Сегодня он предполагает заняться со мной сексом, потому что он хочет воспользоваться своим правом и показать мне, кто собственник моего тела.

На самом деле он в ярости.

Мы садимся на заднее сидение роллс-ройса, он откидывается на спинку сиденья и проводит рукой по внутренней стороне моего бедра. Я резко вдыхаю. У меня случайно вырывается, но его рука застывает. Я нервно посматриваю ему в глаза. Он продолжает двигаться вверх с холодной, жесткой улыбкой на лице.

Я сама во всем виновата, на самом деле, если бы я не позволила другому мужчине засесть мне в голову. Если бы я не зациклилась на светлячках. Если бы я лучше скрывала свои чувства то, он не делал бы сейчас этого.

— Раздвинь ноги, — приказывает он.

Я немного раздвигаю их в стороны. Он отодвигает пальцами в сторону мои трусики, открывая промежность и проводит по моей киске, я невольно вздрагиваю, но мое лицо по-прежнему ничего не выражает, поскольку я смотрю прямо перед собой, словно ничего не происходит.

— Сухая, — бормочет он. — Ты всегда бл*дь сухая.

Я с трудом сглатываю.

— У меня дома имеется смазка, — я даже слышу, как в моем голосе звучат панические нотки. Не знаю почему, но у меня срабатывает инстинктивный страх на Ленни, хотя он никогда не обижал меня, по крайней мере, пока. Возможно, мой ужас связан с пугающей пустотой у него в глазах или совершенно гладкой, без волос кожей на спине, как у рептилии.

— Хммм. — Он убирает руку, и я с облегчением соединяю ноги.

Машина останавливается у моего дома, мы выходим. В лифте я чувствую, что он не сводит с меня глаз, но я не могу встретиться с ним взглядом. Здесь слишком яркий свет и Бог его знает, что он увидит. Двери лифта открываются, мы выходим, двигаясь по ворсистому бордовому ковру. Он открывает дверь своим ключом в небольшую двухкомнатную квартиру. Здесь живу я, он оплачивает аренду и все счета.

Я кладу свою сумочку на сервант и направляюсь к тележке, служащей мне в качестве бара. Если мне предстоит заняться с ним сексом, мне необходимо выпить что-нибудь покрепче.

— Не хочешь что-нибудь выпить на ночь? — вежливо спрашиваю я.

— Да, налей мне, что и себе.

Мне нужно выпить что-то такое, где будет много алкоголя, это мудрое решение.

— Я выпью водку с апельсиновым соком, — бросаю через плечо.

— И я тоже, — говорит он, плюхаясь на диван.

Недавно я обратила внимание, что он стал меняться прямо у меня на глазах, все чаще пребывая в хмуром настроении. Стоя к нему спиной, я делаю нам коктейли. Себе наливаю три четверти водки и четверть апельсинового сока, иду к нему и протягиваю коктейль. Я сажусь рядом и делаю глоток. Мать твою, очень крепко.

— У меня имеется немного твоей любимой икры, пожалуй, принесу ее, — говорю я, пытаюсь встать.

Его рука тут же дергается, обвивая мое запястье. Я в шоке поднимаю глаза на него.

Его губы в одну тонкую жесткую полоску дергаются.

— Я не голоден... для траха.

— Ох, ладно, — с тревогой шепчу я, делая еще один глоток, украдкой поглядываю на него, он смотрит на меня таким холодным взглядом, что меня озноб прошибает до костей.

— Тебе необходимо все выпить до конца, прежде чем ты можешь что-нибудь сделать? — спрашивает он, закуривая сигарету.

Я киваю и поддвигаю к нему пепельницу.

Он смотрит на меня сквозь кольца дыма.

— Давай. Бл*ть прикончи тогда свой стакан перед тем, как я трахну тебя, — говорит он, его слова жестокие, но тон при этом чрезвычайно вежливый.

Я так и делаю, выпиваю все до дна, алкоголь просачивается в мои конечности, омертвляя их. Моя чертовя голова пуста, меня больше ничего не волнует. Я ставлю стакан и пристально бесстрастно смотрю на него.

— Я готова, — говорю я ему.

Он поднимается и тянет меня вверх, направляя мое безвольное тело в сторону спальни. Спальня совершенно неприметная, всю мебель я перевезла с прошлой квартиры, ничего не добавляя к ней. Но она чистая, опрятная. Я не могу выносить грязи и не опрятности, я просто не смогла бы этого вынести.

Он помогает мне раздеться, голую укладывает на кровать. Сам он раздевается не полностью, снимает только брюки и трусы. Его ноги выглядят странно, словно вставленные палки, по сравнению с его верхней половиной туловища с развитой мускулатурой, как у быка. Его член стоит, готовый, темно-красного цвета. То, что я вижу вызывает у меня отвращение, но оно быстро проходит.

Я знаю, что он не хороший человек, но я обязана ему жизнью.

Я молча наблюдаю, как он открывает первый ящик и достает пачку презервативов. Он разрывает фольгу и раскатывает презерватив. Затем он достает тюбик с КУ джели. Я наблюдаю за всеми его движениями, он откручивает пробку, небрежно кладет ее на тумбочку и выдавливает пару сантиметров геля на палец. Положив тюбик, подходит ко мне. Его палец нежно скользит в меня, желе холодное и мои мышцы невольно сжимаются.

— Шшш... расслабься, — призывает он, глубже засовывая палец.

Тем самым он говорит, чтобы я не волновалась, длинной сказки на ночь не будет, всего лишь маленькая история. Быстрый вход и выход. Я отворачиваюсь в сторону, он забирается на кровать и слюнявит своими губами у меня по шеи и по груди.

— Ты так чертовски красива. Так бл*дь красива. Если кто-то попытается отнять у меня тебя, я убью его, — бормочет он, загоня свой член в меня.

Я не в состоянии издать даже звук, поскольку чувствую знакомое ощущение почти невесомости. Я понимаю, что это происходит со мной, но мне кажется, будто это фильм с кем-то другим, а я просто его смотрю со стороны.

Пока его тело шлепается о мое, я улываю в воспоминания своего детства, когда мне было всего лишь шесть лет. Волосы, заплетены в две длинные косы, доходящие до талии, с цветами жасмина. Я даже чувствую их аромат. Моя няня, Читра, вместе со мной стоит босая перед входом в индийский храм.

Вместе мы звоним в большой колокол храма. Священник дал нам специальное разрешение на это. Колокол изготовлен из разного металла, и его звук разносится эхом далеко по округе, приветствуя Бога и Богиню.

Читра и я входим в храм вместе с другими верующими. Мы стоим, сцепив руки в молитве, наблюдая, как омывают нашу статую богини и украшают. Ее омывают пламенем, которое потом подносят к нам. Мы удерживаем наши ладони в нескольких дюймах над пламенем, касаясь теплыми ладонями лица.

Священник, рот, которого окрашен красным от сока, снисходительно улыбается мне, предлагая половину кокоса с половинкой банана и цветы.

Читра и я падаем на колени, прикасаясь лбами прохладной пола плитки. Пока она молится, я тайком поднимаю взгляд, наблюдая за ней и у меня возникает мысль, какая она красивая и как сильно я ее люблю. Я люблю ее больше, чем кого-либо в целом мире.

Мы поднимаемся с пола, и она наклоняется, чтобы поцеловать меня. Она никогда не позволяет своим губам прикоснуться к моей коже, просто прижимается носом к моей щеке и громко вздыхает. Отстранившись, ее теплое дыхание исчезает у меня с кожи, там она предпочитает меня целовать.

Ленни кончает также, как и всегда с пронзительным криком.

Его рот находится у моего уха, и этот ужасный возглас возвращает меня из воспоминаний. Я вдруг чувствую его тело на себе, его жесткие волосы на ногах, колющие мою кожу и движущееся брюхо. Он опирается на локти и смотрит на меня тяжелыми глазами из-под полу прикрытых век, его глаза до сих пор темные, я молча смотрю на него в ответ.

— Бедненькая Сноу, — говорит он. И по какой-то необъяснимой для меня причине, его жалость ко мне разрушает мой защитный механизм — заторможенность.

— Нет, — шепчу я, чувствуя, как мои глаза наполняются слезами, которые непослушно начинают катиться по щекам. — Пожалуйста, не говори так.

— О, Господи. Прости, хорошо? Не плачь. Просто, бл*ть, больше не плачь, ладно?

Но я не могу остановиться, он вытаскивает из меня член, снимает презерватив, завязывает, отбрасывая его в сторону от кровати, и обнимает, пока я рыдаю. Он не может ничего исправить, и он знает об этом, и он знает, что он единственный, кто об этом знает.

Он единственный знает, что случилось со мной той ночью в номере того отеля.

4. Сноу

Он поднимается с постели и сверху рассматривает мое обнаженное, дрожащее тело от рыданий. Он думает, я не вижу, но вздохнув он выходит из комнаты и возвращается с одеялом цвета топленых сливок. Укрывает меня, и перебравшись на другую сторону кровати, подкладывает три подушки под голову, закуривает сигарету.

Он молча курит, и я тоже молчу.

Под одеялом я постепенно начинаю согреваться, чувствуя себя в безопасности, успокаиваюсь. У нас странные отношения. Но, с другой стороны, я не знаю, что значит вообще нормальные отношения. У моих родителей тоже были слишком странные отношения — от любви до ненависти. Мой отец любил маму, а она его презирала. Я не презираю Ленни, наоборот, ... благодарна ему. Будущего у меня нет, Ленни сорок два. Когда он нашел меня, мне было девятнадцать, сейчас мне двадцать.

Он тушит сигарету и поворачивается ко мне.

— Ты в порядке?

— Да, — тихо говорю я.

— Хочешь, я останусь на ночь?

— Нет, — мямлю я.

— Я позвоню тебе завтра, ладно?

— Хорошо.

— Тебе нужны деньги?

— Нет.

Он тянется к брюкам, достает пачку денег и кладет их на тумбочку.

— Вот. Купи себе что-нибудь красивое завтра и надень.

Я молчу, даже не говорю «спасибо».

Он поднимается, быстро одеваясь, подходит ко мне, нагибается и целует меня в волосы.

— Я, наверное, пойду. Спокойной ночи, Сноу.

— Спокойной ночи, Ленни, — шепчу я.

Дверь за ним закрывается, я все еще лежу под одеялом, дольше, чем обычно. Я чувствую тяжесть и вялость в конечностях, мне не удастся заснуть, пока я буду чувствовать между ног себя липкой и грязной. Я заставляю себя подняться и пойти в ванную. Долго стою под теплой водой.

Вода — это хорошо, она смывает и очищает.

Я мою волосы шампунем, хотя мыла их перед тем, как пойти с Ленни в клуб, но все равно мою, также как и каждый дюйм своего тела. Сегодня мне намного грустно, чем обычно. Может из-за Сомюра? Или из-за потери Шейна? Я стою под душем и пусть вода смывает мою грусть. Этот ритуал я проделываю уже в течение целого года. Сегодня нужно просто продержаться, утром всю будет по-другому, по крайней мере я верю в это.

Я напоминаю себе ягель, о его силе складывают легенды, второго такого растения нет, способного выжить везде. Можно держать его в темноте, заморозить, высушить, но он не умрет и не сдастся. Он просто будет дремать, ожидая лучших времен. И для меня тоже придет такой день, с лучшими условиями, а пока я буду терпеливо ждать.

Я выключаю душ и выхожу, мои пальцы настолько распаренные, что похожи на

маленькие сливы. Я быстро вытираюсь, завернув головы в еще одно полотенце, одеваю пижаму розовую в желтую полоску.

Я включаю фен и направляю на волосы, потом босиком иду по ковру по темной гостиной. Сумочка лежит там же, где я ее оставила. Я открываю и достаю телефон Ленни, который он вручил мне, по виду точно такой же, как у меня был, но просматривая контакты в нем имеется только один номер — Ленни.

Я ощущаю, как меня накрывает странное чувство безнадежности и тревоги. Но, чтобы окончательно не поддаться этому чувству, я включаю «Четыре сезона» Вивальди и возвращаюсь в спальню. Я завинчиваю крышку на тюбике смазки и прячу его в ящик. С помощью бумажных салфеток поднимаю использованный презерватив и смываю его в унитаза.

Возвращаюсь в спальню и сметаю пачку денег в ящик тумбочки. С щелчком закрываю ящик и оглядываюсь вокруг — теперь все чисто, только в воздухе чувствуется еле уловимый запах сигаретного дыма и секса. Я мою пепельницу и ставлю ее на место, где она была прежде, и открываю окна.

Прохладный ночной воздух наполняет комнату, пока я стою у окна и смотрю на ночную улицу. По дорожке между домами трусит лиса, неся что-то во рту, наверное, что-то нашла в мусорном баке. Женщина, которая живет на первом этаже, всегда жалуется на лис, оставляющие у нее под окнами всякую падаль, отчего появляется неприятный запах.

Словно чувствуя мой пристальный взгляд, лиса внезапно поворачивается и смотрит на меня в упор. Ее глаза ярко светятся в ночи, и я вдруг поражена их дикой красотой. Лиса живет и умирает в грязи, но она полна интеллекта и достоинства. Она не сравнивает свое существование с другими животными и не оплакивает свою лисью жизнь, а тем более не старается быть похожа на кого-то другого. Она есть то, что она есть — лиса. Свободная лиса.

Она свободна больше, чем я.

Я наблюдаю за ней, пока она не исчезает в ночи, потом отворачиваюсь и бросаю взгляд на будильник, уже почти четыре часа утра. Мне нужно поспать.

Я выключаю свет, залезаю в кровать и смотрю в потолок.

Хотя я пытаюсь ни о чем не думать, у меня перед глазами стоит его лицо. Такие красивые глаза, ярко-синие. Мне понравилось в нем что-то восхитительно нахальное и самоуверенное. Я представляю, как с ним весело, даже возбуждающе весело. Я обхватываю свое запястье, точно также, как сделал это он. У него такие сильные, мужские руки. Когда он держал меня за запястье, на самом деле, мне не хотелось, чтобы он отпустил. Я поглаживаю свою кожу нежно, как и он, словно таким образом занимался со мной любовью.

— Шейн, — шепчу я в темноту.

Он был великолепен, но я больше никогда не увижу его. Я чувствую, как сердце затягивается грустью, глубоко вздыхаю. Нет, я не позволю себе совершить глупость. Он был не просто шикарен, он был слишком великолепен. Слишком молод. Слишком беззаботен.

Нечего грустить из-за упущенной возможности, он всего лишь хотел хорошо провести время. Нельзя доверять мужчине, которого вы встречаете в стрип клубе. В любом случае, я слишком испорчена и подорвана. У него не хватит терпения мириться с моими драматическими последствиями. И в конце концов он разобьет мне сердце. Я пытаюсь убедить себя, что как раз хорошо, что у меня нет его номера телефона. И мне однозначно повезло, что я никогда больше не увижу его прекрасные голубые глаза.

Почти целый час я пытаюсь заснуть, но все безрезультатно.

Может, мне стоит принять таблетку. Я иду в ванную и запиваю водой одну маленькую таблетку. Через некоторое время чувствую себя расслабленной и словно в невесомости. Теперь уже все не важно. У меня прошла грусть из-за того, что я больше никогда не увижу Шейна или Сомюр, или мифических светлячков.

5. Сноу

Проснувшись, солнечные лучи проскальзывают через щель в шторах, я сажусь и обнимаю себя за колени. Чем мне заняться сегодня? В прошлом месяце, когда Ленни перевез меня в эту квартиру, я проснувшись в ней впервые, подумала, чем бы мне заняться. Мне нужна работа и стоит познакомиться с новыми людьми.

Но Ленни не нравится, когда я знакожусь с людьми. Он говорит, что я плохо разбираюсь в людях и совсем их не знаю.

— Посмотри, что с тобой случилось в тот последний раз, когда ты подружилась, — указывает он.

Но, все больше и больше, я чувствую, словно моя личность поглощается этими стенами. Я чищу зубы и одеваюсь, сажусь на кухне есть хлопья. В квартире так тихо, что я слышу, как хрустят кукурузные хлопья у меня на зубах.

Раздается стук почтового ящика, принесли почту, я бегу к входной двери, поднимаю три конверта с пола. Счета, рекламный лифлет от местной китайской забегаловки и письмо от одного из бутиков, в котором Ленни открыл для меня счет.

Письмо, которое я так жду не пришло.

С тяжелым сердцем я откладываю счета в сторону для Ленни, которые он отдаст своему секретарю, и открываю письмо из бутика. В эти выходные будет распродажа, и они приглашают меня приехать на час раньше, чтобы присоединиться с шампанским к предстоящей предпродажной вечеринки. Я отбрасываю приглашение.

И сажусь доедать свой одинокий завтрак.

Вымыв миску и ложку, убираю их в шкаф, иду к прикроватной тумбочке в спальне, достаю пачку денег и пересчитываю. Двести фунтов. Вау! Должно быть на него так повлияли мои слезы.

Обычно он не так щедр. Он предпочитает открыть для меня счет в каком-нибудь магазине, который в конце месяца оплатит. Пока я не сталкивалась, есть ли у меня ограничения на покупки в этих магазинах, хотя однажды, находясь в состоянии глубокой депрессии, я бездумно купила платье за три тысячи, хотя моя кредитная карта имела лимит только двести пятьдесят фунтов.

Я откладываю сорок фунтов. Я сдвигаю подушки в сторону и приподнимаю матрас, аккуратно распарываю стежки и добавляю новые банкноты к увеличивающейся пачке денег. От этого чувствую себя счастливой, наблюдая как увеличивается пачка. У меня уже собрано больше половины. Быстро зашиваю шов, глядя на него невозможно сказать, что мой матрас является моей копилкой.

Потом я начинаю убираться, это я делаю каждый день.

Я тщательно убираю свою квартиру. Я пылесосу, чищу, вытираю, стираю, мою и, наконец, протираю кожаный диван и разглаживаю подушки, теперь нет ни одной морщинки.

Раздается звонок в дверь, я смотрю в глазок и вижу девушку с большим букетом алых роз на длинных стеблях из местного цветочного магазина. Я открываю дверь и благодарю ее за цветы, оставшись одна, утыкаю свой нос в них, ничем не пахнут. Я несу их на кухню и снимаю упаковку.

В букете нет карточки, но она и не нужна.

Каждый раз, когда Ленни трахает меня, я получаю букет.

Я ставлю его в воду и несую вазу на кофейный столик в гостиную. Я бы не выбрала такие цветы, но они все равно украшают эту комнату. Позднее я загляну в цветочный после ланча и куплю себе букет из ароматных гардений, жимолости и душистого горошка.

Я бросаю взгляд на часы — время ланча. Натягиваю джинсы и серую кофту с капюшоном, выхожу на улицу на яркое солнце. Обычно я покупаю себе сэндвич и иду в парк, сажусь на скамейку и съедаю его. Но сегодня я чувствую себя потерянной и тоскующей нежеле, чем обычно, поэтому иду по улице, которая переходит в маленькую боковую улочку.

В конце этой улочки имеется небольшой индийский ресторан. Я открываю невзрачную дверь и вхожу внутрь. Это небольшое помещение сделано в стиле колониальной Индии. Плитка на полу черная и чернильно-синяя, как шахматная доска, вентиляторы свисают с темного лакированного дубового потолка, состаренный латунный бар в углу, хрустальные бра, охотничьи трофеи времен Махараджей и кожаные банкетки и кабинки цвета горького шоколада.

Слышится приглушенная классическая индийская музыка. В воздухе стоит запах кардамона, специй и карри, и я с радостью вздыхаю родной запах. Ресторан пуст, так всегда в обеденное время. Я как-то обеспокоилась, что этот ресторан может обанкротиться, но Раджа, одинокий официант, который работает в обеденное время, заверил меня, что вечерами у них очень много посетителей.

Раджа поднимает голову от стойки бара и широко улыбается.

— Привет, — бодро произносит он.

Я улыбаюсь ему в ответ и занимаю место в своем обычном углу.

— Как ты? — спрашивает Раджа, принося мне бутылку минеральной воды, корзину с лепешками и серебряный соусник с приправами, с солеными огурцами.

— Я в порядке, спасибо. Как твои дела? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Очень хорошо. Занята сегодня вечером? У нас будет большая вечеринка в честь дня рождения.

— О! Это здорово.

— Да, босс очень доволен.

Я улыбаюсь.

Он держит меню в руке.

— Так же, как обычно? — спрашивает.

— Думаю, да.

— Хорошо. Две минуты и я принесу твой заказ, — говорит он и уходит.

Я направляюсь в женский туалет, чтобы вымыть руки. Вернувшись за стол, отламываю кусочек лепешки, зачерпываю хлебом немного сладкого чатни из манго и кладу на язык. И точно также, как происходит каждый раз, этот аромат и вкус вызывает во мне воспоминания.

Я вспоминаю нашего повара, ее сморщенные, коричневые свежее жареные лепешки. Дома мы называли их аплин. Они были горячими и жарились каждый раз на новом масле, поэтому не имели послевкусия. Я медленно пережевываю лепешку. Сегодня явно что-то изменилось, я отчетливо чувствую послевкусие от масла.

Прошлым вечером я встретила самого красивого мужчину.

Я все время думаю о нем, это он заразил меня чувством беспокойства и

неудовлетворенности. Конечно, это и следовало ожидать, поскольку я веду такой однообразный и скучный образ жизни. Встреча с ним была прикосновением к проволоки под электричеством. Он встряхнул всю мою систему. А еще его голос — глубокий, сексуальный, дерзкий.

Я еще больше раздумываю о нем.

В клубе он отличался от всех. Высокий, широкоплечий, на нем одном была потертая футболка и потертые джинсы, и явно самодовольная улыбка самца, которую мне вообще довелось когда-либо видеть. Такому мужчине не нужны никакие украшения, словно в баре он был один. Странно, что вокруг него не крутились стриптизерши и не приставали к нему. Возможно, он беден. Да, но у него есть замок во Франции, поэтому не может быть, чтобы он был беден. А может он приврал, скорее всего лишь захудалый дом. Но даже в этом доме мне бы хотелось увидеть светлячков.

Я делаю глоток минеральной воды.

Мне следует перестать о нем думать. Он исчез, я никак не смогу с ним связаться, и он, следовательно, не имеет возможности связаться со мной. Я прислоняюсь к спинке диванчика, я ничего не могу с собой поделаться, я не могу перестать о нем думать, хоть и пыталась несколько раз прошлой ночью. Меня не покидает чувство, словно я лишилась чего-то невосполнимого. Это настоящее безумие, скорее всего. Потому что на самом деле я ничего столь важного не потеряла, все самое ценное я потеряла год назад.

В этот момент входная дверь начинает открываться, я перевожу глаза. Сидя в пустом ресторане в обеденное время, мне всегда казалось, словно этот ресторан мой, предназначен для меня. Дверь открывается шире, и я застываю от шока.

Невозможно! Разе такое может быть? Какого черта он здесь делает?

Мое сердце пускается в какой-то дикий танец.

В ореоле дневного света стоит Шейн, и его глаза ярко блестят синим. У него полные и чувственные губы, подбородок классической формы, словно выточен и густые блестящие волосы. Я невольно скольжу взглядом по его телу. Он в руках держит мотоциклетный шлем, одет в синюю футболку, потертые черные джинсы низко сидящие на узких бедрах. Я могу сказать, что он явно тренирует свои мышцы, которые выпирают на торсе.

Это заняло у меня две секунды, он уже видит меня.

Я замечаю ее сразу. Она сидит в одной из тех темно-коричневых кабинок и смотрит на меня глазами, как блюдца. Ее волосы убраны в хвост, на лице нет макияжа. Она выглядит еще более уязвимой и доверчивой, как ребенок, нежели была вчера. И еще что-то в ее глазах, что-то скрывают, подпитывая ее.

Я знаю, что мне не следует быть здесь.

Она изломлена. Я вижу это за милю. Пострадавшие люди липнут, поскольку нуждаются. Я не тот парень, кто ей нужен. Не тот. Я беру то, что хочу и ухожу. Я никогда не оглядываюсь назад. Никогда никому ничего не обещаю. Иду своим путем и все. Но она бросает мне вызов — опасность и обещание. И я не могу уйти от нее просто так. Я должен получить ее.

Я подхожу к ее столику и сажусь напротив.

— Что ты здесь делаешь? — задыхается она.

Я улыбаюсь.

— Решил разделить с тобой ланч.

— Как ты узнал, что я здесь? — ее голос дрожит, он просачивается мне под кожу. Все, что касается этой женщины, просачивается мне под кожу.

— Я заплатил кое-кому, чтобы он проследил за тобой, Сноу.

Она резко выдыхает.

— Зачем?

— Затем, что я обещал тебе поездку в Сомюр, а по-другому связаться с тобой не мог.

Мои слова производят на нее удивительный эффект. Сомюр и светлячки мерцают, как волшебное обещание, на ее прекрасном лице.

— Если ты следил за мной, то ты должен знать, что я с кем-то...

Я кладу палец ей на губы, я не хочу слышать остальные слова. Она могла бы отвернуться, но она замирает. Ее губы такие теплые и мягкие, они заставляют твердеть мой член, упирающийся в молнию джинсов. Господи. Я так сильно на нее реагирую. Она закрывает глаза на пару секунд, чтобы моргнуть. Почему она смакует мое прикосновение? Я смотрю на нее, когда она открывает глаза. Они такие же зеленые, но на несколько оттенков темнее.

Она краснеет.

И вдруг я понимаю: она сексуально наивна.

Она должно быть самая сексуально неосведомленная женщина, которую я когда-либо встречал. Она с Ленни, и понятно, что в обмен на использование ее тела он предоставляет ей своего рода покровительство, или, возможно, полностью содержит ее в финансовом плане, но совершенно очевидно, что она никогда не касалась реального мужчины. Я представляю, как она выкрикивает мое имя, пока мой член находится глубоко внутри нее, и тут же мой член еще больше напрягается, начиная пульсировать от боли.

Я прочищаю горло.

— Ты все еще хочешь увидеть светлячков?

Она глубоко и прерывисто вздыхает.

Мне не следует вовлекать его в свои проблемы. Я знаю, насколько злым и безжалостным может быть Ленни, но моя голова кивает сама собой, и Шейн убирает свой палец с моих губ.

— Не хочешь поехать в пятницу вечером? Я привезу тебе назад в воскресенье.

— Я... Я не могу поехать в выходные, — голос выдает мою грусть. — На самом деле, я не могу покинуть город в любое время. Он... эээ... ожидает, чтобы я все время была рядом.

Его подбородок напрягается, но глаза ничего не выражают.

— Ленни будет занят в эти выходные.

Я открываю рот.

— Ты знаешь, Ленни? — с трудом выдыхаю я, застигнутая врасплох.

— Это маленький мир, Сноу.

— Тогда ты должен знать, что он за человек.

— Да, я знаю, кем он является, — говорит он, но, похоже, его это не впечатляет.

Я наклоняюсь вперед.

— Он гангстер. Он убивал людей, — с отчаяньем говорю я.

— Я знаю, — отвечает Шейн без изменений в голосе.

Я падаю обратно на спинку диванчика цвета шоколада.

— Ты не боишься его?

Он медленно отрицательно качает головой, не отрывая похотливого, нахального, наглого взгляда от меня.

Я смотрю в глубину его глаз, у него на радужной оболочке почти фиолетовые вкрапления. Я замороженно смотрю на них, как будто он имеет странную власть надо мной.

— Кто ты? — шепчу я.

— Добрый вечер, сэр. Могу я вам что-нибудь принести? — спрашивает Раджа.

От неожиданности я подпрыгиваю.

Шейн даже не смотрит в сторону Раджи.

— Что здесь можно поесть? — спрашивает он.

— Неер досаи с курицей карри, — отвечаю я смущенно.

— Ты это ешь?

Я положительно киваю.

Он ненадолго поднимает глаза на Раджу.

— Я возьму две порции и бутылку пива.

Раджа шаркая уходит, его глаза полны любопытства. Отныне Раджа теперь всегда будет поглядывать на меня с любопытством.

— Я не гангстер, если ты это имеешь в виду, — говорит Шейн.

— А кто ты?

Он небрежно пожимает плечами.

— Я всего лишь обычный парень и владею кое-каким бизнесом.

— А откуда ты знаешь, Ленни?

— Мой брат пересекается с ним по делам.

— А твой брат бандит?

— Был.

— А ты? Ты тоже был? — спрашиваю я.

— Нет.

— Что ты здесь делаешь?

Он открыто улыбается.

— Я делаю тоже самое, что делают светлячки, когда появляются ночью, светясь. Я веду милые беседы с тобой.

Раджа приносит пиво и стакан, Шейн игнорирует стакан и отпивает прямо из бутылки.

— Итак, ты готова поехать в пятницу?

— Мне кажется, *ты* не понимаешь. Ленни убьет тебя, если узнает.

— Мне кажется, это *ты* не понимаешь. Ленни будет не до того, поскольку будет занят.

— Чем? — требую я.

— Давай просто скажем, что у него будет предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Что за предложение? Мне казалось, ты сказал, что не гангстер.

— Я нет. Но я знаю людей, с которыми Ленни хочет контактировать. А что ему предложат, тебе лучше не знать о бизнесе Ленни.

Я хмурюсь.

— Ты же не собираешься навлечь на него проблемы, не так ли?

Его подбородок напрягается.

— Ленни достаточно взрослый и достаточно суров, он сам накликает на себя проблемы без моей помощи.

— Но ты же не заманиваешь его ни в какую ловушку? — продолжаю настаивать я.

Его лицо смягчается.

— Это не ловушка. Это всего лишь бизнес.

И я совершенно четко понимаю, что он говорит правду. Я не знаю Шейна, но почему-то доверяю ему.

— Ладно, я тебе верю.

— Хорошо.

— Во сколько в пятницу? — интересуюсь я.

Он запрокидывает голову и смеется, торжествующем, довольным смехом, и мой взгляд невольно скользит по его сильной, загорелой шеи. В нем есть что-то особенное. И я вдруг понимаю, что мы не собираемся быть просто друзьями, и давно моя мама предупреждала о таких мужчинах, сторониться их всеми силами. *«Мужчины, которые слишком красивы, имеют слишком большой выбор. А мужчины, слишком легко обольщающие женщин, как свиньи валяются в грязи, причем валяются будут весь день».*

Нам приносят еду, и Шейн наблюдает за мной, я не беру ни вилку, ни нож, разрывая тонкий правой рукой нер досаи, затем окунаю его в карри с курицей и подношу к своему рту.

— Если есть руками, то лучше будет на вкус? — спрашивает он с кривой ухмылкой.

На самом деле, да, именно так и будет.

— Ты можешь помыть руки в мужском туалете.

— Нет необходимости, — говорит он, разводя пальцы перед собой. У него красивые руки, большие и мужские, с квадратными ногтями. — Я ел с пола и выжил.

Я наблюдаю, как он отрывает нежный белый досаи, макает его в карри и кладет в рот.

Он задумчиво жует, потом приподнимает одну бровь, явно под впечатлением.

— Хорошо, — произносит он.

Я улыбаюсь.

— Я так и думала. Это блюдо из Мангалора.

— Ты часто сюда приходишь?

— Да, часто, насколько могу.

Он смотрит по сторонам опустевшего ресторана.

— Это место всегда такое мертвое?

— Да, каждый раз, когда я бываю здесь. Много посетителей приходят вечером. Но, честно говоря, оно мне нравится таким, своего рода *vellichor*.

Он потягивает пиво.

— *Vellichor*?!

— Место, которое обычно занято, теперь оказывается свободным. Знаешь, похоже на странную тоску, когда ты попадаешь в книжный магазин. Пыльные корешки книг, оставленные на полках, как бы кричат, ожидая новых хозяев.

Его губы расплываются в улыбке.

— И тебе *это* нравится?

Я пожимаю плечами.

— Это подходит мне... это мой образ мыслей.

— Ты очень странная девушка, Сноу Дилшау. Но ты мне нравишься.

Бог знает, почему, но я вспыхиваю, чуть ли не всем телом.

— Расскажи мне о себе, — просит он, прикончив первую тарелку и потянувшись за второй.

— Что ты хочешь узнать?

— Все. Начнем с того, где ты родилась.

— Я выросла в Индии. Моя мать англичанка, отец — индус.

Он крутит левой рукой, чтобы я продолжала.

— Должно быть, у тебя было удивительное детство.

Я пожимаю плечами.

— Просто другое.

— Расскажи мне, на что оно было похоже, — спрашивает он.

— Мой отец был очень успешным промышленником. Он много путешествовал, и моя мама настаивала, что ей необходимо везде его сопровождать, поэтому двух старших детей и меня оставляли на попечение многочисленных слуг. Пока мне не исполнилось почти пять лет, я думала, что моя няня Читра была моей мамой. Она готова была сделать все для меня. Я даже прокрадывалась к ней в комнату и спала в ее кровати, когда уезжали мои родители.

Он поднимает брови в немом недоумении.

— Вау, ты думала, что твоя няня была твоей мамой?

— Да, думала. Я очень сильно любила ее.

Шейн смотрит на меня с каким-то шоком и недоверием, очевидно, он вырос в очень дружной семье, в которой явно не возникало таких сомнений, кто их мать.

— Печально, — говорит он.

— Да, узнав, что красивая, надушенная блондинка с холодными глазами и белой ниткой жемчуга, которая терлась о ее шелковую блузку, была моей настоящей матерью, я очень испугалась. Конечно, я была в восторге от нее. Все были в восторге. В стране, где все

население черноволосое, с темной кожей, она казалась особенной. Независимо от того, куда мы шли все обращали на нее внимание.

— Я помню, как однажды мы вдвоем ожидали, когда нас заберет водитель у магазина, а мимо проходило уличное шествие. Оно было разным — там шли школьники, учителя, солдаты... одна из групп пела и это были слепые попрошайки, поддерживающие друг друга. Но когда они проходили мимо нас, один из этих слепых, вдруг поднял свои очки и просто в открытую пялился на мою мать.

Шейн хмурится.

— Поэтому, несмотря на то, что она была особенной, я никогда не гордилась, что я ее дочь. Мне даже кажется, еще будучи маленькой, я уже ощущала отсутствие ее любви. Иногда мне даже казалось, что она с трудом находилась в одной комнате со мной.

— Прости. Это должно быть было ужасно, — тихо говорит Шейн.

— Не знаю с чем это было связано. Но, когда растешь в фаталистическом обществе спокойно воспринимаешь совершенно неприемлемое более легко. Однажды я спросила Читру, почему моя мать не любит меня. Она посмотрела на меня своими большими грустными глазами и сказала: «Возможно она была твоим врагом в прошлой жизни».

Глаза Шейна распахиваются.

— Вау! Это полное дерьмо.

— Не скажи. Читра индуска, и она верит в реинкарнацию. По ее словам, даже если у тебя нет никаких воспоминаний о своих прошлых жизнях, твой дух распознает врагов и людей, которые тебя любили, из других жизней и реагирует соответствующим образом.

— Что насчет твоих братьев или сестер? Их это тоже касалось?

— Если я была врагом моей матери в прошлой жизни, то мой брат Джош был ее великой любовью. Когда мне было шесть, я услышала, как она сказала ему: «Я мечтала о тебе каждую ночь, когда ты был у меня в животе». Джош все делал правильно, не правильно к нему просто не относилось. Однажды он залез на обеденный стол и стал писать по всему залу, специально распыляя струю. Он даже попал на нашего повара и ей пришлось бежать к себе в комнату, мыться и переодеваться. Но когда моей матери сказали об этом, она просто сделала вид, что как бы ругает его. Он убежал к себе в комнату, обидевшись и надувшись. Я до сих пор помню, как мама ушла наверх и сидела у него целую вечность, уговаривая его спуститься вниз на ужин.

— Дай угадаю, он превратился в капризного маленького мальчишку, который таскал тебя за волосы и заставляя плакать?

Я улыбнулась.

— Таскал меня за волосы? Он пошел немного дальше. Он поджог их. Это был единственный раз, когда я видела, как мой отец потерял контроль. Он потушил огонь голыми руками, а затем оторвал ветку от дерева и выпорол моего брата, мама выбежала с криком в истерике из дома и бросилась к Джошу. Я все еще помню, как мой отец стоял над ним, тяжело дыша с дикими глазами. Но хватит обо мне, что насчет тебя? Расскажите мне о себе, — прошу я.

— Мы — цыгане. Моя мама из цыганской семьи, отец — ирландец-путешественник.

— Ух ты! Это очень интересно. У тебя должно быть тоже было удивительное детство.

— Было. У меня было замечательное детство. По крайней мере, пока не умер отец. Потом все развалилось на некоторое время.

— Прости, — говорю я.

— Это было давно, — отвечает он и быстро меняет тему, возвращаясь ко мне. — Итак, как же ты оказалась в Англии?

— Я сбежала из дома, когда мне было девятнадцать, — коротко говорю я.

Его глаза наполняются любопытством.

— Сколько же тебе сейчас?

— Двадцать.

Он хмурится.

— Ты в этой стране только год.

Я киваю.

— Как ты связалась с Ленни?

Я отрицательно качаю головой.

— Я не могу сказать.

Он смотрит на меня, в его глазах видится лед, и я отвожу свой взгляд.

— Но ты с ним по собственной воле.

Я киваю.

— Я хочу, чтобы ты запомнила мой номер телефона и адрес.

Он говорит его и заставляет несколько раз повторить.

— Если ты будешь нуждаться во мне, просто позвони или приезжай прямо ко мне домой. Запасной ключ лежит под ковриком. Позвонишь, скажешь консьержу свое имя, и он впустит тебя. Хорошо?

— Хорошо.

На следующее утро, как только я слышу, как письма проскальзывает в створку, бегу к двери, и вижу два письма на полу. Одно — счет за коммунальные услуги. Другое я беру обеими руками, у меня сжимается желудок от волнения. Трясущимися руками я открываю его и мои глаза тут же выхватывают первый пункт.

О Боже мой! Они приняли меня!

Я прижимаю письмо к груди и чувствую крошечный фонтан радости внутри себя. Ягель увидел воду и понял, что все улучшится.

Если бы только я могла кому-то рассказать, поделиться своей счастливой новостью, но нет. У меня нет друзей в Англии, и я оборвала все связи в Индии. Конечно, я не могу сказать Ленни, потому что он не одобрит это.

Проходя мимо зеркала, я смотрю на свое отражение и почти не узнаю женщину, стоящую передо мной. Почему я выгляжу такой живой? И во мне вдруг разыгрался дух неповиновения. Почему я не могу с кем-то отпраздновать свою благую весть?

Я натягиваю легкое летнее пальто и выбегаю из квартиры. Я спускаюсь вниз по лестнице и останавливаюсь на тротуаре. Может стоит взять такси, но я решаю, что отныне буду экономить каждый пенс. Я никогда не была так близка к своей цели.

Я иду к станции метро в счастливом оцепенении. В вагоне я улыбаюсь про себя. Женщина бросает на меня взгляд и улыбается в ответ. Я улыбаюсь ей. Она снова улыбается, потом отводит взгляд в сторону.

Шейн оказывается живет всего в девяти остановках от меня.

Продавец журналов у станции метро объясняет, как мне лучше пройти к нему, и я радостно двигаюсь в ту сторону. Дом Шейна не такой уж особенный, как у Ленни, но я не ожидала, что он будет особенным.

Я знаю, что у Шейна не много денег.

Он ездит на мотоцикле, и когда я прямо спросила его откуда он знает Ленни, он как-то расплывчато упомянул о каком-то бизнесе. На самом деле, я представляю его замок, скорее всего будет напоминать фермерский дом, небольшой и запущенный, но мне плевать. Он — мой друг.

Я стою снаружи его дома, поднеся палец к звонку домофона и сомневаюсь. Он сказал мне, что я могу прийти, когда почувствую, что он мне нужен и что почти всегда до обеда он дома. *А что если он не один или у него там подруга, другая женщина?* От этой мысли мне становится немного тошно. Я чувствую напряжение у себя в животе, и нажимаю на звонок.

Голос Шейна слышится через динамик, звук агрессивный и удивленный.

— Что ты здесь делаешь, Сноу? — спрашивает он.

— Ты сказал, что я могу прийти, если... если... захочу, — запинаясь я.

Раздается звук зуммера, и я открываю дверь. Я пересекаю холл, иду к лифту, но все мои прежние восторги испаряются. Он не рад меня слышать. Я вхожу в лифт и нажимаю кнопку его этажа. Когда индикатор загорается на первом этаже, я ударяю себя кулаком по лбу.

Идиотка!

Это не Индия, где люди приходят в гости друг к другу без звонка. Я вспоминаю, как это бесило мою мать, когда всякий раз индийские родственники отца просто звонили у ворот,

потому что хотели с ним повидаться. Таков обычай той страны, но не ее.

И Шейн англичанин, как моя мать. Я должна была сначала позвонить ему.

Вдруг, я чувствую слезы. Маленький фонтан внутри меня затих, и ягель опять замкнулся в себе. О Боже! Я сама все испортила. Двери лифта открываются на его этаже, и я поспешно нажимаю кнопку, чтобы двери закрылись. Чтобы они быстрее закрылись я несколько раз нажимаю кнопку G. «*Побыстрее закрывайтесь*», — молюсь я про себя, но как только они начинают закрываться, огромная мужская рука, проскальзывает между ними, останавливая.

— Эй, — говорит Шейн полностью появляясь у дверей лифта. — Какого черта? Ты сейчас начнешь спускаться вниз.

Я отшатываюсь.

— Прости. Я должна была сначала позвонить. Это было грубо с моей стороны. Я забыла. Все эти английские обычаи, я не привыкла к ним. У тебя могут быть гости или ты можешь быть занят.

Он секунду смотрит на меня недоверчиво.

— Ты пришла навестить меня? — спрашивает он.

Я киваю.

Он держит дверь лифта открытой и вытягивает меня за запястье. Я прикусываю губу, чтобы не заплакать, но слезы уже жгут глаза. Я не могу поверить, что я сейчас заплачу, еще только этого не хватало для моего полного унижения. Сглотнув, я начинаю усиленно мигать. О Боже, он подумает, что я самая большая плакса во всем мире.

На мгновение он, кажется, застывает от изумления. Затем внезапно тянет меня к себе, к своему крепкому телу.

— У меня нет гостей, и я не занят, — говорит он мне в волосы.

Как полная дура, я начинаю плакать всерьез.

— Я не знаю, почему я плачу. У меня совершенно нет ни одной причины, чтобы плакать. Я такая наглая идиотка, — лепечу я.

— Я рад, что ты решила зайти, — тихо говорит он.

— Правда? — шмыгаю я носом.

— Абсо-бл*ть-лютно.

Маленький фонтан в моем сердце снова начинает жить.

— Извини, если я показался неприветливым, — говорит он тихо. — Я не знал, что думать. Ты застала меня врасплох. Я не ждал тебя, и я автоматически подумал, что случилось что-то плохое.

Я вытираю глаза руками.

— Нет, прости. Я не знаю, что со мной случилось. Плакала, как дурочка без причины.

— Забудь, — говорит он.

— Ладно, — соглашаюсь я с благодарной улыбкой.

— Пойдем, — предлагает он и ведет меня в свою квартиру.

Первое, на чем останавливается мой взгляд — это игрушки, разбросанные по полу.

Он насмешливо поглядывает на меня.

— На тот случай, если тебе интересно, они не мои. Игрушки моей племянницы и племянника. Я няня в течение следующих двух часов.

Я прислушиваюсь, но в квартире довольно тихо.

— Где же дети?

— Спят, слава Богу.

Я хихикаю.

— Сколько им?

— Лилиане четыре, хотя мне кажется все тридцать четыре, а Томми три, но он однозначно из породы обезьян. Он вскарабкался вверх по шкафу, чтобы дотянуться до кулька конфет.

— О, — говорю я со смехом.

— Они проснутся через час, и ты сможешь с ними познакомиться.

Он хочет, чтобы я осталась и встретила с детьми.

— Я бы хотела, — застенчиво говорю я. — Так значит их зовут Лилиана и Томми.

— Ну, он по крайней мере до сих пор Томми, — сухо отвечает Шейн, — но она решила на прошлой неделе, что больше не хочет быть Лилианой, а будет Маргаритой Лоо Хум.

Я смеюсь.

— Маргаритой Лоо Хум?

— Да, и ты не сможешь никак сократить это имя и сказать просто Маргарита. Называть ее нужно только полным именем или никак.

Я улыбаюсь.

— Почему?

— Понятия не имею. Ты можешь сама ее спросить, когда она проснется.

— Спрошу, — говорю я посмеиваясь.

— Я как раз собирался сделать себе ланч. Присоединишься ко мне?

— Спасибо, но я не голодна.

— Ты пожалеешь, если не согласишься.

Смеясь, я следую за ним на кухню, выполненную в теплых тонах меда и желтого.

— Что ты будешь пить? Молоко? Сок? Воду?

— Сок будет хорошо.

— Апельсин, яблоко, или... любимый Лилианы... выжитый манговый сок.

— Я попробую манго.

Он достает стакан из шкафа и наливает густую оранжево-красную жидкостью.

Появляется кошка и трет мордой о мои ноги.

— У тебя есть кошка! — восклицаю я.

— Хм. Это Суки, — отвечает он, зачерпывая рис непрозрачным пластиковым стаканчиком, высыпая его в дуршлаг.

— Тебе помочь? — спрашиваю я.

— Давай установим четкие правила с самого начала. Эта кухня — моя территория, — заявляет он.

— Хорошо, потому что я готовлю так, что это опасно для моей жизни, — говорю я.

Потягивая сок, я наблюдаю, как он промывает рис под проточной водой, сливает ее, и наливает из бутылки в кастрюлю нужное количество воды, солит, закрывает крышкой и оставляет на огне.

— Ты была такая счастливая, когда звонила мне, — говорит он, доставая живого лобстера в ведре с водой и кубиками льда.

— Да, была, — растерянно отвечаю я, смотря на лобстера. У него связаны клешни, но все его маленькие щупальцы отчаянно двигаются. — Я хочу сказать, что да, на самом деле была радостной. Сегодня утром я получила отличные новости.

Он хватает большой нож и кладет лобстера на разделочную доску.

— Да?!

Мои глаза расширяются от ужаса.

— Ты же не собираешься убивать лобстера, чтобы съесть его, не так ли?

Он по-прежнему держит нож над лобстером, но при этом посматривает на меня.

— А почему я не должен?

Я выпускаю воздух из губ.

— Он же живой. Разве ты не чувствуешь себя плохо, когда убиваешь своими руками?

Он потирает подбородок ребром кулака, держа нож.

— Ты не ешь лобстера?

— Ем, — неловко признаюсь я, — но я не смогу съесть его, если видела живым до приготовления.

Он смеется.

— Мы все когда-нибудь умрем, Сноу. У этого парня была неплохая жизнь на дне океана, и я сделаю ему быструю смерть. Я хочу, чтобы моя смерть была тоже такой же быстрой.

— Я не могу на это спокойной смотреть, а потом есть его.

Он ухмыляется.

— Ты лицемерка, Сноу. Ты ешь лобстера, когда кто-то другой убьет его для твоего блюда, положит в коробочку из пенопласта, затянув пищевой пленкой, и выложит на полку супермаркета.

— Именно так.

— Ясно. Отвернись тогда. Я собираюсь совершить над ним последний обряд.

Я отворачиваю голову и слышу треск с хлюпаньем, нож ударяется о разделочную доску. Я поворачиваюсь к нему, лобстер аккуратно разделен пополам, но его щупальцы все еще двигаются. Потом они останавливаются. И глядя на его неподвижное тело я вспоминаю, как очень сильно хотела отомстить, мне хотелось убивать и не только лобстера или осьминога, а людей. Тогда я действительно могла убить с поющим сердцем.

— Шейн?

Он поворачивает ко мне голову.

— Что?

— Ты мог бы убить человека?

Его глаза сужаются, в них чувствуется опасность.

— Если он причинит тебе боль... я имею в виду настоящую, реальную боль, или тем, кого-то ты любила...

Он отвечает без колебаний, его голос звучит сильно и уверенно на кухне, где кипит рис и лежит мертвый лобстер на деревянной доске.

— И да. Я бы убил за тех, кого люблю.

Я медленно киваю и несколько секунд мы смотрим друг на друга. Его глаза горят яростью. Он больше не говорит ни слова, но я вдруг чувствую себя в безопасности, я никогда так не чувствовала себя с Ленни. Мои мышцы наполняются силой, и я ощущаю, словно могу совершить все, что угодно и быть кем угодно.

8. Сноу

— И почему ты решила нанести мне неожиданный визит? — спрашивает он, зачерпнув и отбрасывая желто-зеленую пенку из варящегося лобстера.

— Прости, теперь я понимаю, что мне следовало сначала позвонить. В Англии все не так, здесь не принято суваться в чью-нибудь дверь без приглашения.

Он берет лимон из вазы с фруктами, стоящей на кухонном столе, моет и режет на дольки.

— Ты уже пришла, но, как правило, люди торгуют вещами, которые тебе не нужны, и подозрительные подруги, пытаются подловить своих друзей в компрометирующей ситуации, — сухо отвечает он.

— Ты можешь еще кое-что добавить в свой список — женщину, которые только что получила хорошие новости.

Он отрывает глаза от лобстера, подняв вопросительно бровь.

— У тебя имеются хорошие новости?

Я радостно усиленно киваю.

— Тогда расскажи.

— Ладно, слушай, — говорю я со счастливой улыбкой. — Моя самая большая мечта, столько, сколько я себя помню, заключается в том, что я хотела стать дошкольным учителем. Я хотела отдать то, что моя няня давала мне — привить детям тягу к знаниям. Но моя мама не хотела, чтобы я стала воспитателем. По ее мнению, за эту работу плохо платили, она считала эту работу неблагодарной, а также была уверена, чтобы я ни делала, я не смогла бы изменить ни на йоту маленьких детей. Думаю, это именно та причина, почему я сбежала в Англию. Я поняла, если я хочу, чтобы моя мечта осуществилась, мне следует покинуть Индию... и, поскольку у меня был британский паспорт, я приехала сюда.

— Но здесь в Англии, все педагогические колледжи выставляют требования — иметь опыт работы, по-другому они не принимают. Итак... я написала, что у меня уже имеется опыт некоей волонтерской работы в местных школах, и сегодня утром пришло письмо — меня приняли.

— Похоже я сейчас смотрю на самого счастливого воспитателя, которого мне доводилось видеть? — спрашивает он, прищурившись.

Да, точно, я теперь учитель дошкольного образования.

— Я всегда хотела учить маленьких детей.

— Мне кажется, ты будешь блестящим воспитателем детей дошкольного возраста.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно. Ты же не можешь не быть, раз такая любознательная? Ты видишь образование, как передачу какого-то вида магии, — говорит он, поставив чугунную сковороду гриль на плиту.

Мы ведем дальше свой разговор, пока он сбрызгивает две половинки оливковым маслом и добавляет соль и перец. Я смотрю на его красивые руки, как они сыпят щепотку паприки, паря над лобстером. Роскошная, экзотическая красная пыль оседает, как пурпур на серой коже лобстера. И вдруг ниоткуда у меня появляется мысль: *«Как было бы здорово почувствовать его большие, сильные руки на своем теле».*

Ножницами он отрезает веточку петрушки из горшка, стоящего на подоконнике, мелко ее рубит и бросает в глиняную миску. Он надавливает на нож ребром кулака, чтобы разрубить зубчики чеснока и четыре гвоздики. Потом передвигается к синей керамической миски, положив две толстые палочки сливочного масла и щепотку чили.

Он наливает немного оливкового масла на горячую сковороду и кладет половинку лобстера. Раздается шипение. Очень быстро он переворачивает их и брызгает коньяком. Два длинных синих языка пламени вырываются с досадой из-под сковородки.

— Вау! Впечатляет, — говорю я.

— Ты предполагаешь, что это впечатляет? Подожди, пока не увидишь, что я еще могу приготовить, — поддразнивает он.

У меня начинает краснеть лицо, похоже я похожа сейчас на лобстера.

Раздается писк, рис готов, он снимает лобстера с огня.

И поворачивается ко мне.

— Хочешь?

У меня во рту текут слюнки, так вкусно пахнет, но я решительно отрицательно качаю головой. Я видела сначала живого лобстера. Лицемерка я или нет, не могу. Я бы съела, если бы не видела его смерть.

— Последний раз, предлагаю.

— Спасибо, нет, — твердо отвечаю я.

Он открывает рисоварку и кладет ложку риса на огромную, белую, квадратную тарелку. Он берет половинку лобстера и кладет его на рис, осторожно поливая ложкой готовую смесь из растопленного сливочного масла, на еду.

Он поднимает на меня глаза.

— Итак, ты собираешься наблюдать, как я буду есть?

— Да. Если ты не возражаешь.

— Хмм... хочешь шоколадное печенье с кусочками шоколада? Оно очень вкусное.

Я не решаюсь.

— Умммм.

— Ее величество Леди Маргарита Лоо Хум испекла собственноручно.

Я улыбаюсь.

— Она правда сама сделала?

— Она удивительный пекарь, — убедительно говорит он.

— В таком случае — да.

Он открывает жестяную коробку и ставит передо мной. Печенье сделано в форме животных.

Я беру кошку.

— Спасибо, — откусываю. — Это на самом деле очень вкусно, — удивленно отвечаю я.

— Возьмешь с собой эту коробку, — говорит он и направляется к обеденному столу, накрытого для одного.

Он поднимает бровь.

— Как насчет бокала Пино Блан?

Я отрицательно качаю головой, увлекшись его готовкой. Только истинный гурман будет прилагать столько усилий, чтобы сделать себе такую трапезу, но ему кажется даже невдомек, насколько необычно его поведение.

Он выуживает бутылку вина из ведерка со льдом и наливает себе бокал пшеничного

цвета жидкости. Затем садится и берет нож с вилкой. Я смотрю, как он отрезал кусок лобстера и, испытывая акт чистого удовольствия, подносит ко рту, и у меня текут слюнки, как у собаки Павлова. Мое печенье, кажется при такой трапезе детской индугенцией, наблюдая как он смакует каждый кусочек. Слово он уникальное произведение искусства, и он имеет привилегию попробовать его.

Я наблюдаю за ним, как он ест, и во мне поднимается радость от этого зрелища. Мы разговариваем и смеемся, с ним легко и весело. На тарелки остается только два или три кусочка, когда из глубины квартиры раздается пронзительный крик.

— Хорошее время закончилось, дети проснулись, — добродушно говорит Шейн, вставая.

— Мне подождать тебя здесь? — спрашиваю я.

— Нет, ты явно не захочешь этого пропустить, — со смехом отвечает он.

Я иду за ним, остановившись в дверях комнаты, окрашенной в яркие цвета с двумя детскими кроватками и множеством игрушек.

— Это *не случайно!* — яростно кричит на мальчика красивая, голубоглазая маленькая девочка, уперев руки в бедра, который сидит со скрещенными руками.

— Что здесь происходит? — спокойной спрашивает Шейн.

— Он, — она чуть ли не дымит, бросая свирепый взгляд в сторону своего кузена, потом поворачивается к Шейну, — пока я спала, он ударил меня по голове своим паровозиком.

Шейн входит в комнату.

— Позволь я посмотрю твою голову, — говорит он.

Она осторожно дотрагивается до своей макушки и жалобно скулит:

— Я делала все, чтобы он был счастлив, а он просто хочет меня убить, — она прерывисто вздыхает, и убирает ладонь с макушки, умоляюще спрашивая:

— Почему? Почему?

Шейн опускается перед ней на корточки.

— Конечно, он не хочет тебя убить, дорогая. Он же твой двоюродный брат.

— Да, он ударил меня паровозиком. Да, ударил, — настаивает она, с яростью ударив по бокам ладонями. Она указывает пальцем на Томми. — Он хочет, чтобы я умерла.

Шейн осторожно ощупывает ее макушку.

— Для чего Томми тебя убивать?

Она задумывается на минуту.

— Чтобы забрать все мои игрушки, — торжествующе отвечает она.

Шейн качает головой.

— Он мальчик. Ему не нужны куклы и набор посуды.

Похоже, она тут же теряет интерес к мотивам убийства Томми.

— У меня на голове шишка, да? — с тревогой спрашивает она.

— Возможно, но очень и очень маленькая, — соглашается Шейн.

— Я больше не буду с ним спать. Не заставляй меня этого делать, дядя Шейн, — умоляет она.

Я вынуждена посмотреть в сторону, чтобы скрыть свою улыбку. Шейн же сохраняет совершенно невозмутимое выражение лица.

— Зачем ты ударил ее паровозиком, когда она спала, Томми? — спрашивает Шейн маленького мальчика, который до сих пор молчит.

Он поднимает плечи почти что до ушей.

— Это случайно получилось. Я хотел ее поцеловать, но паровозик выпал у меня из рук, и... и ... ударил ее по голове.

Шейн тут же поворачивается к Лилиан.

— Видишь? Все вышло случайно. Он просто хотел тебя поцеловать.

— Я ему не верю. Он, — она хмурится, пытаясь вспомнить нужное слово, — малолетний преступник.

Губы Шейна дергаются.

— Знаешь, что? Я *ему* верю. Ты очень и очень привлекательная девочка, — и он дважды целует ее в щеку, громко чмокая. — Ты никогда не смотрела на свою новорожденную сестренку и не хотела ее поцеловать?

Она косится на Томми.

— Хотела, Лаура миленькая, — признает она.

— Ты прощаешь его? — спрашивает Шейн.

Она смотрит на Шейна.

— Я подумаю об этом.

— Ладно. Подумай об этом, пока у нас будет ланч, — он смотрит на племянника. — Томми, что нужно сказать, когда ты случайно кого-то ударил?

— Извини, — тут же гундит он.

— Хороший мальчик. Почему бы нам не отправить на кухню и не поесть?

Томми, рад, что его не наказали, поэтому нетерпеливо кивает.

— Кто это? — спрашивает Лилиана, заметив меня.

— Это Сноу, поздоровайся с ней.

— Привет, Сноу, — говорит она, вытирая слезы и тут же забыв о своем гневе.

— Привет, а как тебя зовут? — спрашиваю с улыбкой, я очень хочу, чтобы она произнесла мне свое новое имя.

— Маргарита Лоо Хум, — отвечает она, словно произносит клятву.

— Красивое имя. А что оно означает? — так же торжественно спрашивая я ее.

— Оно ничего не означает, оно мне просто нравится, потому что напоминает морского конька или русалку, точно не знаю кого.

Я улыбаюсь от правдивой наивности. Много времени прошло с тех пор, когда я была среди детей. Это напоминает купание моей души в прозрачной, чистой родниковой воде, от этого утренние новости становятся еще ценнее.

Я поворачиваюсь к Томми.

— Привет, Томми.

— Привет, — смущаясь отвечает Томми.

— Он плакса. Он все время плачет, — с презрением говорит Лилиана.

— Извини, — перебивает ее Шейн, — но ты тоже все время плакала, когда была в его возрасте.

— Я только плакала, когда не хотела пить молоко, а он плачет все время.

Оба, я и Шейн взрываемся смехом.

— Ты подруга дяди Шейна? — вдруг спрашивает Лилиана.

Я смотрю на Шейна, но он невинно глядит на меня.

Я прочищаю горло.

— Я друг дяди Шейна, — по-взрослому говорю я.

— Разве ты не хочешь быть девушкой дяди Шейна? — спрашивает она с любопытством. Я вижу, как Шейн злорадно ухмыляется.

— Ответь ребенку.

— Ну, — говорю я.

— Я знаю. Ты можешь выйти за него замуж, если захочешь, а потом вы сможете целоваться, как мама с папой.

Шейн лопаётся со смеху, и даже я улыбаюсь.

Следующий час — лучший час за много лет. Шейн и я подогрели толстые домашние рыбные палочки с луценым горохом и картофельным пюре, которые отправила мама Лилианы. Дети лопаются от смеха, и мое первое впечатление от Томми, как беспомощно малыша, быстро проходит. Он, оказывается, непослушным чертенком.

После ланча Шейн включает запись Whip/Nae Nae, Лилиана знает все движения и начинает танцевать. От грохота музыки и бесконечных танцев, кошка крадется в сторону кухни.

— Еще раз, — канючит Лилиана, когда трек заканчивается.

Бог знает как, но на третий раз, главной командирши удалось заставить присоединиться Шейна и меня. Я так долго была далека от этого, что не знаю ни одного движения, но Шейн, также как и Лилиана знает их все. У него очень хорошо получается, даже слишком хорошо.

Мы все останавливается, когда звонит телефон.

— Я могу ответить, дядя Шейн? — спрашивает Лилиана.

— Давай. Это, наверное, твой папа.

Она бросается к телефону, снимает трубку и говорит:

— Алло, Маргарита Лоо Хум слушает.

— Папаааааа, — визжит она, потом слушает некоторое время и спрашивает: — Во сколько ты приедешь? Хорошо.... Привет, мамочка. Да, я была очень, при очень хорошей, хотя Томми был совсем не хорошим. Он ударил меня по голове и очень сильно. Свои паровозиком... Да, я была очень мужественной, правда у меня очень большая шишка на голове, но она уже проходит.

Я смотрю на Шейна округлившимися глазами от такого вранья.

— Не переживай, все знают, что она ходячая проблема, — бормочет он подмигивая.

Должно быть ее мать спросила про обед, потому что Лилиана говорит:

— Да. Рыбные палочки, картофельное пюре и горох, — она поворачивает глаза в мою сторону. — Нет, но подруга дяди Шейна тоже здесь. Да. Да. Не знаю. — Она глубоко вздыхает. — Мамочка, ты купила мне что-нибудь? Ура! Хорошо, скоро увидимся. Я люблю тебя, мамочка. Пока, — она кладет трубку и бежит к нам.

— Мама и папа уже едут.

— Я думаю, мне пора, — говорю я.

— Ты не должна уходить, — сразу же отвечает Шейн.

— Нет, мне нужно идти. Уже поздно.

— Уверена?

— Да, — с улыбкой отвечаю я.

— Я вызову тебе такси.

— Спасибо, Шейн.

Меньше чем через пять минут, такси звонит, ожидая нас снизу.

— Я на самом деле наслаждалась каждой минутой с вами, — говорю я.

— Давай. Мы все спустимся с тобой вниз.

Мы все набиваемся в лифт и спускаемся. Шейн закрывает дверцу такси, и я замечаю серебряный Бентли, подруливающий к подъезду. Я смотрю назад, высокий мужчина чем-то похожий на Шейна выходит из машины вместе с красивой женщиной, в ней явно чувствуются восточные корни. Женщина держит на руках ребенка, и Лилиана подпрыгивает вверх-вниз от волнения. Как только Шейн отпускает ее руку, она бежит к отцу и бросается в его объятия. Он подхватывает ее и поднимает высоко в воздух, кружа вокруг, она визжит от восторга.

Такси выезжает на другую улицу, и я уже не вижу их.

9.

Сноу

Было уже почти семь часов вечера, и свет, заполняющий мою квартиру из окон, наполовину серовато-синий, наполовину штормовой фиолетовый и есть огненно-оранжевый, как глаза у ястреба. Я хожу как неприкаянная среди этих стен, как только вернулась из дома Шейна. Слышится в тишине только мое дыхание, да звук журчащей воды по трубам.

Меня не покидает ощущение чего-то — страха и волнения.

Горячий, влажный ветер врывается в окно, и я останавливаюсь, оглядываясь по сторонам, словно вижу все впервые. Кругом тихо и спокойно. Но нет никаких любимых картин, семейных фотографий или полюбившихся и собранных маленьких безделушек. Стены цвета магнолии, мебель простая, коричневая, и все чисто, как в клиники, как в отделение реанимации в больнице.

Странно, учитывая, что это место было моим спасением, моим утешением и моим убежищем. Моим укрытием от внешнего мира. Мира, который поджидал меня, готовый причинить мне боль. Я прислушиваюсь к тишине, она ощущается тяжелой и давящей.

Я возвращаюсь мыслями к маленькой Лилиане, создающей бесконечные проблемы.

— Маргарита Лоо Хум, — шепчу я, и произнеся ее выдуманное имя вслух, в этой гнетущей тишине, я хихикаю.

Я пытаюсь представить ее в доме с ее родителями. Понятно, что они ее обожают. Образ, который возникает у меня, теплый, яркий, наполненный смехом, переплетенный с запахом Лилианы и печенья, которое печет ее мать.

Я думаю о Шейне. Конечно, он сейчас не дома, скорее всего в «Эдеме». Я пытаюсь представить, как он ходит, разговаривает, смеется, и мне грустно, что я не являюсь частью его жизни. Я скучаю по его озорному смеху, его красивому лицу, его хищной улыбке и теплым, сверкающим глазам.

Но я тут же останавливаю себя. Я не могу стать частью его жизни. Неважно, насколько хорошо нам было сегодня днем, он насквозь плеябой. Я вижу это за милую. Нельзя доверять тому, кто настолько прекрасно выглядит, особенно если это мужчина. Для него это очередной флирт, потом он исчезнет, отправившись искать лужок позеленее.

Мои мысли неизбежно возвращаются к маме. Она совершенно бы не одобрила Шейна, если бы когда-нибудь его встретила. Конечно, она никогда его не увидит, но все же.... Она всегда хотела, чтобы ее дети женились или вышли замуж за деньги.

— Что вы можете сделать с прекрасной внешностью? — говорила она. — Вы не можете ее съесть. Она не будет платить по счетам. Она принесет только бесконечные проблемы. Вы будете искать номера телефонов у него в карманах, просматривать его оплату счетов и будете переживать каждый раз, когда он задерживается домой.

Итак, моя сестра Кэтрин вышла замуж за деньги.

Когда ей было двадцать три, она встретила Кишора, невзрачного парня с вьющейся шевелюрой. Ему было тридцать, и он из «хорошей», влиятельной индийской семьи. Они влюбились друг в друга за тарелкой марсала тосай, она подписала шесть страниц жесткого брачного контракта, и они сыграли самую большую свадьбу в Калькутте. Политические деятели и знаменитости Болливуда присутствовали на этом блестящем событии.

Теперь она родила ему троих детей, он изменяет ей все время, иногда даже не

скрываясь, но она остается с ним. Она не хочет уезжать из особняка, лишаться слуг, бассейна и всевозможных приглашений на лучшие вечеринки, а также выезжать за границу для шоппинга.

С другой стороны, моя мама совершенно в недвусмысленных выражениях сообщила, что мой брат жениться только по любви. Это единственный раз, когда мы пришли к соглашению в таком важном вопросе.

Мой брат и я пока свободны. С того времени, как мы были детьми, он не воспринимал меня всерьез. Я никогда не понимала, почему он так сильно меня ненавидел. У него было все. Он был любимцем моих родителей и получал абсолютно все, чего хотел.

Даже когда папа потерял все свои деньги и все, что ценное было в доме, который, к счастью, он перевел на имя моей матери, а также деньги, которые он припрятал, меня тут же вытащили из международной Калькуттской школы. По поводу меня решение было однозначное, поскольку не хватало денег, чтобы продолжить платить за учебу Джоша и потом отправить его в Америку, чтобы он смог закончить свое образование.

Наш большой дом был продан. Часть вырученных средств пошла на финансирование образования Джоша, а часть на покупку небольшого дома. Когда Джош улетел, я осталась в доме с родителями, кухаркой, садовником и горничной, которая приходила на день. Все мои школьные подруги тут же пропали, были либо слишком заняты, либо покинули страну, чтобы закончить свое образование за границей. Папа заперся в комнате и смотрел постоянно телевизор. Моя мама сразу же стала очень несчастной женщиной, поскольку рядом не было брата, и мы лишились «гламурного» образа жизни.

Очень часто сотрудники офисов и рабочие с заводов приходили к воротам нашего дома, умоляя выплатить им заработную плату. Однажды я спросила маму, почему мы не заплатим им хоть что-то.

— Элизабет, — натянуто ответила она. — Если бы у тебя была возможность, ты бы отправила нас всех вместе попрошайничать вместе с ними на улицу, не так ли?

Прошло время, и сотрудники папы, не получающие денег, становились все более и более отчаянными. Они начали трясти ворота и выкрикивать оскорбления. Моя мама стояла у окна за занавеской и наблюдала за ними, когда садовник с киркой стал ругаться на них, прогоняя.

В страхе от их агрессии, моя мама вдруг решила, что она не хочет, чтобы я закончила образование, даже в местной школе. Я была очень расстроена, но я не хотела вступать с ней в конфронтацию, поскольку дома итак было не все ладно. Поэтому я сидела на качелях и читала. Я читала тонны книг. Я читала классиков, переведенные произведения. Я читала индийских поэтов. Но моя жизнь мне казалась бессмысленной. Я чувствовала себя узницей. В ловушке и без будущего. А я хотела жить.

Не знаю, что заставило меня решиться в один прекрасный день убежать. Возможно, оттого, что моя мать не позволяла мне осуществить свою мечту — стать дошкольным учителем, воспитателем. Я открыла сейф (я знала папину комбинацию цифр, еще когда мне исполнилось пятнадцать) и взяла, конечно, украденные деньги. Мой паспорт был готов, поскольку я училась в международной школе. Я взяла такси до аэропорта и села на самолет.

Мне было девятнадцать, когда я прилетела в Лондон. Была осень и воздух был холодным, но я помню, что была так взволнована, во мне бушевали эмоции, что я даже не чувствовала холода. В одной футболке я отправилась на вокзал Виктория. Оттуда было легко добраться. Я спустилась в метро, купила билет и села в вагон, затем вышла через две

остановки на Оксфорд-Сёркес.

Оксфорд-Сёркес — центр Лондона, от которого я испытала шок. Кругом была суета и энергия била ключом. Я не могла в это поверить. Мир казался большим, красивым, светлым местом, и я была так счастлива. Я направилась в хостел ассоциации молодёжных турбаз, который нашла в Интернете, кровать там стоила £18.00. У меня было достаточно денег в рупиях, но я надеялась в скором времени найти работу.

Хостел ассоциации молодежи турбаз был интересным местом, декор был блестящий, ярким, как драгоценности. Он больше походил на детский сад, чем на бюджетную турбазу. И мне он понравился. В комнате было две кровати, накрытые ярко-зеленого цвета наволочкой и такой же пододеяльник. Одна уже была занята, поэтому я положила свою сумку на вторую, я так волновалась, если честно.

Я отправилась в Интернет-кафе, где был бесплатный Wi-Fi, в нем были фиолетовые кресла-мешки, выглядевшие смешно, но на самом деле были очень удобными. Я села за компьютер и отправила письмо папе, сообщив, что я в Лондоне, извиняясь, что взяла без спроса деньги из сейфа, но пообещала их вернуть, как только найду работу. Я написала, что люблю его и маму, и вышла из сети.

Когда я вернулась в свою комнату там уже была моя соседка.

— G'day, — воскликнула она. Я не слышала раньше, чтобы так говорили «Доброе утро», но позже узнала, что это сокращенный вариант. (*g'day — здравствуй (от good day; типично австралийское приветствие.)*)

Вдруг я почувствовала давнишний холодок, бегущий по спине и гнетущее ощущение. Я глубоко вздыхаю и закрываю глаза. Ее лицо настолько отчетливо стоит у меня пред глазами, словно все это случилось вчера. Пока жива я никогда не смогу ее забыть. *Но я в порядке, сейчас со мной все хорошо. Я выжила.*

Я иду на кухню и включаю чайник, больше я ничего не хочу вспоминать. Не сегодня. Я не хочу принимать эти таблетки. Я хочу, чтобы завтра состоялось наше путешествие, мне хочется увидеть светлячков. Я хочу убежать отсюда. От Ленни и тошнотворного молчаливого соглашения, по которому я должна платить за его доброту, проявленную ко мне, своим телом столько, сколько он захочет, скорее всего всегда. Я кладу пакетик чая в кружку.

Звонит телефон, я тупо смотрю на него, пропуская на два звонка больше, чем обычно, потом снимаю трубку.

— Привет, милая, — говорит Ленни.

— Привет, Ленни.

— Как ты?

— Хорошо.

— Отлично. Послушай, у меня дела в Амстердаме завтра, поэтому я подхватываю тебя, и мы поужинаем где-нибудь сегодня вечером.

— Эээ. Не сегодня, Ленни. Я на самом деле так устала.

Воцаряется гнетущая, ледяная тишина.

— Да? И чем же ты занималась весь день? — его голос все такой же спокойный, но чувствуются стальные нотки.

— Ничем. Я убирала квартиру, обедала в кафе, потом прошлась по магазинам. Ты же знаешь, как магазины всегда изматывают меня.

— Ты купила что-нибудь красивое?

— Да.

— Что? — его голос звучит лениво, словно рептилия загорает на теплом камне, и вдруг я вздрагиваю — он подловил меня. Когда его секретарша проверит счета бутиков по его кредитной карты, она не обнаружит никаких покупок за сегодня. Он поймет, что я обманула его, раньше я не врала ему.

— Красное платье, — говорю я и быстро добавляю, — я воспользовалась деньгами, которые ты мне вчера оставил.

— Хорошо. Одень его, когда я заберу тебя в понедельник вечером. Я вернусь, и мы сходим куда-нибудь поужинать.

Я с такой силой сжимаю телефонную трубку, при этом радостно говорю:

— Было бы отлично.

— Ладно. Позвоню, когда вернусь.

— Счастливого пути.

Кладу трубку. Я играю с огнем, все могло открыться слишком быстро. Я чуть не попалась. Ленни непредсказуем, о его жестокости ходят легенды. Безжалостный, яростный хищник. Если он почувствует даже запах другого мужчины на своей территории, я столкнусь с его жестокостью, неконтролируемой яростью, которую как-то видела.

Пьяный мужчина случайно прикоснулся к моей спине в клубе. Видно он сделал это случайно, но я подпрыгнула от неожиданности, потому что он меня напугал. Ленни, увидев мою реакцию, спокойно кивнул одному из своих прихвостень. Большой зверь подмял бедного парня и стал вышибать из него дерьмо прямо посреди клуба.

Я была так потрясена, что застыла с открытым ртом, а когда наконец пришла в чувство, повернулась к Ленни и закричала: «*Останови его! Останови его!*»

Лэнни щелкнул пальцами, и его прихвостень прекратил избиение.

Я взглянула на мужчину, истекающего кровью и постанывающего, потом посмотрела на Ленни, его выражение лица совершенно не изменилось. На него это не произвело никакого впечатления, и я испугалась. Тогда впервые я стала бояться Ленни, потому что поняла, что все это было сделано для меня, он показывал мне, как может наказать человека.

Я не люблю Ленни и никогда не люблю. Я позволила ему использовать свое тело, поскольку что еще я могла сделать для него. Я была такой надломленной, а он заботился обо мне. У меня никого нет здесь, в Англии. Когда он положил руку мне на бедро, я не могла заставить себя остановить его. И потом прежде чем я что-либо поняла, он был на мне, и мы занимались сексом.

Но это должно прекратиться.

Даже если моя мечта стать воспитателем не так быстро осуществляется, мне следует вернуть контроль над своей жизнью и найти работу, чтобы себя обеспечивать, чтобы я не могла настолько зависеть от него. Возможно, потом я смогла бы снять квартиру подешевле. Это лучше, чем позволять ему использовать мое тело. Я не слишком сильная, но я чувствую, что готова. Я чувствую, что в ближайшее время мне пора начать действовать. Но я боюсь, все мое тело боится, заставляя сжимать даже зубы. Глубоко внутри себя я боюсь Ленни.

Я иду на кухню, намазываю черный хлеб сливочным маслом и кладу сверху помидор с сыром. Разрезая маленькие помидоры Черри, я вспоминаю Шейна, с какой страстью и упоением он готовил еду, и как он получал огромное удовольствие от каждого кусочка, и я ловлю себя на мысли, что живу, не чувствуя вкуса жизни. Все мое существование — это все равно что еда без соли.

Я иду к обеденному столу с сэндвичем и чашкой чая. Беру кусочек помидора, кладу его

в рот, и свежая мякоть, наполненная соком, заставляет работать мои вкусовые рецепторы. Я смакую, как крупинки соли тают на моем языке. Далее я откусываю хлеб с сыром. Сыр на вкус нежный, мягкий, я чувствую, как он медленно перемешивается с богатым вкусом намазанного масла. Мне нравится, я смакую свою еду также, как делал Шейн. Сидя с закрытыми глазами, я ловлю себя на мысли, что сейчас мой сэндвич больше не обычный, простой бутерброд, а богатство множества ароматов, вкусов и текстур.

Шейн уже заставил меня чуть-чуть измениться, хотя это незначительные изменения, но все же. Да, у меня внутри, заперто в ловушке, много боли и травм, но когда я с ним, вся моя боль прячется от него, словно боится Шейна. Видно, и правда боится, потому что он прогонит ее навсегда.

Потом я слушаю музыку и пораньше ложусь спать, я очень волнуюсь по поводу моей поездке с Шейном, поэтому не могу заснуть.

Наконец, засыпаю и просыпаюсь от звука открывающейся входной двери. Я замораживаюсь от страха, потом слышу знакомые шаги Ленни. Он заходит в спальню, молча подходит к кровати. Он склоняется надо мной и смотрит. Я продолжаю ровно и спокойно дышать и молюсь, чтобы он не разбудил меня.

К моему облегчению, через несколько минут он тихо выходит из квартиры.

Я слышу, как закрывается дверь, соскальзываю с кровати и подхожу к окну. Он идет к своей машине. Водитель открывает заднюю дверь, Ленни залезает внутрь. Расстроенная я возвращаюсь в постель. Он давно так делает, приходит по ночам, смотрит и уходит, иногда будит меня. Это вошло у него в привычку с тех пор, когда он нашел меня, и я чуть было не сошла с ума от горя и ужаса. Интересно, почему он пришел сегодня?

Может на каком-то своем уровне он почувствовал, что другой мужчина забрел на его территорию?

10.

Сноу

Шейн приходит за мной в 9:00 вечера, в это время самолет Ленни взлетает в небо, и он не будет мне больше звонить. Человек в фуражке открывает заднюю дверь синего Мерседеса, и я проскальзываю внутрь. Шейн представляет его как водителя автомобиля компании семьи.

— В основном только мои братья пользуются этим автомобилем. Я быстрее могу попасть куда угодно на своем байке, — говорит он.

— Мы разве не идем в аэропорт Хитроу? — спрашиваю я, замечая, что машина едет по другому маршруту.

— Нет, мы вылетим из Лутона, — отвечает Шейн.

— О, — говорю я, расслабляясь на мягком сиденье, пока Шейн дает инструкции водителю, как лучше довез нас до аэропорта в воскресенье. Я не прислушиваюсь к их разговору. Я чувствую, как беспокойство, комом упало у меня в животе. И меня все время не покидает чувство, словно я изменяю Ленни, хотя я его и не люблю, и он все время обманывает меня, и по любому я ничего не собираюсь делать с Шейном. Мы же друзья — Шейн и я, и собираемся только посмотреть на светлячков.

В аэропорту у меня наступает настоящий шок, потому что мы идем на посадку на частный самолет!

— Вау! Чей это самолет? — с удивлением спрашиваю я.

— Мой брат купил его для семьи около двух лет назад.

— Он бывший бандит?

— Да. Джейк был бандитом, но не суди его слишком строго. У него не было выбора. Он сделал это ради нас. Это была большая жертва для человека, который мечтал стать ветеринаром.

— Ты очень любишь своего брата, не так ли?

— Мы одной крови. Я бы отдал свою жизнь за него.

И его глаза сияют искренностью.

Меня приветствует командир самолета, называя свои имя, мы поднимаемся вверх по трапу. Это совсем другой мир. Внутри так красиво, тяжелые деревянные двери, красный роскошный ковер, и огромные кремовые кресла, стоящие лицом друг к другу, со столиком между ними. Везде расставлены свежие цветы и пахнет парфюмом в воздухе. В углублении, ближе к кабине, есть комната с двумя односпальными кроватями и с пушистыми тапочками, стоящими внизу. Стол, который он предложил занять, накрыт белой скатертью, и у меня такое чувство будто я попала в дорогой ресторан.

Мы сидим за столом, нам улыбается стюардесса, открывающая бутылку шампанского.

Я ничего не могу поделаться, но смотрю на все широко раскрытыми глазами, полная удивления.

— Боже мой, как все восхитительно, — ахаю я. — Я именно так и представляла, что все звезды кино имеют такие самолеты.

Он тихо смеется, его красивые глаза смотрят на меня снисходительно, мы чокаемся и выпиваем.

Фрукты и маленькие канапе подаются нам на сверкающем, отражающем блюде.

Наш полет в Канны занимает час сорок, город настолько дорогой и эксклюзивный, что здесь нет обычного аэропорта, посадочные полосы предназначены только для частных самолетов. Также нет никаких очередей, проходящих таможенный контроль и забот о нашем багаже. Вместо этого наши паспорта проверяются двумя полицейскими, и мы выходим на взлетную полосу.

— Добро пожаловать во Францию, — говорит Шейн.

Я поражаюсь, как легко быть богатым.

— Я не могу поверить, что мы прилетели в другую страну.

— Идем! У нас заказан ужин, — говорит он и ведет меня к машине.

Волнуясь, я смотрю на пальмы на бульварах, пока мы едем к городу. Я с изумлением разглядываю красивые старинные здания. Через двадцать минут вхожу в один из известных ресторанов в Каннах, на набережной Le Palais Oriental, который оформлен в светлых тонах с голубыми креслами и столами, накрытыми белой скатертью и зеркалами на потолках.

Здесь полно народу, я вижу всполыхи костюмов танцовщиц и большие тусовки шумных компаний. Нас дружелюбно приветствуют марокканский официант, который показывает наш столик. Столы низкие и Шейну приходится сидеть, разведя ноги в стороны. Он ловит мою улыбку и улыбается в ответ. Мне нравится мужчина, который может посмеяться над собой. В этом есть что-то милое. Мой отец не мог. Мой брат никогда не сможет позволить себе такого, Ленни оторвет любому голову, если у того даже возникнет мысль, посмеяться над ним.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шейн и я заказываем таджин из ягненка с черносливом и кус-кус, наш разговорчивый официант утверждает, что это потрясающее блюдо, потому что его готовят на груди ангела.

Мы пьем мятный чай и смотрим на ослепительно грациозных исполнительниц танца живота, как они двигаются вперед, отступая, как их руки парят в воздухе, словно змеи, и как они быстро трясут бедрами, их незабываемые роскошные костюмы, трепещут у их ног. Я тут же чувствую родство с ними — красочные костюмы, залитая солнцем кожа и колокольчики на верхней части их бюстгальтера напоминают мне красивых индийских танцовщиц из моего детства.

Как и те индийские танцовщицы, они вибрируют своим телом, творя формы, выражающие радость, смех, печаль, благодать и вожделение. Эта одна из тех историй, которая провоцирует и показывает красоту. На одной женщине надета чадра и из-за этого ее черные глаза, подведенные сурьмой, сверкают соблазнительно. Не только разговаривает ее тело, но и ее глаза.

Я оглядываюсь вокруг и вижу разные реакции людей. Для некоторых, эти женщины дешевая плоть, для других, которые видят то же, что и я, они другие. Все танцовщицы мечтательницы. Нет такого понятия, как грешная танцовщица.

— Я никогда не видела танец живота в живую, — говорю я Шейну.

— Тебе нравится? — спрашивает он.

— Очень красиво, — говорю я, наблюдая за женщиной в голубом костюме. Из нее льется в танце такой поток чувственности, и она сама так красива, что ее эмоции вливаются в мое тело.

— Согласен.

Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Шейна. Он смотрит на меня.

— В синем костюме такая соблазнительная танцовщица.

— Да, она очень соблазнительная, — негромко говорит он, но не оборачивается на нее.

Наконец, нам приносят ягненка, настолько сочного и вкусного и кус-кус, может они действительно были приготовлены на груди ангела. Мы едим и пьем вино и медленно в такт арабской музыки у меня начинают бежать мурашки по телу, и мое тело само собой начинает двигаться в унисон музыки.

— Ты хочешь танцевать?

Я качаю головой.

— Возможно, я могла бы станцевать под безлунным небом или сама с собой, когда никто меня не видит.

— Великолепно: Безлунное небо мое излюбленное имя индейца, — нахально говорит он.

— Забудь, — говорю я.

— Никогда не говори никогда.

Мы поздно выходим из ресторана, наши животы полны и дух приключений зовет нас вперед, мы направляемся в замок Шейна. Через тридцать минут мы останавливаемся перед автоматическими арочными черными железными воротами. Мы едем вперед по дороге несколько минут в полной темноте, затем, внезапно, достигаем нашей цели.

Сомнор.

Мой рот открывается от изумления. Это не фермерский домик или разрушенный замок! Как такое возможно, что Шейн может владеть чем-то настолько великолепным? Построенный из розового камня и отделанный белым мрамором, он поднимается от земли в поистине внушительное и величественное строение.

— Ух ты, — восклицаю я, открывая дверь машины. — Это настоящий дворец!

— Как ты проникательна. Он принадлежал иракскому принцу и строился как королевский дворец.

Гравий хрустит у меня под ногами, мы идем к замку. Он открывает высокие двери и включается свет, и у меня захватывает дух. Я в восторге осматриваюсь вокруг. Мой отец когда-то был очень богатым человеком, но даже тогда наш особняк не представлял из себя ничего подобного. Мне придется серьезно пересмотреть финансовую состоятельность Шейна. Я вспоминаю, как ожидала увидеть разрушенный замок или фермерский дом! Боже, мне никогда не приходило в голову, что он может позволить себе такую роскошь. Этот замок должен стоить миллионы и миллионы фунтов.

— Все это принадлежит тебе?

— Да, — говорит он, с любопытством поглядывая на меня.

— Ты так молод. Как ты стал таким богатым?

— Благодаря своему брату. Он начал раньше нас. Он приобрел для нас недвижимость, инвестировав капитал в Интернет-стартапы, купил нам всем гражданство в Монако и предоставил для каждого схемы оптимизации налогов.

Я с удивлением осматриваюсь вокруг.

— Это совершенно потрясающе, Шейн. Тебе так повезло.

— Пойдем, я покажу тебе лучшую часть дома, — он подмигивает мне. — Только в том случае, если ты захочешь поплавать в полночь.

Полностью обалдевшая от потрясающей красоты и величия дворца, я следую за ним по комнатам с высокими потолками и мраморными полами. В главной гостиной имеется изумительные арт-деко люстры и великолепный антиквариат. Он ведет меня к бассейну,

который удобно расположен в центре дворца.

Я ахаю, как только мы подходим к нему.

Я словно оказалась в другом мире — роскошном, дорогом, драгоценном, затерянном мире какого-то восточного властелина. Мягкий свет падает от ламп, это невозможно описать, это нужно видеть. Огромный и круглый, окруженный высокими двойными коринфскими мраморными колоннами с верандой вокруг бассейна. Каменные колонны погружены в воду, создавая иллюзию, будто бы поднимаются из воды.

Крыша покрыта глициниями, добавляя отражения колонн и растений в стоячей воде. На веранде имеются белые орхидеи, растущие в больших бронзовых горшках, и шезлонги с кремовыми подушками.

Это непревзойденная безмолвная роскошь и красота, я направляюсь к краю бассейна, в котором плавают лепестки роз.

Я слышу, как Шейн движется за мной. Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Ничего себе, — шепчу я.

Его глаза скрыты в полумраке, но тело слегка напряжено.

— Желаешь поплавать здесь в полночь?

Я вдруг настороженно говорю:

— Я не взяла купальник.

— Купальники имеются в раздевалке, я думаю, — добавляет он.

— Я приехала сюда не спать с тобой, — говорю я, и мои слова повисают между нами.

Мы оба знаем, что это ложь.

— Жаль. Однако, я только приглашаю тебя поплавать.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Ладно, давай поплаваем.

В раздевалке я нахожу несколько простых черных бикини. Я надеваю один, подходящий мне по размеру, затем накидываю махровый халат, и нервничая возвращаюсь к бассейну. Воздух теплый и душистый от запаха цветов. Он стоит ко мне спиной, голый, только в плавках. Он оглядывается через плечо, когда слышит мои шаги и улыбается.

От его вида у меня перехватывает дыхание — он самый сексуальный, самый желанный и сладкий мужчина, которого я когда-либо встречала. Я смотрю на него чуть ли не разинув рот, как глупый подросток. Атмосфера между нами меняется. Я чувствую, как у меня по коже быстро разбегаются мурашки, словно миллионы сороконожек. Дрожь проходит через все тело, и начинается странная пульсация между ног.

Я глубоко вдыхаю. Какого черта я так реагирую?

Я заставляю себя отвести взгляд от него. Если я хочу переспать с ним, то мне следовало больше выпить в ресторане.

— Могу я еще... э... выпить?

Он полностью разворачивается ко мне. Татуировки. Мышцы. Накаченное тело. И озверевший член, едва сдерживаемый его плавками. Он как будто вырезанный из светящегося мрамора. У него на лице нет ни страха, ни стыда. Он выглядит самым самоуверенным, самым красивым, я никогда такого не видела. Излучая мощную мужскую сексуальность каждой порой своей умопомрачительной формы. У меня становится сухо во рту, и вдруг мое тело начинает творить такое, что никогда не делало раньше.

Я умираю от желания по нему.

11.

Шейн

Она стоит в сиянии ламп, абсолютно даже не представляя, как чертовски красива. Она выглядит, словно сделана из фарфора или волшебной пыли. Я хочу подойти к ней, раздеть ее и овладеть ею прямо здесь, на этой холодной плитке, но я вижу, что она так нервничает, что у нее побелели даже кулаки, пока она сжимает края халата, плотно закрывая себя.

— Конечно, ты можешь выпить. Что ты предпочитаешь? — спрашиваю я, игнорируя свой стойк и направляясь к затемненному бару слева от меня. Она движется за мной на расстоянии.

— Водка и апельсиновый сок, — говорит она.

Я беру бутылку Grey Goose и высокий стакан.

— Скажи, когда хватит, — говорю я, начиная наполнять.

Я почти наполнил уже половину стакана, но она по-прежнему молча смотрит на него. Я продолжаю лить, поднимая глаза на ее лицо.

— Стоп, — говорит она.

Я перестаю лить и ставлю бутылку на стойку бара. Она поднимает глаза к моим. Что за странное, сексуальное творение стоит передо мной? Ни одна женщина не вызывала у меня такого интереса, как она.

— Ты можешь теперь доверху налить апельсиновый сок, — говорит она.

Я не двигаюсь.

— Ты утонешь, если выпить столько водки, прежде чем будешь плавать, — тихо отвечаю я.

— О! Я думаю, мне нужно было раньше остановить тебя.

— Что происходит, Сноу?

— Ничего особенного, — она прикусывает нижнюю губу. Сладкую, блестящую и мягкую нижнюю губу. Рот шлюхи на лице ангела. Я вижу ее губы на своем животе, опускающиеся все ниже и ниже. Мой член пульсирует так, что боль пронизывает яйца. Бл*ть, мой член умоляет меня, прижать ее к ближайшей стене и взять.

— Именно так ты поступаешь, прежде чем позволить Ленни прикоснуться к тебе?

Ее глаза распахиваются, и она отступает на шаг назад, как будто я ударил ее.

— Ты не имеешь права. Ты ничего не знаешь. Ты меня слышишь?! Ничего! — кричит она, а затем резко разворачивается и начинает уходить.

Мои природные рефлексы срабатывают быстрее, в гиене огненной вождения подгоняя мою кровь, я делаю рывок вперед и легко ловлю ее, разворачивая к себе лицом. Она задыхается от моего резкого и внезапного движения, и смотрит испуганными, широко раскрытыми глазами. Ее халат раскрылся, и я вижу мягкий изгиб ее груди, как она поднимается и опадает. Черт! Я хочу затрахать ее до бесчувствия. Я чувствую, как пульсирует мой член.

— Прости. Я не должен был такое говорить, я извиняюсь, — в моем хриплом голосе слышится сожаление.

— Нет, это ты прости. Это моя вина. Я погорячилась. Я просто нервничаю. Ты единственный у меня друг. Я не хочу ругаться с тобой, — ее голос слышится тихо, приглушенно.

Я отпускаю ее руки и вижу вспышку хорошей имитации ее улыбки.

— Итак, давай не будем ссориться. Как насчет плавания? — спрашиваю я, и обойдя ее спокойно ныряю в бассейн. Я уплываю от нее за три медленных гребка. Мне потребуется сделать пятьдесят кругов, чтобы сжечь свою сексуальную неудовлетворенность.

Я доплываю до противоположного края и оглядываюсь назад, она сидит на краю бассейна, свесив ноги в воду и вяло ими перебирая. Она похожа на фантазию в этой обстановке, которую рисует мне мое воображение. Я испытываю странное чувство обладания. Первобытное желание спариться с ней настолько сильное и яростное. Если бы я был животным, мой мех встал бы торчком, также как и уши, хвост само собой поднялся бы по стойке смирно.

Стремление совокупиться с женщиной, обладать ею и заявить на нее права, настолько для меня незнакомое. Конечно, я мог бы написать целую чертовую энциклопедию как правильно трахать женщин, но обладать и клеймить? Я стараюсь не потерять контроль и слежу за дыханием, подплываю к ней, хватая ее за ноги. Они маленькие и мягкие.

Она хихикает.

— Щекотно.

— Вы готовы, мисс Дилшоу?

Она не встает и не снимает свой халат импозантно передо мной, как любая другая женщина, обладающая таким ослепительным телом, как у нее. Она поводит плечами, и он неуклюже соскальзывает на плитку, она продолжает сидеть и отталкивает его со своей талии, потом сползает в воду. Я ловлю ее руками.

Ее тело маленькое и гладкое. Она смотрит на меня, губы слегка приоткрыты, глаза огромные, почти черные. И понятно, что я не единственный, кто, бл*дь, так сильно хочет секса. Она тоже хочет.

— Ты можешь отпустить меня, — шепчет она.

— Скажи мне почему я должен это сделать.

— Потому что я хочу, — говорит она.

— Лгунья, — мягко отвечаю я. — Я думаю, что я знаю, что ты хочешь. Ты испытывала желание попробовать на вкус мой член.

— Ты так непоколебимо уверен в себе, не так ли? — усмехается она, хотя ярко-красный румянец ползет вверх по ее шее и щекам.

— Мы должны произвести один тест?

Она выглядит встревоженной.

— Что ты имеешь в виду?

Я ближе наклоняю к ней голову, она отстраняется.

— Что случилось? Ты настолько не доверяешь себе, что так сопротивляешься даже маленькому поцелую? — поддразниваю ее я.

— Я доверяю себе, — говорит она, и приподнимает подбородок вверх, закрывает глаза, как школьница, ожидая своего первого поцелуя. Для меня это незнакомая территория! Это было очень и очень давно, когда девушки вели себя подобным образом, как девственницы. Если бы мой член не горел огнем, желая добраться до нее, я бы нашел это забавным.

Я притягиваю ее к себе, наклоняю голову и дотрагиваюсь губами до ее губ, слегка. Ее реакция взрывная. Она стонет, обвивая меня за шею руками, как змея, забираясь мне в волосы, и практически тает у меня в руках. Вокруг нас плещется вода, ее губы открываются, соски как маленькие камушки становятся горячими.

Я целую ее жестко, мой язык толкается в теплую мягкость ее рта. И там, черт побери, неуверенно она начинает его сосать. Она похожа на маленький весенний цветок, но целуется с такой дикой, безрассудной страстью, которая сносит мне крышу. Она делает это с таким отчаянием, как изголодавшееся животное.

Я обхватываю ее за талию и поднимаю вверх. Вода каскадом стекает вниз с ее красивого тела, я усаживаю ее на край бассейна. Упираюсь руками о бортик и поднимаюсь из воды. Я беру ее за руки и поднимаю на ноги, снимая с плеч лямки ее бикини. Они легко опускаются.

— Шейн, — шепчет она.

У нее небольшая и вполне сформировавшаяся грудь, соски — застенчивые бутоны роз. Она смотрит на меня огромными глазами, ресницы мокрые, и ее сладкие губы распухли и стали красными. Я вычерчиваю дорожку из поцелуев по ее шеи, и она наклоняет голову в сторону, подставляя мне свое горло. Это призыв к спариванию, так волчица поднимает свою морду и хвост, показываю самцу, что у нее течка. Мой язык прокладывает путь вниз по ее шелковистой коже. Я проделывал это тысячу раз раньше, но на этот раз мои движения порывистые, из-за срочной потребности в ней.

Я укладываю ее на прохладные плитки и захватываю губами ее сосок. Она вздыхает и закрывает глаза. Моя рука скользит вниз по ее телу, двигаясь к бикини. Я подцепляю пальцами ее бикини и вхожу в нее пальцами, и вдруг она начинает натягивать назад купальник. Я в удивлении поднимаю голову.

Она усиленно старается прикрыть свою грудь.

— Мне так жаль, — говорит она.

Я чувствую, как меня накрывает волна жгучего раздражения. Что за чертовая херня. Я слишком стар, чтобы играть в игры с динамщицами. Я хватаю ее за запястья и удерживаю их высоко над ее головой, теперь ее грудь выставлена на мое обозрение. Она не сопротивляется и не останавливает меня. Затем я смотрю в глубину ее напуганных и возбужденных глаз.

— Ну, а я, бл*ть, не сожалею, — рычу я. Я не скрываю свой дикий голод в глазах, мой взгляд бродит по всему ее телу, с вожделением задержавшись на груди, словно это мое. И своими мозгами я точно представляю, что это мое. Она будет моей, даже если это последнее, что я сделаю в этой жизни. — Я получу тебя, Сноу Дилшоу. Бл*дь, прими это в расчет. Не сегодня, но ты будешь моей. И ты прекрасно это знаешь. Ты просто тянешь время. Но ты мокрее, чем когда-либо была, не так ли?

Она молчит, только смотрит на меня.

Итак, я скольжу пальцами под клочок ткани, разъединяющий меня и ее, и провожу по ее половым губам. Они, бл*дь, такие мокрые. Я улыбаюсь и кладу пальцы в рот, начиная их сосать. Ее глаза расширяются от удивления.

Что в ней есть такого особенного? Она не похожа ни на одну женщину, которые у меня были. Даже в такой момент, я не могу злиться на нее. Единственное, что мне хочется сделать — это укутать своими объятиями и сказать ей, что все будет хорошо.

Я поднимаюсь и тяну ее за руки, возвращая в вертикальное положение. Я поднимаю ее халат, надеваю на нее и завязываю пояс. И в этот момент со мной происходит странная вещь. У меня стояк и все же в этот момент, у меня такое чувство, словно я надеваю халат на маленькую Лилиану. Я ощущаю такое сильное, даже жесткое чувство покровительства к ней. Если кто-нибудь попытается ее тронуть или обидеть, и если хоть один волос упадет с ее головы, я переломаю им все ноги.

Наступит день, когда я буду дергать ее за волосы, и она не будет этого бояться, и того, что произойдет дальше. Она будет выкрикивать мое имя, сжимая свои мышцы вокруг моего члена, когда я буду глубоко входить в нее. Она моя. Она просто еще не знает об этом.

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату, — говорю я.

Мне необходимо получить некоторое пространство между нами. Я не доверяю себе. Мне нужно взять себя в руки.

Потому что ее единственную стоит охранять.

Я просыпаюсь, смущенно разглядывая великолепие комнаты. И тут я вспоминаю, где... и что произошло прошлой ночью. И с удивлением дотрагиваюсь до своих губ. Никто никогда не целовал меня так, как он. Как доминант и собственник, будто я принадлежу ему. И я никогда не чувствовала себя такой живой, такой возбужденной. Как-то раз я выпила слишком много микстуры от кашля, тогда у меня тоже было такое чувство. Вчера у меня между ног было жарко и мокро, я жаждала его, и все же остановила.

Я вспоминаю слова Ленни: *«Прежде чем я закончу с любым мужчиной, который дотронется до тебя, он будет умолять меня, чтобы я убил его».*

Эти слова заставляют меня повернуться и зарыться головой в мягкую, душистую подушку. Острое чувство вины растет во мне, рисуя перед моими глазами картинку, чем все может обернуться. Я предаю Ленни, который был добр ко мне, когда я была полностью надломлена, и еще усугубляю положение, ставя под угрозу Шейна.

Ленни сожрет его на завтрак. Шейн плейбой, Ленни — психопат. Прямо сейчас, всего лишь лежа на этой исполинской кровати, я изменяю Ленни, так как нахожусь в доме Шейна. Прошлой ночью... Боже, если бы он знал.

О Боже.

«Прояви, в конце концов, Сноу, свою чертовую силу воли».

Я подскакиваю на кровати полная решимости. Нет, я не предам целый год доброты Ленни за одну тайную ночь удовольствий. Я забочусь о Ленни, как могу и никогда не забуду, что он для меня сделал. Я не буду так с ним поступать. Я уйду от него по-хорошему. Так что могу гордиться даже собой, что не предам его. И никто не пострадает.

Я чувствую в себе новые силы от моей решимости. Я не буду заниматься сексом с Шейном. В конце концов, я не какая-нибудь шлюха, не способная себя контролировать. Сегодня я постараюсь быть очень внимательной, чтобы больше не попадать в такие ситуации, когда мы оказываемся полуголыми.

Сегодня, я буду более осторожна.

Но от принятого решения я чувствую себя загнанной в ловушку. Будущее видится каким-то совсем безрадостным и бессмысленным. Невыносимым, на самом деле. А что насчет того, чего хочу я? Узелок нервов внутри меня болезненно сжимается. *«Не думай об этом сейчас, Сноу».*

Я выбираюсь из ароматных простыней, направляясь в ванную комнату. Я вхожу в сказочное помещение, отделанное мрамором с зелеными вкраплениями. Вода прыскает из блестящих золотых кранов в ванную, сделанную из камня под старину.

Я бросаю горсть пахучей соли и наблюдаю, как она пузырится и с шипением растворяется. Воздух наполняется ее ароматом. Тоска по недостижимому чувствуется как ослабевающая душевная боль. Я привыкла к этому чувству. Я чищу зубы, пока ванна заполняется водой. Раздеваюсь и скольжу в теплую, шелковистую воду.

— Аааа...

Я отклоняю голову назад и вздыхаю. Я отгоняю все мысли, не позволяя им роиться у меня в голове. Вода остывает, и я выхожу, вытираясь мягким с запахом лимона полотенцем и натягиваю на себя зеленую цвета яблок футболку и зауженные джинсы. Я смотрюсь на себя

в позолоченное зеркало. Цвет моей футболки делает более яркими мои глаза.

Я заправляю кровать, выхожу из спальни, спускаюсь вниз.

Я спускаюсь вниз по великолепным ступенькам, пытаюсь представить, как себя ощущают те, кто живет здесь. Существует только одно слово, способное описать окружающую обстановку — великолепие. Интересно, кто еще живет в этом огромном дворце. Ведь кто-то должен убираться, чистить бассейн, ухаживать за территорией вокруг. Кем бы они ни были, они проделали просто замечательную работу. Нигде не видно не пылинки.

Как только я схожу с последней ступеньки, из арки, ведущей в другой конец дома, появляется не улыбчивая женщина. У нее черные волосы с седыми прядями, аккуратно завязанные в пучок на затылке, на ней черное платье и громоздкие ботинки с блестящими пряжками, которые похожи на обувь времен королевы Виктории.

— Bonjour, mademoiselle, — приветствует она. Ее голос такой же строгий, как и весь ее наряд, а губы едва шевелятся.

Я понимаю, что она говорит «Доброе утро», и что ответ должен быть «Бонжур, мадам», но я не знаю, что сказать потом. Мой французский состоит всего из ничего — «Бонжур», «Бон нуит» и «Мерси».

— Извините, я не говорю по-французски, — признаюсь я, виновато пожимая плечами и улыбаясь.

— Ah, oui. Monsieur Eden est à l'extérieur, — говорит она официально и указывает в направлении бассейна.

— О, мерси, — говорю я.

— Je vous en prie, — отвечает она, полагая это «Пожалуйста» на мое «Спасибо».

Я вежливо улыбаюсь.

Она кивает все также официально и отступает в тень за аркой.

Я выхожу к бассейну. При дневном свете он утратил свою магическую притягательность. Бассейн кажется более современным, более богатым, но все равно выглядит потрясающе красиво. Я обхожу столб и вижу Шейна без рубашки, работающего в саду. В лучах утреннего солнца его тело выглядит просто великолепно. Я направляюсь к нему.

Я приставляю руку ко лбу, чтобы загородиться от солнца и говорю:

— Доброе утро.

Он поворачивается ко мне, и я резко выдыхаю. Черт, этот мужчина как какое-то лакомство.

— Доброе утро, — отвечает он, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Он втыкает лопату в землю и делает несколько шагов ко мне. Я с трудом сглатываю. Боже мой!

Пока он приближается, я могу внимательно рассмотреть его, при мягком освещении бассейна он выглядел вчера иначе. Его грудь — это масса поблескивающих от пота, рельефных мышц, плечи покрыты красивыми татуировками. Струйки пота стекают по его телу. У меня сжимается сердце, и я чувствую себя опьяненной, но я стараюсь не показать вида, насколько он меня впечатлил. Он останавливается примерно в шаге от меня, и я чувствую его запах, и он чертовски хорош. Вау! Кто бы мог подумать, что пот может пахнуть так желанно? О, Боже. Я не могу поверить, что я пялюсь и люблюсь им как школьница.

— Эм... что ты делаешь? — лепечу я.

— Сажаю кусты роз, — говорит он.

— Ммм..., — мямлю я, поспешно переводя взгляд с его тела на пять горшков с кустами роз, стоящие на земле. И все мои прежние решения рассыпаются в прах. Я хочу почувствовать его бархатистую кожу на своей и снова ощутить вкус его языка.

— У тебя есть садовник? — спрашиваю я, потому что моя кожа покалывает, и ничего в голову не идет, что бы еще спросить.

— Есть, но мне нравится капаться в земле, — говорит он.

— Ох, хорошо, — отвечаю я, и мой взгляд останавливается на капельке пота, которая медленно сползает по его накаченной груди. *Мне хочется ее слизать.* Воздух между нами гудит от желания. *Моего.* Неоспоримо: к черту все. Я хочу этого горячего мужчину, он мне просто необходим. Я хочу положить подбородок на его твердую грудь и наблюдать, как он спит. И когда он начнет просыпаться, мне хочется поцеловать его.

— Ты собираешься весь день простоять здесь, пялясь на меня? — поддразнивает он.

Я виновато опускаю глаза. Я так заморожена его загорелым подтянутым телом, это неприлично.

— Уверена, я не первая кто..., — бормочу я, делая шаг назад.

— Дай мне десять минут, чтобы я смог закончить здесь, — он приподнимает одну бровь. *Боже, как красив этот парень!* — Если хочешь можешь поплавать или прогуляться по саду перед завтраком?

— Хорошо, — неуверенно отвечаю я и отворачиваюсь, его рука хватает меня за запястье.

Я поднимаю на него глаза. Он стоит против солнца и в его глазах виден жар, они как синее пламя на его загорелом лице.

— Ты так прекрасна. Я мог бы стоять здесь все утро и смотреть на тебя, — тихо говорит он.

Я ничего не могу поделать, но у меня начинают краснеть щеки и шея. Вдруг желание, которое таилось во мне становится настолько явным, и я вижу, как у него темнеют глаза и сжимается челюсть.

— Сейчас иди, иначе я брошу тебя на землю и займусь тем, чем все время занимаются кролики.

Спотыкаясь я быстро уйду. На полпути к дому я оборачиваюсь, он стоит на том же месте и смотрит на меня. Я припускаю вперед, больше не оборачиваясь.

Оказавшись около дома, я решаю осмотреть сад, а не плавать. Пожилой мужчина в выцветшей одежде и потрепанной шляпе обрезает кусты у дальней стены дворца. Он поднимает мне руку в знак приветствия, я рассеянно машу ему в ответ. Я целенаправленно иду в сад, который забит всеми видами растений, но здесь нет никакой упорядочности.

Вокруг летают бабочки, и я замечаю много птиц, но этому саду явно не хватает еще пары рук, чтобы за ним ухаживать, я не думала, что при таком дворце может быть такой сад. Тем не менее, в нем есть какое-то свое очарование. Именно то очарование, которое бывает у потонувшего ржавого старого трамвайного вагона пролежавшего на дне океана десятки лет. Тогда он становится невероятно красивым среди морских рифов и сотен плавающих вокруг рыб.

Я гуляю по саду и чувствую истинную элегантность природы. Он напоминает мне какой-то таинственный заброшенный сад. Где-то виднеются большие сорняки, но даже в них есть своего рода богатство красоты. Чувствуется, что здесь намеренно позволяют расти кустам и лианам, как заложено им природой, чтобы прикрыть ненужные статуи и каменные

арки, это как своего рода баланс природы.

Мне нравится здесь, но у меня возникает вопрос, зачем он захотел приобрести потрясающе красивый, с помпезностью отделанный замок Сомюр, но при этом оставил сад в таком первозданном диком виде?

Толстая, пепельно-серая кошка с желтыми глазами направляется ко мне и мяукая трется о мои ноги. Я протягиваю руку и чешу ее за ушами. Она трется головой о мои ноги, потом разворачивается и уходит, запрыгивая на старую скамейку, залитую солнцем, и сворачивается калачиком.

Я иду дальше и обращаю внимание, что сад, густо засаженный кустами и низко свисающими кронами деревьев, но по большей части представляет собой открытое пространство, луг. Вдали я вижу воду, сверкающую на солнце. На берегу стоит шатер в марокканском стиле, с лежаком, заваленным большим количеством ярко-красных и зеленых подушек.

Я сижу у кромки воды и смотрю на сверкающую поверхность. Она спокойная, но мои мысли лихорадочно бегут. Я никогда не хотела ни одного мужчины, как хочу Шейна, но я не свободна... пока. Ленни по-прежнему рядом со мной, и было бы неправильно и некрасиво с моей стороны предавать его, и... еще, да, я хочу Шейна. Желание настолько сильное, что я не уверена смогу ли сопротивляться ему долго.

Но пока я сижу неподвижно и созерцаю безмолвную красоту воды, внутри меня происходят глубокие изменения. Здесь нет ни мобильных, ни полицейских сирен, ни гудков автомобилей, ни почты, ни забытых дней рождения, ни очередей, ни террористов, ни войн. Нет стресса, шума, страха и забот, которые являются частью моей повседневной жизни, мне кажется я попала совсем в другой мир.

Солнце согревает мою кожу и отражается в воде, и красота этого места, создает ощущение, словно в воздухе разлита первозданность природы, которую люди должны разделять со всеми другими существами, как и было пока мы эволюционировали вместе. Мое тело расслабляется, пульс замедляется, тело наполняется энергией, и я чувствую, словно вернулась домой.

Я слышу, как меня зовут и верчу головой, замечая Шейна, идущего ко мне. Он только что принял душ, переоделся в чистую футболку и синие джинсы. Его волосы еще влажные. Солнце светит ему в спину, и я не могу разглядеть выражение его лица.

Я поднимаюсь, сполоснув руки в воде.

— Озеро очень красивое, — говорю я.

— Мне тоже нравится.

— Почему ты не ухаживаешь за садом, а оставил его диким?

Он смотрит на меня.

— Я купил этот замок только потому, что услышал, будто здесь могут быть светлячки. И тогда создал специальную для них среду обитания. Они любят влагу, высокие травы и низко висящие деревья, где могут прятаться днем, а также обилие все возможных насекомых, слизней и улиток.

— Мы увидим их сегодня?

— Я буду очень разочарован, если нет. Мы пойдем посмотреть на них после ужина. Они обычно появляются после девяти.

— Они действительно тебе нравятся, не так ли?

Он ухмыляется.

— Мое сумасбродство — у меня нет времени на вещи, которые мне не под душе.

— На самом деле, — признаюсь я, — мне нравится твой слишком дикий и заросший сад.

— Тогда ты определенно похожа на владельца этого места.

— На того, который похож на Бога? — нахально спрашиваю я. Будучи не нахалкой, я никогда бы раньше себе такого не позволила, пока не встретила его. Я банальная и скучная. Никогда даже кошку не обижу.

— Именно, — говорит он, и что-то в его глазах загорается.

Я смеюсь, и в этот момент я девушка не с ужасным прошлым. Я обычная девушка, флиртующая с потрясающе сексуальной мужчиной.

13.

Сноу

Мы завтракаем за расшатанным деревянным столом в тени огромного старого дуба. На столе — круассаны, выпечка, холодные закуски, сливочное масло, домашнее варенье и дольки арбуза. Неулыбчивая мадам Шевалье наливает нам густой, крепкий кофе в маленькие чашечки. Он слишком горький для меня, но у Шейна он проблем не вызывает, он с удовольствием выпивает его. Я решаю обойтись апельсиновым соком. Когда мадам уходит обратно в дом, я шепчу Шейну:

— У нее плохое настроение?

— Неа. Она всегда такая, — говорит он равнодушно, откусывая круассан.

— Правда? Почему?

Он пожимает плечами.

— Черт его знает. Наверное, она не одобряет, что я капаюсь в земле.

Я смотрю на него.

— И тебя это не беспокоит?

— Сноу, — терпеливо объясняет он, — эта женщина пользуется книгой рецептов столетней давности. Насколько я могу судить, она может ходить с кислым выражением лица столько, сколько ей нравится. Не суди, пока ты не попробуешь ее *Soupe à l'Oignon Gratinée*.

Я качаю головой.

— Я не говорю какой она повар, просто я не смогла бы жить с прислугой, которая бы все время смотрела на меня с таким неодобрением.

Он весело улыбается.

— Кое-что ты можешь еще не знать: мадам тайно влюблена в меня.

— Шэйн Иден, ты неисправим.

— Я приму это как комплимент, — говорит он с низким смешком.

После завтрака пожилой мужчина, которого я видела за обрезкой кустов, подходит к нам с улыбкой, застывшей на его румянном лице. Шейн нас знакомит, потом говорит, что месье Шевалье отвезет нас на крытый рынок в Каннах. Месье Шевалье гораздо дружелюбнее, чем его жена, и поскольку он не говорит ни слова по-английски, а французский Шейна состоит из простых предложений, он компенсирует свои ответы больше кивая и улыбаясь. Мы загружаемся в его видавшие виды машину, и он доставляет нас на рынок Форвиль.

Это большое красно-коричневое здание, которое странным образом напоминает Red Fort в Дели. Внутри огромное и совершенно потрясающее помещение. Такое количество покупателей, и очень много различных палаток с продукцией, это настоящий праздник вкуса и запахов. Есть палатки, посвященные только грибам! Грибы всех видов, форм, цвета и запахов. Другие специализируются на мясе, фруктах, цветах, овощах, сырах, вине, оливках, печенье, хлебе, специях и меде. Все выглядит таким свежим и явно местного производства. Полная противоположность стерильности супермаркетов, где все стерилизуют, гомогенизируют и продают в пластиковой упаковке.

Шейн делает закупки для нашего предстоящего ужина: каре ягненка, багет, лук, овощи, ананас. Продавцы, похоже, знают и любят его. Один спрашивает его про светлячков и говорит, что хочет привести сына на неделе, чтобы он увидел их. Он мрачно сообщает

Шейну, что светлячки перестали приходить на его землю и винит в этом пестициды.

Мы выходим на улицу, месье Шевалье укладывает пакеты в заднюю часть машины. Следующий план таков — он высаживает нас в Ле Сюке, необычном, холмистом городке с видом на гавань, а сам отправляется в Сомюр, чтобы отдать жене покупки с рынка.

Ле Сюке — старый город, поэтому он полон странных, узких улиц, где полно старомодных магазинчиков. Город просто очаровательный, и я влюбилась в него, но я заметила, что женщины все время смотрят на Шейна. Где бы мы не шли, они пялятся на него, я имею в виду, по-настоящему нагло пялятся. Мы останавливаемся в маленьком кафе со столиками, рассыпанными на улице и старинной pissaladière, красивой своей простой и вкусной пиццей с луком, маслинами и анчоусами, официантка полностью меня игнорирует и просто убийственно флиртует с Шейном.

— Вы модель? — спрашивает она на английском.

Он что-то говорит ей по-французски, она кидает на меня взгляд, пожимает плечами и только тогда начинает принимать наш заказ.

— Ну, — говорю я, когда она уходит, — она, конечно, думает, что ты Бог.

Он скрещивает руки на груди.

— Говорит мне женщина, на которую большая часть мужского населения Ле Сюке смотрит, как зомби со стоячими членами.

Я фыркаю.

— Зомби со стоячими членами? Прости? Вон девушки, которые проходили мимо и вернулись назад, продолжая восхищаться тобой.

— Ну, дорогая, в то время как ты смотришь на женщин, проходящих мимо, мне пришлось пережить неприятные минуты от мужчины нагло раздевающего тебя своими, бл*дь, глазами.

Я прислоняюсь к спинке стула.

— Ты серьезно?

— Черт возьми, да. Это чертовски раздражает, знаешь ли.

Мои глаза расширяются. Неужели Шэйн Иден ревнует? Мысль, как молния ударяет мне сердце.

— Ты ревнуешь? — недоверчиво спрашиваю я.

— Да, — признается он хмуро.

— Мне нравится, когда ты выглядишь задумчивым и хмурым. Это так сексуально.

Он тут же воодушевляется:

— Я не ослышался, ты только что назвала меня сексуальным?

— Да, назвала, думаю, так и есть.

— Ну, это можно назвать прогрессом, — мурлыкает он, посмеиваясь.

— Кстати, что ты сказал официантке, что она вдруг соизволила принять у нас заказ? — спрашиваю я совершенно целенаправленно, сделав глоток отлично охлажденного розового вина.

— Я сказал ей, что я гей, но она не особо обрадовалась этому.

Я чуть не подавилась своей выпивкой.

— Что? — прыскаю я.

Он смеется.

— А тебя не беспокоит, что люди думают, что ты гей?

— Неа. Это очень полезно при определенных обстоятельствах.

— Ты не мог ей просто сказать, что не заинтересован?

— Девушки типа нее не сдаются, она бы все равно сунула мне свой номер телефона в руку. И это бы заставило тебя ревновать и злиться.

— Я не ревную, — отрицаю я.

— О, ты ревнуешь и это нормально, Элизабет Сноу Дилшоу. Ты именно та женщина, которая попытается заставить мужчину надеть пояс целомудрия.

Его заявление меня удивляет. Он вряд ли знает меня настолько хорошо.

— Почему ты так решил? — спрашиваю я с любопытством.

Его глаза, как зеркала, ничего не выражают.

— Опыт, — говорит он загадочно.

— Ну, ты ошибаешься. Я никогда в своей жизни никому не завидовала. Ни с Ленни, и уж точно не с тобой. На самом деле, мне было даже смешно, что все женщины пялятся на тебя.

— Это очень хорошо, потому что они не найдут пояса целомудрия на мой размер, — он ухмыляется. — Слишком большой.

— Я не буду беспокоиться, если официантка даст тебе свой номер, — говорю я.

У него на лице появляется какое-то озорное выражение, он протягивает руку, сжимая мое запястье и поглаживает его, словно соблазнительное обещание. Жест интимный, приятный и чувствуется таким замечательным. По коже у меня разливается удовольствие, мышцы вибрируют и мгновенно я чувствую, как во мне поднимается сильное желание, словно сухие листья, подхваченные ветром и беспомощно летящие в другой мир.

В его глазах появляется блеск, Шейн с неприкрытым желанием смотрит на меня, я уничтожена его взглядом, поэтому автоматически облизываю губы. Мы потерялись в нашем собственном мире. Мы смотрим друг на друга голодными глазами. Желание отчаянно мерцает между нами, словно невидимая магия. У меня кровь бежит быстрее по венам, я чувствую влагу между ног. Боже, никогда я не могла подумать, что могу так сексуально возбудиться, сидя в ресторане, и всего лишь глядя на мужчину.

Приходит официантка с нашим заказом, останавливается рядом с нами и покашливает, причем громко.

Я вырываю свою руку. Она плюхает пиццу на середину стола, шлепает маленькие тарелки каждому из нас и гордо удаляется прочь.

Я хихикаю на Шейна.

— Я же сказал тебе, что она именно та девушка, — говорит он.

Мы оба смеемся.

Пицца очень вкусная. Шейн оплачивает счет, мы поднимаемся и идем в сторону холма. На улице жарко, холм очень крутой, но мы все же добираемся до вершины. Мы останавливаемся у величественной старинной церкви Notre-Dame d'Espérance, и я смотрю вниз на потрясающий вид на залив.

— Хочешь зайдём в церковь? — спрашивает Шейн.

— Да.

Мы проходим через старые двери, и внутри словно вступаем в другой мир. Даже воздух внутри достаточно прохладный, я чувствую от холода мурашки на коже. Каменные стены создают впечатление сырости и холода. Наши шаги эхом отдаются от стен. Солнечный свет падает сквозь высокие нечеткие витражи в тусклое помещение, создавая иллюзорные еле заметные тени на полу. Здесь пусто, лишь женщина с черным платком на голове склонилась

в молитве на одной из передних скамей. Она не оборачивается на наши шаги. Я с трепетом осматриваю огромное, с высоким потолком помещение.

— Слишком много Vellichor? — шепчет рядом со мной Шейн.

Я кидаю на него взгляд.

— Нет, мне нравится. Это гораздо лучше, чем любой книжный магазин.

Он странно на меня смотрит.

— Ты шутишь?

— Нет, серьезно. За столько лет люди приезжали сюда со своими болями, печальями, надеждами, благодарностями и радостями. Камни впитали эти чувства. Сотни лет человеческих эмоций. Ты чувствуешь их?

Он неподвижно стоит несколько секунд, затем внимательно смотрит на меня.

— Нет.

— Жаль, — шепчу я и двигаюсь вперед.

Он следует за мной.

— Ты никогда раньше не была в церкви?

— Нет. Моя мать не ходила в христианскую церковь, поэтому она никогда не водила нас туда. Однако, я умоляла свою няню, пока она не сдалась и отвела меня тайком в храм.

— Сколько тебе тогда было?

— Первый раз мне было пять лет.

— Ты ходила в индуистский храм?

— Нет. В детстве я не ходила в храм молиться. Я очень сильно любила свою няню, я не могла пережить разлуку с ней, даже когда она ходила в храм. Плюс, мне очень понравилась поездка, потому что было очень красиво, и священник разрешил мне позвонить в колокол.

Мы подходим к боковому алтарю с горящими свечами, Шейн поворачивается ко мне.

— Ты хочешь зажечь свечу?

— А что это значит?

— Это символ твоей молитвы, которая будет гореть даже после того, как ты уйдешь.

Я помню, как Читра зажигала лампадки, и я спрашивала ее, зачем она это делает и до сих пор помню ее ответ. Милая Читра. Я так скучаю по ней. *«Это способ попросить что-то у Бога. Огонь поднимает твою молитву к Богу»*, сказала она.

Я смотрю на Шейна.

— Да, я хотела бы зажечь свечу и помолиться.

Он бросает купюру в ящик для пожертвований и берет две свечи. Подходит ко мне, мы стоим бок о бок в свете наших свечей. Я наблюдаю, как Шейн ставит свою в подсвечник и закрываю глаза в молитве. Я молюсь так, как никогда не молилась. Я молюсь всем Богам, индуским или христианским, кто-нибудь да услышит. Я прошу камни поглотить мою молитву и держать ее в безопасности после того, как я уйду и когда догорит моя свеча. Я молюсь за тихое заступничество с небес, чтобы мои действия не нанесли вреда ни Ленни, ни Шейну.

Я открываю глаза и вижу перед собой, как догорает чья-то свеча. Такое чувство, словно она отчаянно цепляется за свои последние вздохи жизни. Я не могу видеть, как она потухнет. Я перевожу взгляд на Шейна. Он внимательно смотрит на меня.

— Мы можем купить еще одну свечу?

Его брови приподнимаются, он кладет еще одну банкноту в коробку и берет новую свечу, передает ее мне. Я зажигаю ее, используя огонь в лампадке, которая стоит рядом с

затухшей свечой и устанавливаю ее рядом с ней. Я смотрю на пламя, потом поворачиваюсь к Шейну и улыбаюсь.

— Пойдем?

Мы выходим в полуденный воздух, теплый и наполненный запахом моря.

— Как насчет мороженого? — спрашивает он.

— Показывайте дорогу, сэр.

— Несколько шагов, мадам, и ты получишь лучшее мороженое, которое когда-либо ела, — говорит он, и мы останавливаемся у магазинчика с зелено-желтой вывеской и чугунными столиками и стульями перед ним. На двери висит колокольчик, который играет перезвон, как только мы заходим в магазин. Очевидно, что это семейный бизнеса. Прилавок с мороженым огибает весь магазин в форме буквы U. Мужчина с усами как у моржа стоит позади него. Он знает Шейна и разговаривает с ним по-французски.

— Ты можешь заказать в рожок столько шариков с разными вкусами, сколько захочешь, — говорит мне Шейн.

Здесь такое разнообразие необычных вкусов, что трудно выбрать, но в конце концов я решаюсь на четыре вида шоколада: эквадорский темный шоколад, мексиканский шоколад с корицей, самодельный британский шоколад с орехами и белый шоколад с имбирем. Шейн берет шарики мороженого с подсолненными турецкими фисташками, виноградом и черной малиной. Шейн расплачивается за мороженое, мужчина протягивает салфетки, и мы выносим наши сокровища на солнце, садясь за один из столиков. Я старательно вылизываю белый шоколад с имбирем. Вкусно.

— Ну как? — спрашивает он.

— Очень вкусно, — говорю я, глядя на него через ресницы.

— Ты флиртуешь со мной, крольчонок? — спрашивает он, его губы покрыты мороженым.

Я вспоминаю их, когда мы целовались прошлой ночью и чувствую прилив жара, проходящего по моему телу, я не знаю почему, но мне становится интересно. Мне нравится в нем многое. Мне нравится, как он заставляет меня себя чувствовать живой.

— Возможно, — смело отвечаю я.

Его улыбка становится волчьей, глаза поблескивают.

— Каждый раз срабатывает, — говорит он.

— Что?

Он начинает лизать свое мороженое.

— Как только начинаешь кормить девушку мороженым, у нее тут же просыпается аппетит к любви.

— Я сказала возможно, — многозначительно напоминаю я.

Он усмехается и с ленцой посматривает на меня, все его тело расслаблено покоится на стуле.

— Возможно — это наверняка, разве есть разница?

Солнце пригревает мою кожу, я сижу с самым великолепным мужчиной на земле, и вдруг я ощущаю в себе смелость. Я наклоняюсь к нему вперед и лижу его мороженое.

— Это возможно, — тихо говорю я. Потом я еще наклоняюсь вперед, и находясь напротив его лица, прохожусь языком по его губам.

— А это наверняка, — я откидываюсь назад на спинку стула и стараюсь придать своему лицу беспечный вид. — Теперь ты видишь разницу?

Что-то мелькает в его глазах. В мгновение ока он не кажется ручным и расслабленным, словно я своими действиями разбудила спящего тигра, я не могу оторвать глаз от такой перемены.

Он медленно призывно улыбается.

— Я немного туповат. Не возражаешь, если я получше уясню? — спрашивает он.

Мое сердце пускается вскачь. Я не могу поверить, что я все это начала. О чем я думала? И еще я не могу теперь пойти на попятную.

— Нет, — еле слышно говорю я.

— Значит, это возможно, — говорит он, наклоняясь ко мне, целует, его губы мягкие, но в то же время требовательные и настойчивые.

Я стараюсь удержать свою голову прямо, но, ей-Богу, кровь барабанит в ушах так, что с трудом слышу, и все виды крылатых насекомых, порхают у меня в животе, устраивая полный кавардак. Этот мужчина действительно умеет целоваться! Он поднимает голову. Я тупо смотрю на него. Его глаза полуприкрыты тяжелыми веками.

— Теперь, давай попробуем, наверняка.

Он снова целует меня, но на этот раз его губы более чувственные, более... гораздо более соблазнительные, призывающие. Его язык скользит внутрь. Волны опасного наслаждения проносятся по моему телу, заставляя кровь бежать еще быстрее. Я начинаю ему отвечать на поцелуй. О Боже! Я удивляюсь, как все мое тело начинает гореть и жаждать. Я хочу, чтобы он был внутри меня!

Он заканчивает свой поцелуй, отстраняясь.

— Думаю, я почувствовал разницу, — растягивая слова говорит он, смотря на меня затуманенным взглядом.

Потом он поправляет мой рожок, который уже не наклонился, а просто лег в горизонтальное положение. Я отупело смотрю на свою руку, словно она не моя. На асфальте имеется лужица растаявшего мороженого у моих ног. Я поворачиваюсь к нему. На его лице намеренно нейтральное выражение. Он так смачно потягивается, как кошка, пригревшаяся на солнышке.

— Нам пора идти, — говорит он, вставая.

Мы спускаемся вниз по склону в осмысленной и выжидающей тишине. Можно ничего не говорить, поскольку мы оба знаем — это только начало. Нет никаких сомнений, между нами полыхает сексуальное пламя.

Месье Шевалье, прислонившись к старой стене, курит сигарету, ожидая нас. Он везет нас в Сомюр. Мужчины разговаривают по-своему жестами и отдельными фразами по-французски, а я высовываю голову из окна и вдыхаю аромат Франции.

Кто знает, может я когда-нибудь вернусь сюда снова?

14.

Сноу

Мы договорились встретиться в большой столовой в семь. У меня есть час, чтобы понежиться в ванне и одеться. Я надеваю темно-серое коктейльное платье, состоящее отдельно из верха и низа. Оно имеет глубокое круглое декольте с вырезами на плечах. Короткий верх инкрустирован цветами из бисера с вырезом «капля» на спине и фигурной вышивкой вдоль талии. Короткая ослепительная юбка, расклешенная книзу из слоев органзы, заканчивается чуть ниже колена. Я обуваю босоножки, расшитые бисером, на высоких каблуках и собираю волосы в узел на затылке. Я подвожу глаза, пару раз накладываю тушь и выбираю помаду темно-красную.

Эффект — утонченный и гламурный.

Нервничая и волнуясь, я иду в столовую. Шейн уже там. Должно быть, он услышал мои шаги по мраморному полу, потому стоит у окна с бокал в руке какой-то янтарной жидкости, глядя на вход. Я останавливаюсь на секунду в дверном проеме. Мы оба внимательно разглядываем друг друга. Впервые я вижу его в костюме, и он, по-другому сказать невозможно, умопомрачительно, необыкновенно красив.

— «Ты войдешь в мою скромную гостиную» сказал Паук Мухе, — говорит он.

— О нет, нет, сказала маленькая Муха «Ибо я часто слышала, никто никогда не просыпается, если спит на твоей кровати!»

Он подходит ко мне.

— Я обещаю, что съем тебя, но ты будешь жить и увидишь день, — бормочет он, его дыхание как ветерок обдаёт меня.

Я начинаю краснеть. Он прикасается к моей щеке, и у меня внезапно пересыхает горло.

— Что ты будешь пить, прекрасная маленькая муха? Водку с апельсиновым соком?

— Нет, — говорю я. — Я хотела бы бокал вина.

— Есть Божоле в качестве аперитива. Хочешь бокальчик? Или ты предпочитаешь шампанское?

— Божоле звучит замечательно.

— Устраивайся поудобнее, — говорит он и исчезает за дверью. Я подхожу к окну, у которого он стоял. Видно оно выходит на ту сторону дома, куда я еще не ходила. Передо мной простирается луг, граничащий с лесом. И мне становится интересно, живут ли там кабаны.

Я слышу позади себя его шаги и поворачиваюсь к нему лицом. Он протягивает мне бокал.

— Спасибо, — тихо говорю я.

Он поднимает свой стакан, похоже с виски.

— За светлячков!

Я автоматически отвечаю.

— За светлячков! — и смотрю ему в глаза, понимая, что пьем мы не за светлячков.

Первое блюдо знаменитый *Soupe à l'Oignon Gratinée* (луковый суп) Мадам сделан по старинному вековому рецепту. Как только передо мной ставится миска с жидкостью на дне и куском хлеба на поверхности, покрытого тонкой золотистой корочкой, Шейн рассказывает мне о трудоемком процессе, как мадам готовила этот шедевр.

— Тосты багета в половину дюйма толщиной намазываются сливочным маслом и укладываются слоями с натертым сыром Эмменталь, жареным желтым луком и перетертыми томатами. На эту конструкции аккуратно льет вода с солью. Затем блюдо томится на медленном огне в течение тридцати минут и затем выпекается в течение часа при температуре 350 градусов.

— Неудивительно, что оно похоже на торт, — говорю я.

— Bon appétit, — говорит он.

— Bon appétit, — отвечаю я и окунаю ложку в еду. Внутри оно такой густое, аккуратно перемешанные ингредиенты, что их невозможно различить — сыр с луком и с хлебом. Я кладу ложку в рот и ловлю взгляд Шейна, который внимательно наблюдает за мной.

Он приподнимает брови и ждет моего вердикта.

Я выдыхаю, и мои глаза становятся огромными.

— Просто объедение.

Он улыбается счастливой, неотразимой улыбкой.

— Именно так я и думал.

Подаются другие тарелки и мадам ставит тартар из ананаса, мелко нарезанного сырого ананаса, перемешанного с солью и капелькой соуса чили. Это идеальное блюдо, убивающее послевкусие богатого первого блюда.

За окном начинает темнеть, и мадам зажигает свечи. Я замечаю, что нигде в доме не горит электричество.

— Почему сегодня не включают электричество? — спрашиваю я.

— Свет влияет на светлячков. Он мешает их процессу спаривания, поэтому мы по минимуму пользуемся им в этот период.

В мерцании свечей Шейн в костюме выглядит как идеальный хозяин, утонченный, очаровательный и вежливый. Зверь, вызывающий восхищение только издали. Мне почти жаль, что Шейн не в футболке и не в джинсах, с ним тогда было весело.

Разодетый месье Шаубанд с гордостью объявляет главное блюдо.

— Gigot d'Agneau Pleureur.

— Оно переводится как плачущий окорок ягненка, потому что мясо готовится в духовке, на гриле с себаго картофелем и овощами, которые помещают на решетку под ним. Сок от мяса, словно слезы, капают на овощи, пока они готовятся, — объясняет Шейн.

Я откусываю кусочек — нежное и сочное.

— Расскажи мне о своем отце. Ты никогда не говоришь о нем, — просит Шейн, наливая красное вино Мерло в бокалы, которое принес месье.

Я поднимаю свой бокал и делаю глоток. Вино крепкое и ароматное.

— Я тебе многое уже рассказала о своей семье и своем детстве, но ты мне ничего не говорил о своей семье и своем детстве. На что это похоже, быть цыганами, но совершенно другими?

Он натывает стручок перца на вилку.

— На самом деле, я очень мало знаю о моем цыганском прошлом. Мама не много рассказывает о своей семье. Единственное, что мне известно, когда она влюбилась в моего отца, ей пришлось сбежать, потому что мой дед очень на нее разозлился. Мало того, что она выбрала себе пару вне клана, она выбрала известного картежника. В тот день, когда она вышла за него замуж, он отрекся от нее. Она не могла больше обратиться за помощью к своей семье. Даже когда несколько лет назад умерла ее сестра, в ее семье запрещалось

упоминать ее имя, — у него на лице отражается печаль. — Я чувствую, что мама очень скучает по своей семье, но никто из ее бывшей семьи ничего не может поделать с этим, пока жив дед.

— Они так злопамятны. Ты кажется говорил, что твой отец умер?

— Мой отец был убит, Сноу.

Я распахиваю глаза от шока.

— Твой отец был убит? Какой ужас!

На его лице отражается гнев, он видно что-то вспоминает, что не может забыть.

— Да, он совершил безумный поступок — украл у своего босса. К сожалению, тот был не просто боссом, а известным гангстером. И в результате этого Джейк, как самый старший из нас, чтобы погасить его долг был вынужден работать на этого человека, который перерезал горло нашему отцу от уха до уха.

— О, мой Бог, — с трудом выдыхаю я.

— Да, это было очень тяжелое время для всех нас, наша семья чуть ли не развалилась после смерти отца. В течение очень долгого времени Джейк был потерян для нас. Он приносил еду и оплачивал все счета, но каждый день он становился все более отчужденным и недостижимым. Мне кажется, он ненавидел себя за то, чем вынужден был заниматься. Моя бедная мама плакала по ночам, думая, что никто ее не слышит, мой брат Дом превратился в угрюмого бунтаря-незнакомца. Только моя сестра Лейла из-за своего юного возраста оставалась без изменений.

Он замолкает и делает глоток вина.

— А потом в один прекрасный день, ни с того, ни с сего Дома как будто подменили, он стал другим, мама стала хотя бы от этого немного счастливее. Все изменилось к лучшему, когда Джейку исполнилось девятнадцать. Он ответил ударом на удар и взял верх над всей организацией. Как только он пришел к власти, все упорядочил, отошел от незаконного бизнеса и сосредоточил свое внимание на подпольных игорных домах и стриптиз-клубах. Он стал зарабатывать много денег, я имею в виду, действительно много денег, — он замолкает и улыбается, открытой, великолепной, сердечной улыбкой. — Именно тогда он привлек меня и Дома.

— Значит, ты тоже стал заниматься стриптиз-клубами и подпольными игорными домами?

— Не подпольными игорными домами. Даже Джейк такого больше не делает. Наша семья в основном вкладывает средства в недвижимость и в индустрию развлечений: рестораны, клубы для джентльменов и обычные клубы.

— Хммм ... так ты должно быть знаком со многими красивыми девушками.

— Да, знаком, — говорит он с нахальной ухмылкой. — Но когда ты владеешь кондитерской, на самом деле, не ешь все сладости, которые находятся в твоём распоряжении.

— Это напоминает мне одну шутку, — легко говорю я, потом только осознаю, что ляпнула.

— И какую же?

— Жена решает сделать мужу подарок на день рождения и ведет его в стрип-клуб. В клубе швейцар, встретив их, говорит: «Эй, Джим. Как ты?» Жена смотрит на Джима и спрашивает: «Откуда он тебя знает?» «Я играю с ним в футбол», — отвечает он. Затем бармен спрашивает: «Как обычно, Джим?» Джим обращается к своей жене: «Прежде чем ты

спросишь, дорогая, он в моей команде по дартсу». Потом к ним подходит стриптизерша и сексуально поглаживая себя говорит: «Привет, Джим. Ты опять хочешь что-то особенное?» В порыве ярости жена выбегает из клуба, волоча Джима за собой, запрыгивает в стоявшее такси. Таксист говорит: «Что с тобой, Джимми? В этот раз ты подобрал какую-то уродину». Жена сделала Джиму очень красивые похороны.

Шейн запрокидывает голову и смеется, и я тоже хихикаю, когда смех утихнет, он насмешливо смотрит на меня.

— Тебе не нужно предоставлять мне красивые похороны, Сноу.

— Не беспокойся, я ничего не имею против тебя, но в тот момент, когда я увидела тебя впервые, я поняла, что ты плейбой.

Он устремляет свой взгляд.

— Я не собираюсь притворяться, что святой. Я мужчина и у меня есть потребности, и конечно, всегда найдутся женщины, готовые их удовлетворить, но я хочу тебя.

— Так вот кем я являюсь. Частью гарема женщин, которые всегда готовы удовлетворить твои потребности.

Он смотрит на меня с любопытством.

— Ты не думаешь, что нам может быть хорошо вместе?

— Я не думаю об этом, — лгу я.

— Я думаю, нам было бы судьбоносно хорошо вместе, — говорит он тихо.

Мое сердце бухает в груди.

— Знаешь, ты тоже хочешь меня.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он поднимает руку.

— Не стоит стыдиться зова своего тела, Сноу. Когда тебе будет девяносто, ты подумаешь, что, черт побери, жаль, что я не переспала с Шейном. Ты будешь сожалеть о каждой возможности, которую упустила.

— Об упущенной возможности секса с тобой, не так ли? — подтруниваю я.

— Не критикуй, пока не попробуешь, дорогая.

— Потому что ты красивый...

— Ага. Сначала я был сексуальным, теперь красивым... — говорит он с игривым блеском в глазах.

— И явный плейбой, конечно, — говорю я.

— Конечно. Разве другой может быть? — растягивая слова спрашивает он.

Прежде чем я собираюсь ответить, мадам Шаумбонд появляется в дверях, с официальным видом.

— *Etait-il bon?* — спрашивает она, и ее голос разносится эхом по огромной столовой.

Шейн поворачивается ко мне.

— Мадам хотела бы узнать, наслаждаешься ли ты едой.

— Все было невероятно вкусно, — искренне отвечаю я.

Он поворачивается к ней и переводит.

И я замечаю еле заметную улыбку удовлетворения у нее на лице, я ловлю себя на мысли, что Шейн оказался прав. Она питает к нему нежность. Она подавала ему порции намного больше, с какой-то щепетильностью услужливая, не упуская деталей и расставляя еду.

— *Bon,* — с достоинством кивая отвечает она, удаляясь, ее черная одежда скрывается в темноте, которая заполняет теперь Сомюр.

Шейн поднимает бокал и поворачивается ко мне, его глаза поблескивают.

- Итак, ты готова отправиться в лес с большим, плохим волком, Сноу?
- Ты трактуешь сказки по-своему, но да, я готова.

15.

Сноу

Воздух благоухает и наполнен запахом цветов. Мы отправляемся в неприветливый темный лес, освещая свой путь электрическими фонариками. Лес кажется таким могучим под сенью листьев.

— Сегодня вечером будет дождь, — говорит Шейн.

— Откуда ты знаешь?

Он поднимает на меня глаза.

— Погода меняется.

— Ааа, — смущенно говорю я, поскольку мы попали в волшебное место, вдали от цивилизации. Кроме того, оказывается есть люди, которые могут предсказать дождь, вернее «почувствовать» его в воздухе, наблюдая за поведением животных, а может за небом.

Мы выбираем совершенно узкую дорожку, по которой можно идти только одному человеку. Я следую за широкой спиной Шейна, пока не попадаю на поляну с бревенчатой хижинкой-привидением. Именно такую я себе и представляла, когда думала о ведьме, которая нашла в лесу Гензеля и Гретель.

Шейн открывает деревянную дверь, и мы заходим на порог прямоугольного помещения примерно около четырнадцати футов с хвостиком, с деревянным полом. Пока Шейн передвигается, доски поскрипывают. На противоположной стене стоит большой почерневший каменный камин, в котором горит огонь, но внизу лежит слишком много обугленных бревен и много пепла.

— В чем тут дело? — спрашиваю я, светя фонарем в сторону огромного черного котла, который висит сбоку от камина.

Он ухмыляется.

— Аутентичность. Не бывает хижинки ведьмы без котла.

— Да, — говорю я с улыбкой и провожу фонарем по всей комнате. Здесь присутствует односпальная кровать с сине-желтым покрывалом на одном конце, и небольшой деревянный стол с четырьмя стульями, который стоит в центре комнаты. А также деревянные полки, заполненные всякой всячиной — вещами, топор, сети, ножи, жестяные коробки, миски, потрепанные книги, ступки с пестиком, деревянные шипы и мешками из мешковины. Мне кажется, что они принадлежат какому-то охотнику.

Шейн открывает коробку со свечами и зажигает. Здесь имеются окна, но ставни закрыты. Над камином висят сушатся грибы. Я чувствую запах земли и горящего дерева. В одном углу висят пучки с травами, свисающими с потолка. Перед камином стоит большое кресло, на котором лежит старая подушка.

— Господин Шевалье пользуется этим домиком в пору сбора трюфелей, — поясняет он с улыбкой. — Мне кажется, что таким образом, он отдыхает от Мадам.

Я тихо посмеиваюсь.

Он берет коричневую бутылку с полки и протягивает мне.

— Средство от комаров, изготовлено из трав.

Я втираю его в руки и ноги, и чувствую приятный запах лаванды, разнесшийся в воздухе.

Он захватывает покрывало и поднимает корзину, и мы снова трогаемся в путь. Мы доходим до другой поляны, покрытой совершенно плоским зеленым пластиковым

покрытием. Шейн бросает покрывало на круглую ровную поверхность в виде возвышения с круглым матрасом и множеством подушек.

— Давай. Присоединяйся, — призывает он.

Я сажусь на матрас, а потом ложусь. Небо усеяно звездами. Он выключает фонарики и ложится рядом со мной. Я слышу звуки леса, шорохи животных и насекомых, и его дыхание рядом с собой. Все мое тело трепещет от повышенной настороженности. Он поворачивает голову в мою сторону. Его глаза поблескивают в темноте. Я внезапно выдыхаю.

Мы собираемся заняться сексом в лесу?

И вдруг крошечный свет появляется рядом с моей головой. Пораженная я ахаю и начинаю вертеть кругом головой. Это светлячок. Маленькая вспышка и опять темнота. И вдруг опять что-то мигает. Волшебнo.

— Смотри, Шейн, — шепчут я в изумлении.

— Смотри, напарница. Этот светится, а вон и в другом месте светлячок, — говорит он.

Я радостно смеюсь, очарованная светом на своей ладони.

Он срывается с места.

— О, — разочаровано говорю я, но понимаю, что вижу уже танцующих других. Они светятся и мерцают на деревьях, в воздухе, освещая весь лес, как новогоднюю елку, и их света вполне достаточно, я могу четко разглядеть черты лица Шейна. Между высоких трав и одуванчиков сотни огоньков мерцают, как будто все звезды с неба упали на землю.

— Это самое красивое, что я видела. Я никогда этого не забуду, — шепчу я дрожащим от волнения голосом. — Спасибо тебе, что привез меня сюда.

— Шоу еще не закончилось, дорогая. У меня имеется еще немного сверкания, моего собственного, — говорит он лениво.

Слова умирают у меня в горле, когда я вижу его лицо, нависшее в темноте надо мной, и его теплые мягкие губы целуют меня.

Шейн

Мы ирландцы верим в фей. Ирландская фея не похожа на Тинкербелл из «Питера Пэна». Ирландская фея может перевоплотиться в любую форму какую захочет, но предпочитает человеческую. Наши старейшины утверждают, что феи красивые, сильные, им невозможно противостоять, на самом деле, это вопиющее безобразие, потому что большинство ирландских фей — феи любви приносят несчастье и горе простым смертным, которые оказываются рядом с ними. В этот момент в сиянии светлячков, Сноу похожа на ирландскую фею.

Красивая, сильная, притягивающая и ей невозможно противостоять.

И я не собираюсь сопротивляться. Воздух наполнен сексуальной тоской, у меня стояк, и ее белая кожа и пышные черные волосы, разбросанные передо мной, действуют на меня, как непреодолимый зов сирены. Пришла беда, впереди маячат предательские скалы и невзгоды. Я разберусь с этим позже. Ее рот такой теплый и сладкий, с ароматом сладкого абрикоса, который она съела ранее. Верх ее платья имеет металлический крючок и четыре маленькие пуговицы на спине. Она как кусок пирога, который невозможно не съесть.

Я притягиваю ее к себе, она поворачивается на бок и расстегиваю крючок и пуговички.

Я кладу руку и поглаживаю ее по шелковистой спине.

Сноу

Светлячки до сих пор мерцают и сияют вокруг нас, но я не смотрю на их магию. Меня завораживает красивое лицо Шейна. Мой верх платья с шелестом опускается, пока он стягивает его.

Я чувствую его запах — одеколону, пота и желания — все такое мужское. Я ничего не могу поделать, но невольно опускаю глаза на его член. Он такой большой, такой толстый и поблескивает в каплях смазки.

— Боже мой! Ты такой большой, — шепчу я.

— Да, и это все будет в тебе. Каждый чертовый дюйм.

Я чувствую, насколько я мокрая между бедер и жажду почувствовать его жесткий член глубоко внутри себя.

В оцепенении я протягиваю руку и обхватываю его толстый член, непроизвольно открываю рот, потому что это ОН. Потому что я хочу слизнуть капли семени, появившиеся у него на головке. Он кладет руки мне на плечи, и я вбираю в рот его член и скольжу своими губами вниз по гладкой коже. Его руки с силой давят мне на плечи и, даже можно сказать, агрессивно — ничего похожего с Ленни.

Он быстро раздевает меня, я стою перед ним голая. Он отстраняется и оглядывает мое тело голодными глазами. Его пальцы скользят по моей коже и останавливаются на плечах. Ему нравится. И мне хочется, чтобы он чувствовал себя хорошо, поэтому у меня вырывается стон.

Он замирает.

— Я почти готов взорваться, но сначала мне хочется позаботиться о тебе, — уверенно говорит он.

Он скользит рукой вниз по моим бедрам между ног, мое тело отвечает ему, оно знает, чего хочет. Я приподнимаю свои бедра и предлагаю ему свою мокрую киску.

Он погружается в меня пальцем. Я задыхаюсь от удовольствия.

— Ты такая набухшая и уже мокрая, — говорит он, его глаза темнеют от желания.

Запах моего собственного желания орошает мои чувства, заставляя меня покраснеть от волнения.

Его огромный член упирается в мой вход, прежде чем медленно, неумолимо толкается внутрь. На секунду мне становится так больно, словно меня разрывают на части, и я впиваюсь в его плечо ногтями. Но эта боль отличается от другой боли, которую мне довелось перенести. Это приятная боль.

— Ты слишком тугая. Боль сейчас пройдет, — говорит он мне. Его лицо смесь вожделения и напряженного беспокойства.

— Я знаю, — задыхаюсь я.

— Хочешь, чтобы я остановился?

— Нет, — рычу я в ответ, желая почувствовать его внутри. Я не слишком напряжена и не слишком сжимаюсь вокруг его члена, чтобы вобрать его. Я сжимаю его твердые ягодицы и притягиваю его к себе. Его член входя, посылает еще одну волну боли. Шок такой, что у

меня перехватывает дыхание, и я в оцепенении замираю, он скользит глубже.

Он входит так глубоко, что я не могу вздохнуть. Он входит и выходит. Потом снова и снова. Я стону. Его большие руки сжимают мои бедра, которые по собственному желанию двигаются взад-вперед. Мастерство и техника Шейна в сексе проявляются в каждом движении и касании, и вскоре я начинаю с наслаждением массировать свою киску, и боль превращается в тепло и удовольствие. Чистое настоящее удовольствие. Мои глаза расширяются от удивления. Я никогда не думала, что секс может быть таким.

— О, Шейн, — прошу я. — Не останавливайся.

Он отвечает мне тем, что захватывает обе мои руки и поднимает их высоко над головой. Он опускает глаза, в которых читается голод на мою грудь. Я чувствую, как он двигается в меня и из меня, и при этом ощущаю себя полностью беспомощной. Он контролирует все. Я готова сделать все, что он хочет сделать со мной.

Затем он наклоняет голову и берет мой сосок в рот. Ленни каждый раз берет мой сосок в рот, я даже не могу вспомнить сколько раз это было, но я никогда не чувствовала такого. Мое тело выгибается от удовольствия. Его язык обещает удовольствие, пока он продолжает глубоко входить в меня.

И тогда это происходит. Обещание, которое дал мне Шейн, схватив меня за запястье, когда мы впервые встретились.

Оргазм.

Я никогда не испытывала такого. Я лишаясь рассудка, выкрикивая его имя. Я полностью ошарашена, хотя и не осознаю, что он удерживает мое тело, пока меня не накрывает волна удовольствия, он всаживается с такой силой, что матрас на возвышении начинает двигаться от каждого его жесткого толчка.

Он не кричит, как Ленни, когда кончает, у него вылетает рык, перемежающийся его движением, последний раз толкаясь в меня, он замирает, отпуская свой контроль, его член глубоко пульсирует внутри. Дыша урывками, он опускает голову вниз и смотрит на меня. Я лежу совершенно размякшая под ним, ноги подрагивают, а пальцы на ногах подогнулись.

Я полностью его.

Я чувствую небольшую боль внутри, но мне не хочется, чтобы он выходил из меня. Я хочу еще. Я хочу еще раз все повторить. Я хочу еще оргазм, который был просто потрясающим.

— Я хочу еще, — шепчу я, не чувствуя никакого стыда.

Его глаза поблескивают.

— Ты не справишься с большим, Сноу, — бормочет он.

— Я хочу, — настаиваю я.

Он целует меня в лоб, пытаюсь вытащить свой член, но я хватаю его за ягодицы.

— Нет, — умоляюще прошу я.

Он улыбается.

— О, сладкая Сноу. Не волнуйся, в другой раз ты испытаешь еще большее удовольствие, — нежно поддразнивает он меня.

Он все же вытаскивает из меня член, снимая презерватив, я в ожидании так и продолжаю лежать, разведя в стороны ноги. Он возвращается ко мне на возвышение и опускает голову между моих бедер, начиная сосать мой клитор. Шок от его горячего рта между моими ногами, как электрический заряд, сотрясает все мое тело.

Во мне начинает подниматься возбуждение, я упираюсь пятками в матрас, мышцы

напрягаются, я непроизвольно выгибаюсь.

16.

Сноу

«Ты хочешь меня еще?»

Я просыпаюсь и стоит мне открыть глаза, как упираюсь прямо перед собой в спящее лицо Шейна. С любопытством наблюдаю за ним, как он спит, он выглядит таким молодым. Можно влюбиться в его лицо. Прошлая ночь напоминала сон. Я все помню, как в тумане. Моя голова плывет от того, как я вспоминаю, насколько сошла с тормозов. Мои слова бесконечно крутятся у меня в голове: «Ты хочешь меня еще?»

Три раза я просила его об этом, в общей сложности я кончила шесть раз.

Еле заметная улыбка появляется у меня на губах, его длинные, черные, как вороное крыло, ресницы поднимаются. Мы смотрим друг на друга, улыбка медленно исчезает с моих губ. Пламя испепеляющей страсти опять поднимает свою голову где-то глубоко у меня внутри. Его взгляд перемещается с моих глаз к моей щеке, задержавшись на моих губах, которые сами собой приоткрываются... приглашая.

Затаив дыхание, я наблюдаю, как вспыхивает страсть, огонь в синей глубине его глаз.

Он приподнимается надо мной. Опираясь на локоть, его рот опускается на мои губы, я обнимаю его за шею и притягиваю ближе к себе. Пятерней он проходится по моим волосам, заставляя мою голову запрокинуться назад. Мои губы открываются в изголодавшемся ответе, как только наши губы соприкасаются. Поцелуй кажется бесконечным. Как будто ни один из нас не может удовлетворить свою потребность друг в друге. Я чувствую, как пощипывает от мурашек мое тело, испытывая такую необходимость.

Он лежит полубоком, сдергивает с меня простынь, его взгляд скользит вниз по моему телу. Подрагивая и испытывая нетерпение, я медленно расставляю ноги — еще одно приглашение.

— Мать твою, Сноу. Ты одурманиваешь меня, — хрипит он.

Мой рот пересох от пьянящего азарта.

— Я? — с трудом выдохнув и подрагивая, шепчу я.

— Мне достаточно всего лишь взглянуть на тебя, и я уже хочу обладать тобой. Мне кажется даже не важно, что ты с Ленни. Я не могу уйти и оставить тебя. Я хочу тебя, и ради этого я готов рискнуть многим.

— Но сейчас у тебя есть я.

— Да, сейчас у меня есть ты.

Я мечтательно наблюдаю, как он спускается вниз по моему телу, проходясь своим бархатным горячим языком по моей коже, порхая, оставляя еле уловимые поцелуи и шепча, но трудно сказать, что он шепчет, я не могу расслышать. Я приподнимаюсь на матрасе, чтобы уловить его шепот, как шелест. Но все меняется, стоит ему добраться ртом до моей пульсирующей киски.

Он пожирает меня, словно испытывает огромный голод.

Извиваясь от невыносимого удовольствия, я крепко хватаюсь за края подушки с обеих сторон. Его язык спускается вниз по моей киски, и я вдруг чувствую, как его кончик языка дотрагивается до моего ануса. Я замираю от шока. Никто и никогда не дотрагивался своим языком до меня «там». Меня вдруг пробивает молниеносная мысль: «О, Боже! Если бы мама

узнала, она пришла бы в ужас».

И вдруг, словно вспышка ко мне возвращаются воспоминания — у меня бегут слезы, жуткая разрывающая боль. Нет, только не сейчас. Эта мысль настолько меня ужасает и пугает, что я начинаю колотить ногами, пытаюсь свести их вместе, пытаюсь остановить его, но он силой удерживает их своими накаченными руками. Я в панике приподнимаю голову, находясь в полу лежачем состоянии.

Он отрывается, подняв голову и смотрит на меня.

— Я должен получить тебя всю, Сноу. До каждого последнего дюйма. Я буду вылизывать то, что хочу и буду трахать, что хочу, — говорит он совершенно спокойно. Его выражение лица настолько непоколебимо, как гранитная гора.

Я открываю рот, но из меня не выходит ни слова.

— Я не сделаю тебе больно, — тихо говорит он.

Мгновенно мой страх испаряется, как ненужное старое пальто, и я испытываю странное возбуждение в виде дрожи по позвоночнику. Я не хочу, чтобы он останавливался. Мне нравится сама идея полностью быть подвластной ему и подчиниться его контролю.

Он раздвигает мои бедра, приближая их к себе, имея полный доступ, и начинает осуществлять свое желание по обладанию каждого моего последнего дюйма. Широко разведя мои ягодицы и крепко удерживая их на месте, он надавливает языком на кольцо мышц ануса. У меня вырывается стон, наполовину наполненный ужасом, наполовину — дрожью от удовольствия. Он проталкивается вглубь.

Как только его язык проскальзывает внутрь моей попки, его палец тут же входит в мой передний вход. Я корчусь от удовольствия. Очень аккуратно он вытаскивает палец, покрытый моими соками и толкает его мне в задницу. Он приподнимает голову и внимательно смотрит мне в глаза.

— Ты мне веришь?

Я молча киваю.

— Я собираюсь войти в твою сладкую попку.

Если бы я была с другим, я бы возмутилась, сказав:

— Никогда, — но сейчас я не с другим. Сейчас я хочу *именно его*. Мне просто необходим *он*, поэтому я опять киваю.

Он улыбается и тянется за бутылкой с гранатовым маслом, стоящей на тумбочке, ранее он сказал мне, что это масло для загара. Он отвинчиваем крышку, переворачивает бутылку, удерживая высоко над моей открытой киской. Тонкая красная струя льется прямо в центр, другой рукой он размазывает его по всей трепещущей моей плоти.

Движение возбуждающее и медленное, как массаж, словно он ласкает мою киску своими пальцами. Мне напоминает оно тот трепет самоотверженности, с которым жрецы омывали статуи своих божеств. С глубоким уважением, словно то, что находится у меня между ногами бесценно, вне всякого сравнения. Он опускает средний палец в мою киску, а потом использует его, размазывая масло и мои соки по моему тугому анусу. Так он использует все свои пальцы, которые медленно двигаются и скользят, благодаря маслу и моим собственным сокам.

У меня вырывается глубокий вздох от невероятных ощущений.

Он медленно вводит один палец. Большой, но я спокойно продолжаю лежать открытой для него, ожидая его дальнейших действий, он легко скользит внутри. Он двигается внутрь и извне. Я запрокидываю шею назад. Я готова его принять.

Он опускается на колени, и я замечаю его массивный, подергивающийся член, жаждущий меня. Я не боюсь. Низ моего тела — открытая чаша. Открытая и ожидающая своего заполнения. Он тянется за презервативом, раскатывает на свой столик, подхватывает меня под бедра и одним быстрым движением входит глубоко в мою киску, по самые яйца.

Я содрогаюсь от удовольствия, когда мои мышцы сжимаются вокруг его длины, словно кулак. Я чувствую, как кровь пульсирует у меня в венах. Он выходит, заполняя меня снова и снова. Так глубоко, что с каждым его толчком у меня вырывается стон. Мне кажется, что я вот-вот разлечусь на маленькие кусочки, он вытаскивает свой член и упирается кончиком в тугие мышцы моего ануса, над которым он так долго трудился, чтобы они стали податливыми.

Он запирает меня своим взглядом.

Головка его члена давит на кольцо входа и медленно, аккуратно он начинает погружаться. Его настолько большая головка входит, и несмотря на то, что его член мне очень нравится, я испытываю настоящую боль. Морщусь и сжимаю подушку.

— Ты слишком большой, — стону я.

— Дыши глубже и расслабь мышцы. Делай то, что не хочет делать твое тело, — инструктирует он меня.

Я хмурюсь.

— Непросто тебя вытолкнуть. Возьми меня.

Я делаю глубокий вдох и расслабляюсь, мои дрожащие, напряженные ноги становятся ватными.

Стоит мне выдохнуть, как он продвигается глубже, воспользовавшись этой возможностью.

Я кричу от боли, боль такая, словно меня полоснули ножом, он останавливается и ждет, пока я не привыкну к нему и опять не расслаблю мышцы. Я делаю еще один глубокий вдох и на выдохе его огромный член опять продвигается внутрь на еще один дюйм.

Каждый раз когда я выдыхаю, и он чувствует как расслабляются мои мышцы, он пользуется моментом, чтобы продвинуться вперед. Я задыхаюсь от нахлынувших ощущений, но он медленно продолжает продвигаться все глубже и глубже в мой задний проход, пока его яйца не касаются моих ягодиц. Его член плотно застрял у меня внутри.

Он не двигается и улыбается мне. Медленной улыбкой победителя. Он получил то, что хотел.

У меня в глазах стоят слезы, но не от боли, а от чувств. Я чувствую себя растянутой и туго заполненной, поэтому закрываю глаза.

И он начинает двигаться у меня в заднице. Часть меня ненавидит эти ощущения, а другая — хочет еще. Но чем больше он входит и выходит, тем более странные волны, какого-то запретного наслаждения, разливаются по моему телу.

— Жестче, — слышу, как сама кричу. — Трахни меня жестче.

Он начинает двигаться быстрее, и я чувствую, как тону в ощущениях. Вся моя кожа, словно оживает, хотя я испытываю шок от пикантной ситуации. Все мое тело превращается в один большой нерв, я никогда такого не чувствовала. Я настолько ощущаю его пульсирующий член внутри себя, словно между нами даже нет кожи.

Я смело смотрю ему в глаза, изо всех сил сжимая мышцы, у него вырывается стон. Ощущение настолько мощное, что я тоже как-то могу воздействовать на него, пока он находится так глубоко внутри меня. Его движения становятся все более неистовыми. И я

чувствую, как его член увеличивается в объеме внутри меня. Я стараюсь изо всех сил, выдоить его. И в ответ, он запрокидывает голову и с ревом дергается, вибрируя всем телом и кончает.

Он вытаскивает член и опускает меня на кровать. Я наблюдаю, как он снимает презерватив, потом поворачивается ко мне и, склонившись надо мной, запускает два пальца в мою киску. Я задыхаюсь, позволяя войти им как можно глубже, насколько он может.

Я подаюсь вперед, согнувшись, он же ритмично двигается внутри, я даже слышу хлюпающие звуки своих соков. Я как замороженная наблюдаю за его загорелой рукой, входящей и выходящей, в накачивающих дурманных ощущениях. Другая его рука слегка дотрагивается до моего клитора, его лицо имеет такое сосредоточенное выражение, словно он художник, рисующий шедевр.

— Своей сладкой киской дай мне струю соков, — говорит он.

— Шейн, — стону я, с всхлипом. А потом кричу, шокирующе, как животное, звук исходит откуда-то из глубины груди, когда я падаю через край в бездну сущего удовольствия. Он удерживает меня, пока я выгибаюсь и дергаюсь, струей, намочив его пальцы. Я открываю глаза, он собственнически смотрит на меня, наклоняется и слизывает слезы с моих глаз.

— Сейчас поспи, Сноу, — говорит он, и его слова оказывают на меня почти гипнотическое действие, как и голос, я закрываю уже слипающиеся глаза и тут же засыпаю.

Я просыпаюсь от звука голосов. Сажусь на кровати и осматриваюсь. Простыни скомканы и имеют пятна, видно от масла. Завернувшись в простынь, я подхожу к окну. Шейн внизу, снова работает в саду. Его тело блестит от пота. Он тихо разговаривал с месье Шевалье.

И вдруг поднимает глаза вверх и видит меня. Мы просто пару секунд смотрим друг на друга, затем он машет рукой.

— Подожди меня, я поднимусь к тебе, — говорит он и идет быстрым шагом в сторону бассейна. Я отворачиваюсь от окна и поворачиваюсь лицом к двери. Он врывается через двойные двери, словно бушующий ураган или дикий тигр. Порочный, длинные ресницы еще мокрые, тело сексуальное и накаченное. Его мать передала ему красоту, которую потом он усовершенствовал, добавив великолепные татуировки.

— Ты проснулась, — говорит он.

— Да, — чувствуя смущение, отвечаю я.

Он подходит ко мне и тянет за простынь. Я продолжаю удерживать ее, но быстро перестаю сопротивляться. Простынь выскользывает из моих рук, и я оказываюсь голой перед ним в дневном свете.

— Ты идеальна, — бормочет он заплетающимся языком, в его глазах начинается разгораться страсть.

Я наблюдаю за солнечным светом, который падает на ее бледную, тонкую фигуру и восхищаюсь ее чувственной красотой. Ее руки и ноги кажутся такими хрупкими, как у фарфоровой куклы. Когда я трахал ее, то иногда ловил себя на мысли, что стоит сдерживаться, потому что я боюсь причинить ей боль. Я вижу пятна от масла, которые оставил на внутренней поверхности ее бедер вчера, и становлюсь рабом от желания заполучить ее. Я ничего не могу с собой поделать. Я хочу трахать ее снова и снова. Только ее, как никого другого. Мне не хватает ее, я не могу насытиться ею.

Я кладу ладони на ее соски, они становятся набухшими от возбуждения.

— Ты мокрая? — спрашиваю я.

Она закусывает губу и кивает.

— Шейн.

— Что, Сноу.

— Что мы делаем?

— Я не знаю, что делаешь ты, но я уж точно разрушаю тебя для любого другого мужчины.

Я наклоняюсь и подхватываю ее за спину и колени, поднимая ее обнаженное тело на руки и направляюсь в ванную комнату. Я опускаю ее в душ. Я скидываю джинсы, переступая через штанины. Ее глаза широко распахнуты, пока она смотрит на мой эрегированный член. На нем уже проявились вены от неистового желания.

Почему меня так тянет к ее киске, для меня это просто загадка. С любой другой женщиной, стоит мне ее трахнуть, мое желание начинает постепенно сходить на нет. И с каждым разом, чем больше мы трахаемся, тем больше я теряю интерес до тех пор, пока уже совсем не хочу. Но не с ней. С ней мне хочется еще и еще, мне мало. Это как лить масло в огонь. Чем больше я трахаю, тем больше я ее хочу. Я неподвижно стою перед ней. Я никогда не получал такого удовольствия от женщин, как эта женщина разглядывает меня. От взгляда, как она разглядывает мое тело, я действительно чувствую себя готовым кончить.

Как только ее глаза покидают мой эрегированный член и поднимаются вверх к моим глазам, я шагаю к ней в душ. Я включаю теплую воду, которая каскадом льется на нас. Я беру кусок мыла с металлического держателя-мыльницы и протягиваю ей.

— Помой себя мылом. Покажи мне, как ты это делаешь, — приказываю я.

Она молча забирает мыло и начинает намыливать грудь, под мышками, шею (Господи, в это невозможно поверить, смущенно) между ног. Мыльная пена скользит вниз по внутренней стороне ноги. Она поднимает руки и сгибает в локтях, намыливая каждую в отдельности. Она заводит их за спину и намыливает задницу. Затем она переходит к бедрам и ногам. Она поднимает одну ногу, показывая мне свою нежную, розовую киску. Я, замерев, смотрю на нее. Она опускает ногу. Поднимает другую. Опять еле заметно показывает мне свою киску. Вода, попадая на мой член, заставляет его увеличиваться. Я чертовски с трудом сдерживаюсь, потому что он наливается еще больше кровью и начинает пульсировать.

Я наклоняюсь и беру ее сосок губами, прикусывая. Вода затекает ко мне в рот, заменяя обычную чувствительность соска во рту. Я был в душе с сотнями женщин. Я прикусывал и сосал их соски ни один раз. Но стоит мне дотронуться до нее, и я понимаю, что это не

простой обмен удовольствием: я заставляю тебя возбуждаться и кончить, и тоже самое ты проделываешь со мной.

Нет, у меня такое чувство, словно я хочу съесть ее живьем. Я готов встать перед ней на колени и, бл*дь, пировать ее киской несколько дней. Я никогда не позволю дотронуться до нее никому. Я не смогу ее оставить. Я чувствую, что она моя. Из всех женщин, с которыми я был, она как раз меньше всего принадлежит мне. На самом деле, она принадлежит кому-то другому. Гребаному мудаку, бл*дь, Ленни.

От такого разочарования, я прикусываю ее грудь. Она ахает. Я поднимаю голову.

— Зачем ты это сделал?

— Разве тебе не нравится?

— Не знаю.

Я опять беру ее сосок в рот и сильно начинаю сосать, чтобы она испытала боль. Она вскрикивает.

Я поднимаю голову.

— Ты хочешь, чтобы я остановился?

— Нет, — шепчет она, смотря на меня широко раскрытыми глазами.

Я беру ее второй сосок в рот и сосу уже нежно. После боли должно наступить удовольствие. Она стонет. Я разворачиваю ее к стене из плитки. Намеренно крепко удерживаю ее рукой, опустив руку на спину и заставив ее наклониться немного вперед, чтобы задница оказалась поднятой вверх. Сам разворачиваюсь так, чтобы она смогла видеть меня. Хватаю ее за ягодицы и дую на ее открытую плоть. По ее телу проносится дрожь от предвкушения. Я зарываюсь лицом между ягодицами и... начинаю пировать. В этот раз я ничего не могу с собой поделать. Я сосу, лижу ее киску, прикусывая ее припухшую плоть. Даже ее жалкие всхлипывания не в состоянии остановить меня. Я насилую ее так своим языком, как никогда не насиловал никого. Я сосу не только ее киску, но и ее анус, запуская язык, пока она не содрогается от экстаза.

Мой член горячий и голодный. Я чувствую кровь приливает к нему, мне необходимо освобождение.

Я вытаскиваю ее из душа и ставлю перед раковиной.

— Я хочу, чтобы ты видела нас в зеркале, как я буду тебя трахать. Руки на раковину, раздвинь ноги, задница кверху, — говорю я, открывая ящик и доставая презерватив. Она стоит, крепко вцепившись в раковину, расставив широко ноги, и мило выпятив свою попку кверху, я открываю ящик и ищу резинку.

— Поиграй со своим клитором, — приказываю я.

Она опускает правую руку между ног, совершая круговые движения. Ее выгнутая спина еще больше приподнимает ее задницу, и вся ее сладкая киска видна в зеркале. Моя любимая поза женщины.

Отлично. Просто ох*енно.

Я хватаю ее за бедра и скольжу в нее. Ее глаза расширяются в зеркале. Я жестко трахаю ее сзади, глаза не отрываясь смотрят в зеркало. Звук двух ударяющихся тел разносится по ванной, как эротическая сексуальная симфония. Наша мокрая плоть шлепает друг о друга, раковина поскрипывает, она стонет, я рычу и, наконец, у нее вырывается странный животный вой, она кончает мощно на мой член. Ого. После этого назад уже дороги не будет. Я взрываюсь глубоко внутри нее. Я не сразу выскальзываю, глажу ее по волосам и отвожу их на плечо, целую ее в шею.

Я понимаю на нее глаза, в зеркале ее глаза сверкают, щеки разругались, рот слегка приоткрыт, и она дышит какими-то урывками.

— Еще один последний разок на дорожку? — с надеждой спрашиваю я.

Она хихикает в ответ, как чертовый ребенок.

Сноу

Обед подается снаружи дома. Летний ветерок доносит аромат цитрусовых. Нам подают жареную утку конфи с обжаренным картофелем в утином жиру и тарелку с салатом из помидоров. Утка необычайно сочная и вкусная. Шейн рассказывает, что подготовка мяса у мадам занимает до тридцати шести часов.

Потом мадам подает мне шоколадное суфле с вишней сверху и сыр — Шейну. Я отламываю ложкой шоколадное тесто с мягкой кремовой шоколадной начинкой и кладу в рот.

— Мммм... очень, очень вкусно. Хочешь попробовать? — спрашиваю я.

Он наклоняет свое лицо ко мне. Свежесть мужского одеколona, перемешанная с запахом темного шоколада, заставляет меня опьянеть. С трудом сглотнув, я кладу ложку ему в рот. Он ловит мое запястье, прожевывает и глотает. Наклоняется и скользит языком по моей ключице. У меня расширяются глаза.

Его светлые голубые глаза вспыхивают.

— Ты права, очень и очень вкусно, — бормочет он.

И хотя он вытворял со мной разные вещи, когда мы занимались любовью, но я чувствую, как моя шея начинает краснеть.

И он вдруг с весельем говорит своими сексуальными, грешными устами, которые исследовали каждый дюйм моего тела:

— Ты краснеешь!

К своему ужасу я краснею еще больше.

Он посмеивается надо мной.

— Знаешь, что ты очень сильно покраснела в наш первый раз?

— Как ты можешь такое говорить? Мы же были в темноте, — выпаливаю я.

— Сноу, — говорит он, пробуя мое имя на звук, словно целуя. — Ты была как минимум на два тона темнее тогда.

— А ты... Ты... пыхтел весь наш первый раз, — лгу я.

— Иногда ты заставляешь меня почувствовать себя такой дешевкой, — говорит он с сексуальной усмешкой.

— Сомневаюсь, что какая-нибудь женщина может заставить тебя почувствовать себя дешевкой, — отвечаю я.

Он придвигается поближе, и наши сердца замирают, его губы парят над моим ртом. Мой пульс бьется уже где-то в горле и проблеск сексуальной энергии, как жар, окутывает тело. Его пальцы ищут подол моей юбки и тянут ее вверх.

— В тебе имеется два совершенно противоположных сочетания, Сноу. Потрясающая чопорность и стыдливость и распутный рот, чтобы готов сосать член, — говорит он похотливо. — Все, что я хочу, это трахать тебя все чертовое время.

И к своему удивлению я представляю, как поднимаюсь, оборачиваю ноги вокруг его бедер и упираюсь в его большой, твердый член своей промежностью. Настоящая похоть тут же расцветает во мне, от одной только мысли, что я чувствую между своих ног.

Он отстраняется, нахмурившись.

— Чем бы ты хотела заняться сегодня, Сноу? Вернуться и побродить по городу? Я мог бы провести тебя по достопримечательностям, если ты хочешь. Или отвезти по магазинам.

Осталось так мало времени от наших выходных вместе. Возможно я больше никогда не увижу его снова. Я не хочу тратить последние несколько часов на достопримечательности города, и, конечно, не ходить по магазинам.

— Я хочу остаться здесь. Я хочу поплавать с тобой, а потом... оказаться в твоей постели.

Его сильные руки хватают меня за запястья, и он тянет меня вверх. Мы взбегаем по большой изогнутой лестнице в его спальню, он бросает меня на кровать, срывая одежду и с поспешностью входит, словно не может ждать ни секунды.

— Твоя киска так облегает вокруг моего члена, как чертовая перчатка, — рычит он.

Он не оставляет меня ни на минуту днем, пот уже струится по его груди, рукам, лбу и спине, и я уже так измучена, что чувствую пощипывание и боль между ногами, поэтому прошу его остановиться.

18.

Сноу

Мы прилетаем в Лондон в десять минут десятого и так же легко и свободно проходим таможенный контроль, как и отбывали во Францию. Мы быстро добираемся до парковки и останавливаемся перед приземистым красным Saab'ом с белыми гоночными полосами на капоте. Я ничего не понимаю в машинах, но это одна из тех — специально созданная для опасных скоростей.

— Это твоя машина? — недоверчиво спрашиваю я.

— Если это не так, то мы ее угоним, — говорит он, открывая пассажирскую дверь для меня.

— Очень впечатляющая, — отвечаю я, пробираясь в мягкий черный кожаный салон.

— Она милашка, — говорит он, закрывая мою дверцу.

Шейн молчит по дороге к моему дому, тишина в салоне напряженная, у меня в животе образуется узел страха. Все это время я настолько была очарована Сомюр, что напрочь забыла о Ленни, но теперь боюсь, хотя Шейн уверил меня, что договорился и Ленни не будет звонить мне в выходные, а если он все же звонил? Я ненавижу даже самую мысль, что мне придется ему врать. Но больше всего у меня в груди засело щемящее чувство, что Франция была мечтой, сказкой. А теперь все кончено.

Теперь все реально. С реальной жизнью.

Я не хочу возвращаться к тому, что было прежде. Я не хочу чувствовать тело Ленни на себе, использующего, чтобы облегчить его сексуальные желания. Мне даже тошно думать об этом. Я уже не та женщина, отправившаяся в Сомюр. Я изменилась и значительно.

Мы подъезжаем к моему дому, я опускаю глаза вниз на свои руки, крепко вцепившись в колени. Тишина становится невыносимой, и я умираю как мне хочется его спросить, увидимся ли мы снова, но что, если он скажет нет? Если на этом наша связь и закончиться?

— Сейчас ты можешь включить свой телефон, — говорит он, его голос звучит без эмоций и как-то жестко в тишине салона.

Я киваю и смотрю на него.

Он кажется таким далеким. Он хочет побыстрее избавиться от меня? Может это всего лишь хорошо продуманный обман, только чтобы переспать со мной? Наверняка такой мужчина как он, не собирается пускаться в долговременные отношения. И он выглядит таким отстраненным и недоступным, как будто ему не терпится избавиться от меня. Я чувствую, как в уголках глаз начинают собираться слезы. Я не буду плакать перед ним. Я всегда знала, что он одним взмахом руки может соблазнить ни одну киску, поэтому мне не должно быть так больно, и я не должна чувствовать себя настолько опустошенной, по крайней мере, у меня у меня еще осталась гордость.

— Ладно, спасибо, — быстро говорю я и тянусь к ручке двери.

Его большая рука хватается меня за запястье, я поворачиваю к нему голову, и он говорит:

— Вот, черт, — и притягивает меня к себе. — Не плачь, Сноу. Возвращайся в свою квартиру, он позвонит в течение тридцати минут. Веди себя как всегда и все будет хорошо.

С недоумением я смотрю ему в глаза.

— Откуда ты знаешь, когда он позвонит?

Он взволновано проходит рукой по своим волосам.

— Я нанял двух проституток, чтобы они задержали его, пока ты благополучно не доберешься домой.

У меня отвисает челюсть.

— Ты что сделал?

— Это было единственным, в чем я был уверен, что он не будет звонить, пока тебя нет дома. Это единственный способ, чтобы ты не засветилась и была в безопасности.

Я делаю глубокий вдох.

— Ты сделал это ради меня?

Он отворачивается, смотрит вперед в лобовое окно, сжимая руль.

— Ничего страшного, Сноу. Иди. И ответь на его гребанный звонок и... веди себя совершенно нормально, насколько можешь, хорошо?

— Ладно, — шепчу я, вылезая из машины и захлопывая дверь, и бегу домой не оглядываясь. Как только я закрываю за собой дверь, слышу, как он рвет с места на полной скорости, даже слышен визг шин по тротуару.

Шейн

Я убираю ногу с педали газа, остановившись на красный свет. Бл*дь. Пальцы сами собой барабанят по рулю. Я опускаю голову на руку, упершись локтем вниз окна. Я всегда знал, что она особенная. Я перевожу глаза и ловлю взгляд человека в семерке BMW. Он недовольно качает головой, не задумываясь, я постоянно газую и двигатель V8 ревет от нетерпения, готовый рвануть с места и видно это его сильно раздражает.

— Что уставился? — рычу я, и парень тут же переводит взгляд прямо перед собой.

Загорается желтый, я вдавливаю педаль в пол и срываюсь с места. Впереди вижу знак разворота. Я мог бы развернуться назад. Но это было бы настоящим безумием. Стиснув зубы, я продолжаю вдавливать акселератор в пол, двигаясь вперед, минуя знак. Я не могу поверить, насколько я зол. Вскоре я выезжаю на шоссе. Уже двадцать минут я еду вперед. И знаю, что в этот момент он ей звонит.

Я включаю хит и салон машины наполняется Lana Del Ray's *Summertime Sadness*.

Я проезжаю милью за милей, а перед собой вижу только ее лицо, когда она уходила. Вот так просто я отпустил ее и дал ей вернуться к нему. Какого черта, я бл*дь, думал? У меня появляется во рту горьковатый привкус, словно меня обманули. Единственное чего я хочу, вернуться назад к ней сию минуту и забрать то, что принадлежит мне. И тогда появятся последствия. Но внутренний голос здравомыслия останавливает меня. «*Ты должен разыграть все правильно, запустив весь этот механизм. Это самый безопасный способ. Благодаря ему, ты получишь свою девушку и обезопасишь ваши спины от Ленни*».

Я вспоминаю ее, как мы были вместе в лесу.

С какой радостью и сладостью она отдавалась мне. Я мог сделать с ней все, что угодно. Как она смотрела на меня своими большими, зелеными глазами, наполненными доверием и такими наивными, когда я трахал ее в ее маленькую попку. И тут же у меня возникает мысль об этом мудаке Ленни, который может касаться ее. И я чувствую, как адский огонь разгорается у меня внизу живота.

Нах*р все.

Я, бл*дь, не позволю ему до нее дотронуться. Ни одного дня. Нах*р самый безопасный способ. Произошло изменение планов, мудака. Она — моя. Она стала моей с того самого момента, как только я увидел ее в первый раз.

Сноу

Я закрываю дверь, в квартире полная тишина, как в могиле. Я несу свой маленький чемодан в спальню. Цветы, которые я купила в среду, уже завяли. Я кладу чемодан на кровать и иду в гостиную. Сажусь на диван, кладу свой мобильник рядом и жду.

Как только звонит телефон, я подпрыгиваю. Я глубоко выдыхаю и считаю звонки, после третьего беру трубку.

— Привет, — говорит Ленни, он видно или пьян, или под кайфом. Я видела однажды, как он нюхал кокаин в гостиной. Он даже мне предложил, но я не захотела, и тогда он сказал:

— Ты права. Может, тебе и не стоит. В твоей голове итак достаточно дерьма.

— Привет, — говорю я. Мой голос звучит спокойно, как всегда. Похоже, я также могу обманывать и лгать, как и Ленни. Еще бы Ленни никогда не обещал мне, что будет верен. Этого никто и не ждал.

— Как ты, дорогая?

По какой-то причине его нежность действует мне на нервы. Я его не люблю и никогда не люблю.

— Все хорошо, — отвечаю я.

— Хорошо. Я вернусь завтра утром. Не забудь, завтра вечером я веду свою девушку в ресторан.

Я чувствую удар в грудь. Я не его девушка. Он сейчас с двумя проститутками. Меня это не особо волнует, собственно никогда и не заботило. Я не хочу больше заниматься с ним сексом. И я не хочу никуда с ним выходить. Я не хочу, чтобы он даже дотрагивался до меня. Никогда. Но я слышу свои слова:

— Хорошо.

— Ну, ладно, я позвоню тебе, когда приземлюсь. Спокойной ночи, Сноу.

— Спокойной ночи, Ленни.

Я отключаюсь и кладу трубку на стол. Завтрашний вечер уже маячит на горизонте. Что же мне делать? О Боже! Я закрываю лицо руками. Какой ужас.

Мой телефон снова звонит, заставляя меня подпрыгнуть. Я поднимаю трубку и смотрю на экран.

Номер неизвестен.

Мое сердце трепещет в груди. Я нажимаю «ответить».

— Алло, — настороженно говорю я.

— Ты поужинаешь со мной завтра вечером?

Мое сердце парит от радости. Он позвонил. Он мне позвонил. Значит еще не конец. Но реальность меня просто убивает. Сердце ухает куда-то вниз, словно к нему привязали тяжелый камень.

— Я не могу. Я уже согласилась встретиться с Ленни и пойти с ним на ужин.

— Да? Ну, бедный старый Ленни не сможет пойти ужинать с тобой завтра. Он будет немного занят.

Я ощущаю дикий прилив радости, который наполняет каждую клеточку и все нервы в моем теле. И начинаю смеяться, как сумасшедшая, мне даже становится интересно, что именно Шейн подразумевает под «немного занят». Еще больше проституток? Что же это такое будет, чему Ленни не сможет отказать?

— Сноу, — ласково произносит Шейн.

— Да, — шепчу я, сжимая телефон.

На несколько секунд устанавливается тишина.

— Надень что-нибудь красивое завтра.

— Хорошо, — говорю я, улыбаясь от уха до уха.

— Спокойной ночи, Сноу.

— Спокойной ночи, Шейн.

О Боже мой. Мы завтра ужинаем.

Я опускаю телефон на журнальный столик и, вскочив на ноги, начинаю танцевать, выплясывая какой-то совершенно безумный танец.

— Да. Да. Да.

Тогда мне казалось, будто он не мог дождаться момента, когда я, наконец, выйду из его машины, почему я так подумала, что он меня больше не хочет видеть. Но он хочет продолжать видится со мной.

Я внезапно останавливаюсь. А что будет после завтра? Что я скажу Ленни, когда он захочет поужинать со мной во вторник? Или в Среду? Как долго может Шейн делать его занятым? Как мне спастись от Ленни?

В понедельник время движется бесконечно медленно. Ленни приземляется в аэропорту «Хитроу» почти в полдень и звонит мне, сидя в автомобиле. Он довольно-таки бодр, но заканчивая разговор, сообщает, что кое-что произошло, поэтому ужин сегодня отменяется.

— Хорошо, — тут же отвечаю я. — Мне все равно нужно пораньше лечь спать.

— Почему? — моментально спрашивает он, его голос становится совершенно другим.

Но я похоже стала классной лгуньей, даже не могла себе такого раньше представить, насколько хорошей.

— Я не очень хорошо спала прошлой ночью.

— Кошмары? — тихо спрашивает он.

И в этот момент я ощущаю себя настоящей стервой. Что я делаю? Я обманываю мужчину, который всегда был добр ко мне. Я должна что-то сделать со всей этой ситуацией, причем как можно быстрее. Я закрываю глаза, глубоко вздыхаю и вру:

— Нет, не кошмары. Мне кажется, я съела что-то не то. Я не вылезая из туалета.

— Ну, в таком случае оно и к лучшему, что мы не пойдем ужинать сегодня. Перенесем на завтра?

— На завтра, — виновато и тихо повторяю я.

19.

Сноу

Я начинаю паниковать больше чем за час, когда Шейн должен заехать за мной. Не знаю, почему я так нервничаю, намного сильнее, когда я ездила с ним во Францию. Тогда я ни на что не надеялась. Теперь же у меня появились к нему чувства. Шейн мне очень нравится.

Я практически выкидываю всю свою одежду из гардероба, и разглядывая ее, прихожу к выводу, что у меня нет ничего подходящего на этот вечер. Все либо слишком короткое, либо слишком длинное, либо слишком облегающее или слишком так себе. А мне хочется выглядеть рядом с Шейном превосходно.

«Ванна», — мелькает у меня мысль. Ванна всегда меня успокаивала. Я опускаю в воду ароматическую бомбу с пеной, жду, когда она растворится и добавляю еще чуть ли не пол бутылки ароматного масла. Я нежусь в воде, стараясь успокоиться, глубоко дыша, но даже это не расслабляет. У меня постоянно сжат низ живота и чувствуется какое-то трепыхание.

Быстро я мою голову и выхожу. Я направляю фен на волосы, расчесывая их пальцами, пока они не станут гладкими и блестящими, как шерсть черной пантеры. Завернувшись в полотенце, я возвращаюсь в спальню и останавливаюсь, окидывая взглядом, разбросанную одежду по всей кровати.

Красный. Я надену красное. Я надеваю красное, шелковое, кружевное нижнее белье, осторожно просовываю кружевную резинку черных чулок в зажимы пояса.

И смотрюсь в зеркало. Не плохо.

Я убираю одежду обратно в шкаф и одеваю приталенное красное платье, с пуговицами спереди, что делает его похожим на длинный обтягивающий жакет, который доходит до середины бедра. У него длинные рукава, и когда становится прохладнее, я накидываю светлое пальто поверх.

Я крашу губы таким же оттенком, как платье, и аккуратно накладываю два мазка туши на ресницы. Потом я сажусь на кровать и обуваю блестящие черные, лакированные сапоги. Из ящика я достаю маленький красный зажим и подбираю им волосы. Наконец, я брызгаю духами на точки пульса.

Я отыскиваю свой красный клатч, кладу помаду, кредитку, пачку бумажных платков, пару мятных конфеток, и как всегда контейнер с моими таблетками. Я уже готова, поэтому остальное время я бесконечно хожу по квартире.

Шейн подъезжает и звонит мне на мобильный, ожидая внизу. Я спускаюсь вниз. Он стоит, прислонившись к дверце машины, засунув руки в карманы черных джинсов, и смотрит на свои ноги. Он выглядит напряженным и задумчивым, словно тяжесть всего мира легла ему на плечи. Я иду к нему. Он поднимает глаза и выпрямляется, следя за мной с каким-то странным выражением на лице, я останавливаюсь, мой живот еще сильнее сжимается от беспокойства, поэтому спрашиваю:

— Что?

Он качает головой, небольшая улыбка приподнимает уголки его губ.

— Все хорошо. Ты выглядишь потрясающе.

Шейн ведет меня в ресторан под названием Lady Marmalade. Только когда мы попадаем внутрь, я узнаю обстановку, вспоминая, что Ленни приводил меня сюда раньше. Я

раздумываю сказать ему или нет, но решаю, что скажу позже, когда мы сядем за столик, я как бы вскользь упомяну об этом, словно это не так важно.

Но стоит нам пройти внутрь, как мужчина в синем костюме, вырывается вперед, приветствуя Шейна. Он хлопает его ладонью по спине, Шейн отвечает ему тем же и обращается к нему Марио. Поведение этого человека возможно описать единственным словом — экспансивным. Его глаза обращаются ко мне, быстро проходятся по моему телу, так делают все итальянские официанты, наполовину профессионально, наполовину плотоядно. С большим энтузиазмом он показывает нам столик в центре ресторана. Почти сразу же официанты начинают танцевать вокруг нас, укладывая салфетки и подавая раскрытое меню.

Я все еще изучаю меню, когда к нам движется высокий, широкоплечий мужчина.

— Привет, — говорит он Шейну, его лицо озаряется искренней радостью. Он очень похож на Шейна, но выглядит немного старше, и если красоту Шейна можно назвать более классической, то этого мужчины — более агрессивной, с сильным, волевым подбородком.

Шейн поднимает глаза вверх и улыбается.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Убийственная наглость, — смеясь говорит мужчина. — Я уйду на самом деле.

Шейн поворачивается ко мне.

— Сноу, познакомься, это мой брат Дом. Дом, познакомься со Сноу.

Дом поворачивается ко мне с улыбкой, которая застывает у него на лице. Он хмурится, пытаюсь что-то вспомнить. Я узнала его, и он должно быть тоже меня вспомнил. Я видела его раньше. Потом я вдруг припоминаю — он владелец этого ресторана. Он подходил тогда поздороваться с нами, когда я была здесь с Ленни несколько месяцев назад, и я была тогда под действием таблеток, что, на самом деле, особо не обращала на него внимания.

— Привет, Сноу, — говорит он. Его голос звучит напряженно, уже не слышится смех.

— Привет, — смущенно отвечаю я. Я поворачиваюсь к Шейну, который с недоумением смотрит на меня.

— Я была здесь как-то с Ленни, — тихо поясняю я с замирающим сердцем.

Шейн медленно кивает, его глаза поблескивают от ярости, затем он резко разворачивается к брату.

— Послушай, — говорит Дом, — это не мое дело, но...

— Тогда не смей вмешиваться, — резко прерывает его Шейн.

Я с неприкрытым шоком, поглядываю на него. Я никогда не видела его таким, нахальным и обаятельным, да видела, но Дом, видно, совсем не обижается на откровенно враждебный тон брата.

— Я поговорю с тобой завтра, — тихо отвечает он. У него на лбу появляются глубокие морщины. В отличие от своего брата, Дом не хочет наблюдать, как Шейн спокойно пришел поужинать с девушкой Ленни, скорее всего, он очень сильно любит Шейна и переживает за него.

— Конечно. Я позвоню тебе, — отстраненно отвечает Шейн.

Дом поворачивается ко мне.

— Хорошего вечера и приятного аппетита, — обыденно произносит он.

— Спасибо, — шепчу я.

Он разворачивается, и сделав два шага от нас, оглядывается через плечо на Шейна.

— Я буду ждать твоего звонка.

Шейн кивает.

Его брат уходит, Шейн поворачивается ко мне.

— Я полагаю, ты потеряла аппетит, — в его голосе слышатся напряженные агрессивные нотки, но взгляд добрый.

Я медленно киваю.

Выражение его лица меняется, и он смотрит на меня с тоской.

— Почему ты не сказала мне?

Увидев разочарование в его глазах, словно я предала его, мне становится не по себе. Я чувствую, как в глазах начинают собираться слезы. У меня такое чувство, словно я все испортила. Я не могу смотреть ему в глаза, поэтому опускаю голову и плююсь на свои сжатые кулаки.

— Прости, — говорю я. — Я хотела. На самом деле хотела. Но мне не хотелось портить наш вечер.

Я поднимаю на него глаза, он сидит, откинувшись на спинку кресла, бесстрастно наблюдая за мной.

Марио появляется рядом с Шейном, его большая улыбка становится напряженной, он явно чувствует, что что-то происходит между нами.

— Может принести что-нибудь выпить? — беспокойно предлагает он.

Шейн не поворачивается к нему.

— Не мог бы ты дать нам минутку, Марио?

— Конечно, — отвечает Марио, усиленно жестикулируя и отступая от столика.

Шейн вздыхает.

— Ты хочешь здесь остаться, Сноу?

— Ты будешь продолжать на меня злиться? — с тревогой спрашиваю я.

Уголки его губ невесело приподнимаются.

— Я уже не сержусь.

— А по твоему взгляду не скажешь, — с грустью говорю я.

Он протягивает руку и осторожно проводит кончиками пальцев по линии моего подбородка.

— Моя бедная Сноу. Тебе было весело здесь с Ленни? — спрашивает он.

— Нет, — приглушенно отвечаю я.

— Ты пила текилу наверху?

Я отрицательно качаю головой.

Шейн вдруг начинает смеяться.

— Тогда ты не были, на самом деле, в Lady Marmalade, — заявляет он и поднимает руку. Марио, видно, находится где-то поблизости, потому что он материализуется у нашего столика, как джинн из бутылки.

— Принимайся за работу, Марио, — говорит он.

Марио поднимает руку, как дирижер перед оркестром и торжественно восклицает:

— Браво!

Так начинается вечер. Появляется бутылка шампанского, наполняются бокалы. Шейн выглядит веселым, нахальным и сексуальным одновременно. Нам подается безумно вкусная еда, а потом он ведет меня наверх, там есть бар и танцпол. Мы пьем текилу в баре, а затем Шейн кружит меня в танце. Мы присоединяемся к паровозу чужой вечеринки, смеемся так, что у нас начинают болеть животы от смеха.

— Если я завтра умру, то я умру счастливой, — говорю я ему.

Он тянет меня к себе.

— Я не хочу. Я не хочу, чтобы ты умирала с ним. Даже мертвая, я не хочу, чтобы он дотрагивался до тебя. Он не заслуживает тебя, — рычит он.

Я с удивлением смотрю на него, его голос наполнен такой страстью.

Марио передает мне маленькую коробочку шоколадных трюфелей, когда мы уходим.

— Я заметил, что они вам понравились. Воспользуйтесь ими позднее, — говорит он, кивая и подмигивая.

— Спасибо, — удивленно отвечаю я, тронутая его подарком.

В машине Шейн сообщает мне, что мы заскочим в «Эдем».

— Мы немного выпьем там. И мне кое-что нужно сделать в офисе.

Мы почти уже подъехали, когда у меня звонит телефон. Я просто цепенею от страха.

Шейн останавливает машину на обочине и выключает музыку.

— Ответь ему, — натянуто говорит он.

— Что если он звонит мне из моей квартиры?

— Его там нет.

— Откуда ты знаешь?

— Доверься мне.

Он поднимает с моих колен мой клатч, достает мой телефон и протягивает мне.

Я нажимаю принять вызов.

— Я разбудил тебя? — спрашивает Ленни.

— Нет, — отвечаю я, и даже для своих собственных ушей мой голос звучит неуверенно.

— С тобой все в порядке?

— Да. Да, все хорошо.

— Где ты?

Паранойя сводит меня с ума. Но сглотив, я стараюсь, отвечать спокойно, как обычно:

— В спальне.

— Ты собираешься ложиться спать?

— Да.

Наступает пауза, затем он говорит:

— У меня есть для тебя сюрприз.

— Да?

— Я отдам его тебе завтра вечером.

— Хорошо.

— Сладких снов и спи спокойно.

— Спасибо. Спокойной ночи, Ленни.

— Спокойной ночи, дорогая.

Я отключаю вызов и кладу телефон обратно в сумочку. Шейн заводит машину и едет дальше. Он ничего не говорит. Атмосфера в машине до такой степени накалилась, что я чувствую, как она начинает на меня давить.

В «Эдеме» к нам тут же подходит менеджер, желая помочь снять мне пальто, но Шейн опережает его, снимает и небрежно бросает на прилавок. Он кладет руку мне на поясницу, в безошибочном собственническом жесте, и ведет в клуб.

Напряженная, кажется, что мои нервы уже раскалились до красна, я позволяю ему вести себя по клубу. Вокруг пульсирует музыка, и я понимаю, что почти все смотрят на меня, поскольку я иду с Шейном. Некоторые взгляды наполнены злобой и завистью. Я не различаю лиц, они сменяются одно за другим. Я двигаюсь с прямой спиной и высоко поднятой головой вперед.

Женщина блондинка в бледно-голубом костюме спешит к нам. На ее лице дружелюбная улыбка, которая охватывает нас обоих.

— Привет, — здоровается она.

— Бриана, познакомься со Сноу, моей девушкой. Сноу, это Бриана, домоправительница этого клуба.

— Привет, — говорю я, пожимая ее прохладную руку и испытывая неожиданную робость. Я чувствую, словно парю в небесах. Мне не верится, что Шейн представил меня как свою девушку. Это странно и фантастически прекрасно.

Она поворачивается к Шейну.

— Она просто великолепна.

Шейн приближается и обхватывает меня за талию. Смотрит на меня сверху-вниз, его глаза блестят с торжествующей гордостью собственника.

— Да, она довольно восхитительна, не правда ли? — бормочет он.

— Не хочешь остаться и что-нибудь выпить? — спрашивает Брианна.

— Я заехал, чтобы кое-что забрать из офиса, — он оборачивается и смотрит на меня. — Не хочешь присесть и выпить по бокальчику?

— Хорошо.

— Пойдемте, — приглашает Брианна и ведет нас к кабинке, находящейся в углу. Мы садимся, появляется официантка, наполняя наши бокалы. Стоит ей уйти, мы чокаемся.

— За нас, — говорит Шейн.

— А мы есть? — тихо спрашиваю я.

— Да, мы есть, — отвечает он, его голос звучит хрипло, почти жестко.

— За нас, — шепчу я.

Он поднимает свой бокал к губам и смотрит на меня поверх края темными, задумчивыми глазами. У него мышца дергается на щеке. Атмосфера между нами становится напряженной, я чувствую, как меня начинает трясти. Я никогда не видела, чтобы Шейн так злился. Я не могу понять почему, он так злиться на меня, что еле сдерживается. Все началось, когда позвонил Ленни.

— Придвинься ко мне, — собственнически приказывает он.

Я опускаю свой бокал на стол и нервно облизываю губы, передвигаясь ближе к нему, оставляя шесть дюймов между нами. Он резко дергает меня к себе, я падаю с сиденья, вскрикивая и неуклюже приземляюсь на его колени. В поисках баланса я хватаюсь за него. Он опускает руки мне на бедра и притягивает ближе к себе, я почти вжимаюсь в его тело,

чувствуя его эрегированный член.

— Я безумно хочу тебя, — бормочет он мне в шею. — Я хочу трахнуть тебя, прямо здесь и сейчас.

— Нет, пожалуйста, Шейн, — протестую я, хотя становлюсь неприлично мокрой от одной только мысли. Удивительно, как он может сделать меня мокрой одним своим взглядом, прикосновением и словом. — Мы можем пождать, пока доберемся до дома?

— Я устал ждать. Ты у меня на коленях, и ты, мать твою, будешь наслаждаться каждой минутой, — говорит он, его лицо потемнело от желания.

Я отрицательно качаю головой, глядя на него с волнением и ужасом. Хотя мне кажется, что все мое тело светится от возбуждения, а сердце бьется так быстро, что я чувствую, как оно громко стучит в груди.

— Мы находимся в общественном месте, — шепчу я.

— Сноу? — его глаза светятся голодом, как у волка в ночи.

— Да, — говорю я.

— Это не просьба.

— Это безумие. Здесь везде установлены камеры, не так ли? — причитаю я.

— Они отключаются, стоит мне сеть в кабинку, — его лицо потемнело от желания. И страшная ужасная мысль возникает у меня в голове. *«Он приводит сюда всех своих женщин и занимается здесь с ними сексом? Вот почему здесь нет камер?»*

— Нет, — с яростью вдруг говорит он. — Я бл*дь ничего не делал здесь с другими.

Он целует меня, жестко, даже жестоко, я чувствую привкус солоноватой крови на языке. От шока, я автоматически пытаюсь оттолкнуть его.

— Не сопротивляйся, Сноу, — резко выдыхает он. — Мне просто необходимо.

Я наблюдаю за его глазами и понимаю, что он говорит правду. По какой причине ему, на самом деле, необходимо получить секс со мной именно здесь, в этом общественном месте, где любой может заглянуть и увидеть меня, словно я дешевая шлюха. Я перестаю бороться. Я нахожусь в его руках, его пальцы скользят под мое платье и отодвигают в сторону трусики. Я ничего не могу поделать.

Он собирается заставить меня здесь кончить.

Шейн

Ее глаза широко открыты, в них читается удивление и обида, но она практически вибрирует от возбуждения и предвкушения. Как в спелую летнюю вишню, мои пальцы тонут в ее тугой, маленькой киске. У нее вырывается беспомощный всхлип, превращая мою кровь в огонь. Я чувствую дикий голод, который сводит меня с ума. Мой член пульсирует от желания на краю.

Если я не получу ее сию минуту я нахрен взорвусь.

Я хочу разложить ее на столе, сорвать с нее одежду и похоронить себя глубоко внутри нее, и стереть из ее памяти этого больного ублюдка. Она не знает, но я все еще вижу его отражение у нее в глазах. Она все еще думает о нем. Она не хочет причинить ему боль. Она испытывает к нему «благодарность». И хуже всего: она чувствует вину, когда встречается со мной, как будто она по-прежнему принадлежит этому психу. Я ненавижу это ее чувство.

Черт возьми, она моя.

— Открой глаза, — говорю я ей. Мой голос содрогается от ярости, которая клокочет во мне.

Ее глаза распахиваются, большие и доверчивые. Когда она кончает они блестят и в них светиться счастье. У меня когда-то была кошка с таким же цветом глаз, как у нее. Красивая.

Глядя в ее сказочные глаза, я добавляю еще один палец. Ее бледные ноги подрагивают, раздвигаясь еще шире. Она задыхается, выгибаясь назад.

— Тебя когда-нибудь пальцами трахали в клубе, Сноу?

Она отрицательно качает головой.

Коротко усмехнувшись я вдруг понимаю, что не хочу трахать ее, я хочу привязать ее к себе. Привязать ее к себе в сексуальном плане, чтобы она была моей в любом месте, в любое время. Мне необходимо доминировать над ней, над ней всей, и в ее головой тоже. Я хочу, чтобы мне принадлежал ее ум, тело и душа, и я не потерплю даже призрака Ленни в ее воспоминаниях.

Каждый раз, когда я вижу его образ в ее глазах, я собираюсь трахать ее столько, пока он полностью не исчезнет. Моя другая рука спускается с ее плеча, пробегая по ее груди. Я расстегиваю первые две пуговицы ее платья и скольжу рукой внутрь. Я ласкаю ее соски. Через тонкий шелк лифчика, они похожи на маленькие камушки под моей ладонью. Я подталкиваю чашки бюстгалтера вверх и пощипываю ее открытые соски. Она тихо стонет.

Используя свой большой палец, я собираю соки с нежных розовых складок и начинаю безжалостно кружить вокруг клитора. Она вибрирует всем телом от внезапного страстного желания.

— Я люблю твое тело, крольчонок, — говорю я ей, все сильнее кружа пальцами, ее обнаженная грудь покачивается.

Она утыкается носом мне в шею.

— Я сейчас кончу, Шейн, — выдыхает она, ее слова звучат как мольба, словно она спрашивает моего разрешения, чтобы кончить. Мне это нравится. Это чертовски возбуждает. Я еще яростнее работаю пальцами, и ее бедная киска сжимается вокруг них. Потом она красиво кончает.

Я позволяю ей зарыться мне в шею, пока ее тело содрогается, и ее мышцы стягивают мои пальцы. Я слышу, как отчаянно стучит ее сердце напротив моего.

— Я не хочу, чтобы ты возвращалась к Ленни, — сурово объявляю я.

Она отстраняется и смотрит на меня, ее лицо выглядит смущенным и побелевшим.

— Я не могу этого сделать. Я должна...

— Должна? За что ты ему должна, Сноу? — спрашиваю я со злостью.

Она отрицательно качает головой, пытаюсь с меня слезть, но я с силой сжимаю ее бедра.

— Я мужчина, пальцы которого находятся глубоко в твоей киски, и именно так и будет каждую ночь с сегодняшнего дня, — говорю я ей. Нахально поглядывая на нее, я начинаю двигать пальцами у нее внутри, показывая насколько я могу полностью управлять ее телом.

Она беспомощно смотрит на меня, и ее глаза снова темнеют от очередного желания, поднимающегося у нее внутри.

— Чем ты ему обязана, Сноу? — тихо спрашиваю я.

— Я не могу тебе сказать, — хрипло говорит она.

— Почему, Сноу?

Она прикусывает нижнюю губу, с ужасом поглядывая на меня, поскольку я продолжаю

ее возбуждать.

— Ты боишься его?

— Нет, не очень, но я не могу сказать. Это слишком ужасно и грязно, чтобы об этом говорить.

— Сладкая Сноу, — стону я. — Ты слишком сладкая, черт побери, чтобы быть правдой, — наклонив голову, я жадно целую ее. Ее пальцы цепляются за мои плечи, и вдруг у меня появляется жуткая мысль. *«Она также льнет к нему? Она когда-нибудь оживала под его руками и его губами?»* Я грубо толкаю в ее рот свой язык, зубами прикусываю ее мягкую плоть. Я заставляю ее просунуть свой язык к себе в рот, и сосу его с такой силой, что у нее вырывается стон, и она пытается сопротивляться, она бьет кулаками по моим предплечьям, затем хватает меня за руку, пытаюсь вытащить мою руку из ее киски.

Я отстраняюсь и вижу, как она с гневом смотрит на меня. Ее пугает такое мое вождение. Мы смотрим друг на друга, я продолжаю двигать в ней пальцами. Она кончает с приглушенным вскриком. Я нежно прохожусь рукой по ее спине.

— Ты никогда больше не увидишь Ленни, — решительно говорю я и вытаскиваю пальцы, я опускаю чашки ее бюстгальтера на грудь, застегиваю пуговицы и тяну низ ее платья на бедра.

Она опускает глаза.

— Я поеду с тобой сегодня вечером, но мне придется увидеться с ним. Я должна ему все объяснить.

— Нет, ты них*я не будешь объяснять. Я буду с ним все решать. Я знал, когда решил следить за тобой, что будут последствия. Я знаю, что за последствия придется платить. И я готов заплатить.

Она нервно облизывает распухшие губы. Невыплаканные слезы появляются у нее в глазах.

— Ленни очень опасен, Шейн. Я не могу позволить тебе столкнуться с ним. Пожалуйста, я умоляю тебя. Я знаю, как с ним справиться. Он не обидит меня.

— Нет, бл*дь. Я не доверю ему тебя ни на минуту. Лучше я буду гнить в аду прежде, чем позволю этому психопату оказаться рядом с тобой.

Она смотрит на меня с отчаянием.

— Может, мы сможем вместе убежать.

Я невесело смеюсь.

— Убежать? Я происхожу из древнего рода кулачных бойцов, Сноу. Мы не х*я не убегаем. Мы боремся за то, что хотим иметь. Я его не боюсь. Если бы я боялся, ты была бы сейчас в его постели. Я хочу тебя и буду драться до смерти за тебя.

— О, Шейн. Прости. Я никогда не хотела, чтобы ты попал в такую ужасную ситуацию, — чуть ли не плачет она.

— Черт побери, Сноу, — с удивлением говорю я. — Это не ты меня ввергла в эту ужасную ситуацию, а я сам. Мне совсем не жаль, что я оказался в такой ситуации. Я буду драться с кем угодно за тебя, — я дотрагиваюсь до ее прекрасного, грустного лица. — Он никогда не должен был получить тебя. У него нет души, Сноу.

Она обнимает себя руками, словно ей становится холодно и с волнением смотрит на меня.

— Ты не понимаешь. Он позволит тебе выиграть кулачный бой. Он даже похлопает тебя по плечу, поздравит и скажет, что ты лучший боец. Но он очень злопамятен, Шейн. Он

никогда ничего не забывает. Когда ты будешь думать, что все в порядке, он пошлет своих цепных псов.

Я улыбаюсь.

— Ах, Сноу. Ты же не думаешь на самом деле, что я собираюсь вызвать его на кулачный бой? Это можно сделать, когда ты борешься с мужчиной. Он не мужчина. У него нет чести. Ты просто должна довериться мне, я знаю таких людей, как он. Я точно знаю, что ими движет и как к ним найти подход. И он не единственный, кто может послать своих цепных псов.

Она смотрит на меня расширенными глазами.

— У тебя есть план?

Я киваю.

— Да.

— Какой?

— Меньше знать лучше, по крайней мере, для тебя.

— А твой план опасен?

— Не для меня. Я уверен, у меня все схвачено.

Она выглядит испуганной.

— Обещаешь?

Боже, она такая красивая, что у меня перехватывает дыхание. Я медленно улыбаюсь.

— Обещаю.

Она улыбается в ответ смущенно.

— Послушай, мне нужно подняться к себе в кабинет, а потом я отвезу тебя домой. Хочешь пойдешь со мной или подожди меня здесь?

Она застенчиво улыбается.

— Ты создал такой беспорядок у меня между ног. Мне нужно освежиться. Я отлучусь в дамскую комнату, пока ты пойдешь по своим делам.

— Особо себя не утруждай. Я планирую создать еще больший, черт побери, беспорядок, когда мы приедем домой.

— Мне нравится такой беспорядок, — говорит она и, наклонившись, слегка целует меня в кончик носа. Приятно.

— Ты можешь передвигаться по клубу, где угодно, но не выходи на улицу. За пределами клуба женщине одной ночью может быть опасно.

— Я не собираюсь выходить, — говорит она с улыбкой, которая согревает мне душу.

Я мою руки, когда в дверях появляется женщина. Она встает рядом со мной и осматривает себя в зеркало. Я невольно тоже смотрю на нее. Блондинка, хороших шесть футов, даже повыше, в высоких, белых туфлях, невероятно красивая. Ее глаза глубокого синего цвета и длинные ресницы, кончики которых осыпаны серебром. Она производит грандиозный эффект, стоит ей только моргнуть. К моему удивлению, она тепло улыбается мне, я улыбаюсь в ответ.

— Привет, — говорит она. — Я видела, как ты пришла с боссом, — у нее довольно сильный акцент, возможно, она русская.

— Да, — смущенно отвечаю я. Видно должно пройти какое-то время, прежде чем я привыкну к мысли, что Шейн мой парень.

— Я Никки, — произносит она.

— Ты можешь называть меня Сноу.

— Сноу. Красивое имя для такой красоты.

— Ох, спасибо, но здесь именно ты настоящая красавица.

Она делает взмах рукой.

— Это все макияж. Тебе стоит увидеть меня утром.

— Я не верю ни на секунду, — говорю я ей. И это правда. Без макияжа она также будет выглядеть прекрасной, поскольку идеальна во всех отношениях. Высокая блондинка, с большой грудью, просто потрясающая.

— Я не видела тебя здесь раньше? — спрашивает она, открывая свою маленькую сумочку.

— Не думаю, — смущенно говорю я.

Она достает блеск для губ и выкручивает тюбик.

— Да, у меня есть такое. Я никогда не забываю лица. В этом бизнесе следует иметь хорошую память, — она улыбается. — Понять, что нравится клиенту, как двигаться... — ее не оконченная фраза повисает в воздухе, пока она накладывает слой блеска на губы, потом опять бросает на меня взгляд.

— Приятно было познакомиться с тобой. Может увидимся, — говорю я.

Она прищуривается.

— Ах, теперь я вспомнила. Ты женщина Ленни, — и она счастливо улыбается. — Я чувствовала, что видела тебя раньше. Ленни нравится быть со мной, — говорит она с понимающей улыбкой. — Но несмотря на то, что он был и с тобой, и со мной, ты совершила хороший шаг, променяв его на Шейна. Ленни, конечно, очень щедрый и все такое, но Шейн великолепен в постели, не так ли?

Я замираю.

— Прости.

— О, не волнуйся. Я не ревную. Мы давным-давно разошлись. Я знаю все о нем, — она показывает кавычки в воздухе, — о его объезжающем, ненасытном петухе. У него было, по крайней мере, двадцать женщин после того, как мы расстались.

— Что?

Она расширяет глаза.

— О, я не хотела тебя шокировать. Не знаю, может ты думаешь, что это серьезно. Прими, как дружеское предупреждение, дорогая, это не серьезно, когда дело касается Шейна. Он настоящий кобель с резвым мудацким членом, но именно это и делает его настолько потрясающим в постели. Не беспокойся об этом. Просто наслаждайся им, пока он с тобой. Не позволяй ему разбить твое маленькое сердечко. Удачи, милая.

Я вспоминаю Шейна. Как мы занимались любовью. *Объезжающий, ненасытный петух!*

У меня подкатывает комок к горлу. Я чертовски опять облажалась. «*Но, когда ты владеешь кондитерской, на самом деле, не ешь все сладости, которые находятся в твоём распоряжении*». Снова и снова я совершаю одну и ту же ошибку. Я доверяю не тем людям. Он не пробует все сладости, только лучшее.

Но он сказал мне, что я *его*. *Я принадлежу ему*.

Воздух вдруг становится холодным. Ее слова, как иней, покрывают мое сердце. У меня по телу ползут мурашки, делая кожу гусиной. Мне холодно, мне становится так холодно. Намного холоднее, когда я выбралась из номера отеля.

Боже, какая же я была дура. Такой красивый мужчина, как он, всегда будет иметь много женщин. Конечно, же он плейбой. Вспомнить хотя бы, как он начал меня преследовать, несмотря на то, что видел меня с Ленни. Я не могу поверить, что раньше во всем этом не разобралась.

Теперь все кусочки головоломки сошлись воедино. Даже ребенок мог бы это понять. Я была слишком глупа, слишком несчастна, чтобы разглядеть все это. И я была одурманена, думая совершенно другой половинкой своей души, думая не головой, а чувствами. Он вежливый, очаровательный плейбой. Я чувствую брезгливость, которая как мурашки, ползет у меня по коже. Я чувствую себя униженной и использованной, опять. Единственное, что мне хочется сделать — убежать.

В ее глазах мелькает радость, перемешанная со злостью. Невыплаканные слезы жгут уголки моих глаз, но я не предоставлю ей такого удовольствия.

— Оставь меня в покое, — говорю я, и мой голос звучит странно отрешенным.

Я опускаю глаза на свои руки. Они все еще мокрые. Мне нужно высушить их. Я подхожу к электросушилке и поднимаю руки к устройству. Жесткая струя горячего воздуха дует на них. Я слышу, как открывается и закрывается дверь, но продолжаю стоять на месте. Я стою спиной к двери, ее яд распространяется у меня по телу, а затем я подхожу к двери и останавливаюсь, боясь ее открыть.

Ох, мое бедное сердечко. Оно все еще хочет верить в лучшее.

Но правда неоспорима. Она права. Я же знала, что он плейбой, но не могла сдержаться с ним и через какое-то время поверила ему. Но даже эта прекрасная девушка не смогла удержать его, что могу я?

Я сама позволила Шейну разбить себе сердце.

Я открываю дверь и прекрасные ночные создания продолжают свое веселье, слышится смех. У них ничего не изменилось, но я чувствую, как будто умираю. Я направляюсь к выходу. Я вижу страстно обнимающуюся Никки. Она поворачивается ко мне, ее когти скрыты под оболочкой, но ее глаза наполнены дурным интересом. Я чувствую на себе каждую избитую фразу: земля уходит из-под ног, весь мой мир рушится перед глазами и наша совместная жизнь испарилась, как облако дыма.

У меня начинает крутить живот, и я спешу к двери. Я уже близко, шаги сами собой ускоряются. Я почти бегу. На меня начинают оглядываться люди, но мне плевать. Я всего

лишь хочу быть подальше от этого гадского места с его уродливыми, ужасными людьми делающие ужасные, отвратительные вещи друг с другом. Слезы скатываются по щекам.

Он всего лишь привычка. Очень плохая привычка. Но даже самую плохую привычку можно искоренить. Я выживу. Я выжила в том номере отеля. А это ничего.

Но слезы льются у меня по лицу.

Я выбегаю из клуба и внезапно оказываюсь на пустой автостоянке. Ночь такая теплая, что кажется душной, но я чувствую холод и оцепенение. Моя жизнь похожа на сон, словно я двигаюсь все время с закрытыми глазами. Совершая ошибку за ошибкой, ошибку за ошибкой. Игнорируя все подсказки.

Я рассеянно оглядываюсь вокруг. Как мне попасть домой? У меня нет денег. Руки трясутся. Я наклоняю голову, чтобы подумать, а когда поднимаю, оказываюсь окруженной восхищенными мужчинами, которые вводят меня в полный ступор. Откуда они взялись? Кто они такие?

Я разглядываю эту компанию, они видно с ночного мальчишника, так как на одном из них одеты рога из фетра. Он подходит ко мне и дотрагивается до меня. Я замираю. Другой берет меня за руку.

— Пойдем, дорогая. Подаришь нам поцелуй.

Один из них достает банкноту из кармана.

— За любовь, он женится завтра.

Один другому говорит:

— Пойдемте, парни. Оставьте ее в покое. Она обоссалась от страха.

— Отвали, Ларри. Немного удовольствия не повредит, — говорит парень, доставший банкноту из кармана, остальные начинают смеяться.

Головой я понимаю, что они приняли меня за стриптизершу, и на самом деле, не хотят причинить мне боль. Они хотят купить поцелуй жениху, но все мое тело заморожено, я наблюдаю за всем как бы со стороны. Не в состоянии пошевелить ни одним мускулом.

Только глаза переходят от одного к другому, наполненные ужасом. И меня накрывает страх.

Я так незащищена, так крайне уязвима. Они могут забрать меня с собой. Их шестеро. Я хочу закричать. Я хочу убежать. Но мое тело не двигается. Я не могу понять, что происходит с телом. Я заморожена, словно окаменела. Как деревья, превратившиеся в окаменелости миллионы лет назад. Это непонятно и пугающе.

У меня падает клатч на землю, все содержимое вываливается. Один из парней совсем близко подходит ко мне.

— Что случилось, милочка? С тобой все в порядке? Мы не собираемся тебя обижать.

От него так несет спиртным.

Я молча перевожу на него глаза.

— Эй, посмотрите. Она не может двигаться.

Он начинает смеяться. А у меня начинают катиться слезы. Не стесняясь он дотрагивается до моей груди. Я ничего не могу сделать. Он хихикает.

— Бл*дь, эта чика стоит, как статуя. Мы можем забрать ее с собой домой.

Остальные парни с любопытством разглядывают меня, столпившись вокруг. Также, как и тогда. Я оцепенела полностью, только слезы бегут из глаз, но это никого не заботит. Они дотрагиваются и делают все, что хотят со мной.

Вдруг раздается дикий рык, хрипло зовущий меня. Я в шоке перевожу глаза, Шейн

ударяет кулаком парня с рогами, а другого парня ногой, кто собирался отвезти меня к себе домой, они падают на землю. Я никогда не видела такого дикого зверя в нем, поэтому застывшим взглядом смотрю на него.

Он потрясающе красив. Он похож на животное, презирающее все правила. Он действует совершенно раскрепощенно, свободно нанося удары. Он не притворяется, не идет на поводу, не ведет себя приемлемо для общества. Он просто выпускает своего зверя наружу.

В образовавшемся беспорядке остальные мужчины кричат:

— Какого хрена?

— Эй, мы не хотели причинить ей никакого вреда.

— Мы них*ра ничего не делала с ней, — но кулаки Шейна с яростью достают говорившего.

Двое разворачиваются и убегают. Появляются вышибалы клуба, Шейн кладет руку мне на плечо.

Он нагибается и смотрит мне в лицо. Я тупо смотрю на него. Его лицо побелело, на руке видна кровь. Он берет мое лицо в ладони.

— С тобой все нормально? — спрашивает он, голос звучит как-то по-другому. Как-то странно и кажется совсем другим, словно он говорит на непонятном мне языке.

Я выдыхаю и открываю рот, чтобы ответить, но слова не выходят. Я сжимаю губы.

— Хорошо. Все хорошо. Я здесь, — говорит он и прижимает меня к груди. Меня бьет такая сильная дрожь, что он отстраняется и обеспокоенно смотрит на меня.

Я чувствую, что вышибалы стоят вокруг нас, но я их не вижу. Я знаю, что Шейн держит меня в своих объятиях, но я не чувствую их. Кто-то собирает мои вещи с земли и кладет их обратно в клатч. Шейн передает ключи от машины, чтобы подогнали ко входу. Он открывает дверцу машины и усаживает меня на сиденье. Мы едем к нему домой в полной тишине. Как только он останавливается напротив дома, он берет меня на руки и несет.

— Я могу идти, — хриплю я.

— Так быстрее, — говорит он. В лифте я чувствую, что он не спускает с меня глаз, но я держу голову опущенной.

В квартире он усаживает меня на диван и идет к бару. Он наливает нам обоим бренди. Супер большой стакан для себя, который тут же выпивает, а второй приносит мне. Я беру прохладный стакан. Он садится напротив. Его лицо по-прежнему бледное, несмотря на загар.

— Ты хочешь что-нибудь горячее? — спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой.

— Выпей, — приказывает он.

Я делаю глоток, алкоголь проходит по кишкам, как огонь.

— Допей все, — говорит он.

Я выпиваю все, и он наклоняется вперед, забирая стакан из моих рук.

Я поднимаю на него глаза, собираясь поблагодарить, но у меня перехватывает дыхание от странного непостижимого выражения его лица.

— Почему ты ушла из клуба? — спрашивает он.

— Я пошла в дамскую комнату и там встретила с Никки, — голос звучит отчужденно. Я на самом деле, не чувствую ничего, никаких эмоций. Я ощущаю себя пустотелой оболочкой.

Выражение его лица меняется.

— Ох, Сноу. Что ты хочешь от меня услышать? Я никогда не скрывал этого от тебя. Ты знала, кем я был. Я охотился за кисками. Но, каждая из этих девушек с самого первого дня точно знали правила. Я никогда никого не обманывал из них и уж точно не ее. Да, я спал с ней, но она никогда не была для меня чем-то важным, и она прекрасно знала об этом.

— Но я испытала шок. Думаю, я более ревнива, чем могла предположить.

Он с любопытством смотрит на меня.

— Что на самом деле случилось возле клуба?

— Я очень устала, Шейн. Можем поговорить об этом завтра утром?

— Ладно, давай уложим тебя в постель.

На самом деле, разговор с Никки и то, что произошло у выхода клуба, вконец измучил меня. Но я по-прежнему чувствовала себя оцепенелой. Я словно спала с открытыми глазами. Мои веки стали тяжелыми и глаза закрылись, стоило мне опустить голову на подушку. Последнее, что помню, прежде чем провалиться в глубокий сон — большие, сильные руки Шейна, обнимающие меня.

Он что-то шептал мне на ухо, но я уже не слышала.

За год до...

«То ли колодец был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше».

Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес»

Ким, моя новая соседка по комнате в хостеле, не была особенно красивой, но была симпатичной, с яркими смеющимися глазами, темными блестящими волосами и, как я уже говорила, самой большой улыбкой, которую я когда-либо видела в своей жизни. И она мне тут же понравилась.

— А я Сноу, — сказала я.

— Классное имя. Так откуда ты? — спросила она.

— Из Индии.

Она окинула меня взгляд с ног до головы.

— Ты шутишь. Я думала, что индусы темнокожие.

— В основном, да. Есть более со светлой кожей на севере, но в моем случае моя мама англичанка, а отец не чистокровный индус.

— Значит, ты... недавно приехала.

— Сегодня, — ответила я.

— И ты никогда здесь раньше не была?

— Нет, первый раз, — произнесла я с огромной улыбкой.

— Отлично. Я из Австралии. Я все тебе покажу. Я знаю, кое-какие веселые места. Думаю, у тебя не много денег.

— Боюсь, что так.

— Без проблем. Устроишься на неполный рабочий день легко. Сначала тебе придется написать заявление в службу социального страхования, рассмотрение займет шесть недель, и только тогда ты сможешь получить свой номер.

Мои глаза расширятся от удивления.

— Шесть недель! — воскликнула я.

— Но, — ухмыльнулась она, — в это время ты можешь работать и нелегально.

— Правда? А что нужно делать?

— Все что угодно. Официанткой, барменом, стриптизершей в клубе, няней. Всеми, что может дать тебе наличные. Ты настолько великолепно выглядишь, что можешь даже заработать уйму фунтов как эскорт.

— Эскорт?

— Да, одинокие бизнесмены приезжают в Лондон по своей работе и платят сотни фунтов девушке, которая поддерживает их компанию, пока они едят свой ужин.

— Разве они не ставят условие, что после ужина ты должна с ними переспать?

— Нет, ты можешь всегда отказать, если не хочешь. Это как раз для тебя.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, это не для меня. Я стесняюсь делать подобные вещи.

— Я делала это раньше. Это очень, очень хорошие деньги.

— Ты? — потрясенно спросила я.

— Конечно, — беззаботно ответила она. — Я не спала с каждым встречным поперечным. Но наконец, один симпатичный американец заказал меня, а я бы дорого отдала, чтобы с ним переспать. Я так и сделала, и он дал мне \$500.00. И знаешь, что самое интересное во всем этом? Когда ты вернешься к себе в страну никто никогда ничего не узнает. Хочешь попробовать? Мы можем сделать это вместе.

Я нахмурилась.

— Звучит весело, но не для меня.

— Хорошо. Давай пройдемся по твоему списку. Ты можешь делать секретарскую работу?

Я прикусываю губу.

— Нет.

— Не парься. Ты работала официанткой, так ведь?

— Я никогда не делала это раньше, но я быстро учусь.

— Вот это то, что нужно. Мы поставим тебя на учет в агентстве по трудоустройству завтра и посмотрим, как пойдут дела, хорошо?

— Хорошо, — согласилась я с радостью. — Кроме того, я не боюсь трудной работы на кухне ресторана, я имею ввиду мыть посуду или что-то типа того.

— Отлично, завтра мы этим и займемся. Давай, поехали сегодня в город.

— Вечером? Нет, я только приехала. Ты иди. Я хочу пораньше лечь спать сегодня. И вообще я боюсь тратить те деньги, которые у меня отложены на ночевку здесь.

— О, брось, не будь занудой. Мы должны отпраздновать твое прибытие, это же девичник. Тебе не придется тратить ни цента. Такси и все остальное будет за мой счет. Я отвезу тебя в одно удивительное место в Эрлс Корт. Он забит австралийским серфингистами, блондинчиками. Обещаю, они полюбят тебя. *(Эрлс Корт — британский выставочный и спортивный центр, расположенный в боро Кенсингтон и Челси недалеко от станций метро Эрлс-Корт и Вест-Бромптон. Является самым крупным сооружением подобного типа в Лондоне.)*

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Я посмотрела на нее с благодарностью.

— Спасибо тебе, Ким. Мне было немного страшно, как я буду здесь справляться со всем этим, но ты сделала все легко и весело.

Она по-доброму усмехнулась.

— Не благодари меня. Я использую тебя в качестве приманки. Для того, чтобы подкатывать к тебе, им придется мне тоже купить коктейли.

— Я не нужна тебе, чтобы привлечь мужчину, Ким, — искренне сказала я. — Ты очень привлекательная.

— Да, я не уродина, но и не красавица. И знаю это.

— Ты просто прекрасна в моих глазах. У тебя красивая душа, — сказала я, и она улыбнулась мне.

Мы стали готовиться к выходу. У меня ничего не было сексуального из одежды, поэтому Ким одолжила мне свое розовое мини-платье. Оно было сделано из лайкры и стягивало, как перчатка, каждый изгиб моей фигуры. Я неуверенно посмотрела на себя в зеркало.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказала она.

— Ты не думаешь, что я выгляжу слишком вызывающе?

— Ты не выглядишь распутной, если ты об этом, детка, — сказала она. — В тебе даже в одном мизинце больше класса, чем у Ким Кардашян во все ее теле.

Она надела платье оранжевого цвета, которое очень подходило к ее темным волосам. Я помогла ей приклеить поддельную татуировку на спину. Мы обе были готовы. Она оглядела меня сверху-вниз.

— Ты отлично выглядишь. На самом деле, просто превосходно.

— И ты.

— Спасибо, Сноу.

И мы отправились в город, сначала мы зашли в паб. Мы пользовались успехом, но Ким меня усиленно охраняла. Всякий раз, когда кто-то старался поближе познакомиться со мной, она тут же уводила меня прочь. Я выпила два бокала белого вина и чувствовала себя немного навеселе.

— Я не хочу показаться занудой, но мне, действительно, стоит уже поехать в хостел, — произнесла я.

— Нет, нет, ты протрезвеешь, как только мы съедим что-нибудь. Настоящее веселье даже еще не началось. Ты должна посетить один клуб. Там так здорово, туда даже ходят знаменитости.

— Разве мы не можем поехать туда завтра?

— Нет, мы поедem туда сейчас. Помнишь, у нас девичник. Давай, будет весело. Я обещаю. Пожалуйста.

— Ладно, — сдалась я.

Она начала подпрыгивать на месте.

— Спасибо.

Мы вышли из паба и отправились вперед к палатке кебаб. Ким купила себе гамбургер, а мне куриный шашлык. Ким настояла и оплатила нашу еду.

— Я угощаю, помнишь? — спросила она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы сидели на высоких стульях перед окнами и ели. Люди, проходившие мимо по улице, таранились на нас. А мы смеялись в ответ, и я клянусь, в тот момент я не имела ни малейшего представления, что ожидало меня впереди, буквально через несколько часов. Я не имела понятия. Единственное чувство — ощущение свободы. Я была в Англии и делала то, что хотела. Я понимала, что приняла правильное решение — покинуть Индию. Моя новая жизнь в Англии будет наполнена радостью, надеждой и волнением.

После перекуса мы взяли такси. Здание клуба не выглядело гламурным. Оно было спрятано на одной из маленьких улочек Эрл-Корт-Роуд, и много месяцев спустя, я так и не смогла его найти.

У дверей стояли два вышибалы. Ким сказала, что вход для женщин был бесплатным ночью. К тому времени было половина двенадцатого. Клуб находился в подвале, мы стали спускаться вниз по каменным ступенькам в маленький тесный уголок, который освещался красным светом. Женщина, явно испытывающая скуку, принимала деньги у парней, едва лишь взглянув на нас, пока мы входили в клуб.

Здесь был танцпол, на котором несколько человек терлись друг об друга, но в основном, в темных углах целовались парочки.

— Пойдем, — сказала она, потянув меня к бару. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что здесь в основном были мужчины, причем далеко не нашего возраста. И мужчины, а также женщины были намного старше. И здесь однозначно не было никаких знаменитостей. Это место можно было описать одним словом — захудалое.

Я с удивлением взглянула на Ким.

— И это все?

Она потерла кончик носа.

— Они приходят сюда инкогнито. Подожди, знаменитости появятся немного позднее. Пока обрати внимание на того парня, который оценивает тебя.

Мужчина с проседью в волосах пялился на меня в открытую. Как только я посмотрела в его сторону, он улыбнулся и кивнул. Не знаю почему, но я почувствовала, как у меня волосы встали дыбом на затылке и появился страх. Я быстро повернулась к Ким.

— Послушай, Ким. Мне не нравится здесь. Я не хочу здесь оставаться.

— Просто дай пять минут, — взмолилась она. — Здесь будет классно.

— Ладно, пять минут, — сказала я.

В этот момент она увидела кого-то, с кем была знакома. Она помахала ему рукой, и он стал пробираться к нам. Он был нашего возраста, и я немного расслабилась.

— Привет, Эндрю, — она вскочила и бросилась ему на шею. Он поцеловал ее в обе щеки, а затем взглянул на меня.

— Кто у нас здесь?

— Это Сноу. Ты не купишь нам выпить?

— Конечно. Что вы пьете девочки?

— Двойной джин с тоником, — сказала Ким.

— Апельсиновый сок, — нехотя произнесла я. Я действительно хотела уйти, но была слишком напугана, чтобы отправиться в хостел одной так поздно ночью. Я знала, что у меня очень мало денег, чтобы взять такси. Дома я бы вызвала такси к клубу, и водитель бы ждал меня у дверей, чтобы отвезти.

Перед Ким появились бокалы, и она направилась ко мне. Пока я потягивала свой сок, Ким и Эндрю разговаривали о ком-то, кого я не знала. И в какой-то момент я почувствовала себя такой уставшей. На самом деле, я так устала, что у меня даже стали слипаться глаза.

— Можем мы пойти домой, Ким? — спросила я.

— Что с тобой? — поинтересовалась Ким, морща лоб. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Нет, у меня голова кружится. Может, от перелета и алкоголя... — пробормотала я.

У меня было такое чувство, словно ноги стали ватными. Голова парила где-то в вышине, а ноги не могли удержать вес моего тела. На самом деле, все мое тело, как будто где-то парило.

Я попыталась сфокусироваться на Ким, но создавалось такое впечатление, словно я вышла из своего тела и наблюдала за всем со стороны. Это было как во сне или в кошмаре. Все казалось настолько странным и каким-то тягучим, словно заторможенным. Ее движения мне казались настолько медленными, как в съемке. Я увидела, как она схватила меня за руку, но я не почувствовала ничего. Ни страха, ни паники. Не было никаких эмоций, словно их выключили. Я поняла, что Эндрю и Ким подхватили меня и начали выводить из клуба.

Я не могла идти самостоятельно.

— Ей необходим свежий воздух, — сказала она вышибале. Я чувствовала, как мои ноги спотыкаются, но не чувствовала боли.

— Все нормально? — поинтересовался вышибала.

Я хотела сказать ему, что немного пьяна, но для этого нужно было затратить слишком много усилий. Но даже и тогда я не впала в панику. Если бы я приложила все свои усилия и ответила бы ему, все было бы по-другому. Я отрешенно наблюдала, как Эндрю и Ким ведут меня по тротуару. Мы подошли к машине. Эндрю открыл дверцу, и вместе они посадили меня внутрь. Оба сели вперед.

Я помню сильную тошноту.

— Все хорошо? — спросил Эндрю.

Ким повернулась ко мне.

— Не беспокойся. Мы позаботимся о тебе, — сказала она, но ее голос был глухим, словно из-под воды.

Она повернулась и стала разговаривать с Эндрю, и их голоса слышались как издали. Потом я вырубилась. Когда я пришла в себя, Эндрю вытаскивал меня из машины и нес на руках. Тротуар был мокрый. Я почувствовала капли дождя, упавшие мне на лицо. Я пыталась заговорить. Я хотела узнать, где Ким, но я не могла открыть рот. Я не могла контролировать свое тело. И тогда я ощутила жуткий страх, который проник мне в голову.

— Не пытайся говорить. Это нормально. Все будет хорошо, — прошептал он.

Но я помню, что он очень нервничал.

А потом я снова отключилась.

Когда я пришла в себя, я по-прежнему не могла двигаться, но была уже в том ужасном номере отеля.

Я резко просыпаюсь и замираю. Лунный свет просачивается через шторы. Все вроде бы по-прежнему... и что-то не так. Тут же я поворачиваю голову и смотрю на подушку рядом с собой. Пусто. Я моментально сажусь и прислушиваюсь. Из ванной комнаты доносится какой-то периодический скрежет. Я выпрыгиваю из постели и бегом несусь на звук. Из-под двери ванной комнаты не видно света. Я дергаю за ручку. Стучу, но в ответ тишина.

— Сноу, — зову я. — Ты здесь?

Ответа нет. Я чувствую, как сердце бешено колотится в груди.

— Если ты не откроешь эту чертову дверь, я выбью ее, — говорю я, и слышу панику в своем голосе.

По-прежнему она не отвечает.

Страх, как ледяной коготь, сжимает мне сердце. Я отхожу на пару шагов и начинаю пинать дверь. После трех ударов, она слетает с петель. Я включаю свет и обнаруживаю Сноу сидящей на полу, голой, забившейся в угол. Своими кулачками она прикрывает рот, чтобы заглушить крик. Я перевожу взгляд вверх, над ее кулачками, она смотрит на меня своими огромными и дикими глазами. Волосы растрепаны и спадают ей на лицо. Она не узнает меня, такое чувство, словно смотрит сквозь меня.

Что за хрень! Я испытываю самый настоящий шок, она выглядит настолько дикой, но здоровая часть моего мозга берет все в свои руки. Сдерживая себя, я замечаю, что вызывает этот периодический звук — она царапает край ванны ногтями.

Я делаю шаг вперед, она вжимается в плитку стены с выражением ужаса на лице.

Я поднимаю руку.

— Это я, Сноу. Шейн.

Она все равно не узнает меня.

Я очень медленно перед ней опускаюсь на корточки и кажется, это действие не пугает ее, я также медленно опускаюсь на карачки и начинаю очень-очень медленно ползти к ней.

— Это я, — нежно говорю я. — Я не причиню тебе вреда. — Останавливаюсь в шаге от нее.

— Что ты здесь делаешь, Сноу? — спрашиваю я совершенно спокойно, словно мы с ней разговариваем, и я прошу передать соль.

— Меня знобит. Мне так холодно, — говорит она и действительно, у нее начинают стучать зубы.

— Давай я согрею тебя, — говорю я, не приближаясь к ней.

— Нет, — шепчет она. — Никто не может согреть меня. Я видела их снова сегодня.

— Кого?

— Ублюдков, которые делали это со мной.

— Что они делали, Сноу? — спрашиваю я, у меня кровь в венах замораживается.

— Это, — говорит она и раздвигает ноги. Она складывает свои маленькие пальчики в кулак и собирается ударить себя по открытой киски, я хватаю ее за руку и останавливаю. Я пристально смотрю на нее.

— Нет, — говорю я. — Ты не можешь себя ударить. Это *мое*.

Она даже не борется со мной.

— *Твое?* — спрашивает она слабым голосом.

— Это мое, Сноу. Меня не волнует, что произошло раньше, но сейчас это мое.

— Я была девственницей, а они даже не пользовались презервативами, потому что...

— она рыдает.

— О Господи, Сноу, — говорю я, и слезы начинают пощипывать мои глаза. Я не плакал с того самого дня, когда узнал, что моему отцу перерезали горло. Я пытаюсь сморгнуть слезы и быстро тяну ее вверх за руки. Сначала она лупит и бьет меня, но я крепко держу ее.

— Я держу тебя, — говорю я ей. — Я держу тебя, детка. Никто не сможет обидеть тебя.

— Кое-что страшное случилось со мной в том номере, я не могу рассказать тебе обо всем, потому что это было слишком ужасно, — все ее тело бьет мелкая дрожь.

Я еще крепче обхватываю ее.

— Это не твоя вина то, что случилось с тобой. Ты ничего не сделала, чтобы вызвать физическое насилие над собой. Шшшш... Шшшш... Шшшшш, — шепчу я ей на ухо, и постепенно ее борьба прекращается, и она безвольно опадает у меня в руках.

Я подхватываю ее одной рукой под колени, другой — под спину и несу обратно в кровать. Кладу на кровать, пытаюсь высвободиться, но она отчаянно цепляется за меня, поэтому я сажусь и обнимаю ее. Через некоторое время она начинает рыдать.

— Выпусти все это, Сноу. Выплаки все, что ты хочешь. Ты заслуживаешь, чтобы жалеть себя. Ты же всегда жалеешь других, так теперь пожалей себя. Ты заслуживаешь этот момент. Все будет хорошо. С тобой все будет хорошо. Тебе нечего стыдиться. Этот мир лучшее место, потому в нем есть ты.

Затем с рыданиями и со стыдом, отражающемся в ее покрасневших глазах, она рассказывает мне, что произошло на самом деле.

И у меня закипает кровь.

Первое, что я увидела, когда открыла глаза той ночью, был потолок. Он был молочно-белым и нечетким по краям, и я не могла понять почему. А потом я поняла, что мне очень плохо. Ким и Эндрю привезли меня сюда, потому что они не могли отвезти меня в хостел. Мой рот был каким-то отекившим, странным, и мне было очень холодно. Я практически тут же почувствовала, отчего мне было так холодно — я была совершенно голая.

Я слышала голоса. Мужские.

Я попыталась повернуть голову, чтобы увидеть говоривших, но не смогла. Все мое тело, словно оцепенело. Я не могла пошевелить даже мизинцем, приподнять ногу с кровати. С отчаянием я стала водить глазами, осматриваясь. Я находилась в номере отеля, не очень хорошем, но и не грязном. Это был один из тех семейных номера — с двуспальной и односпальной кроватью. Я лежала на двуспальной. Шторы были опущены, но я заметила множество бутылок на столе в углу комнаты и мужчин, которые раздевались, а кто-то из них уже был раздет, и они нюхали наркотик с дорожки, тянувшейся по столу.

Их было шестеро. Все разной национальности. Единственное чувство, которое у меня возникало, они испытывали настоящий кайф, я слышала их восторги по тембру их голоса, разносившегося по комнате. У меня создалось такое впечатление, будто все они собрались на веселую вечеринку. Один, судя по акценту, был немцем. Я не уверена на все сто, но скорее всего, другой из мужчин был с Ближнего Востока. Трое, совершенно точно, были европейцами, но я поняла, что среди них не было ни одного англичанина. И был еще индус.

Когда я увидела его, у меня возникла нелепая идея, что я смогла бы обратиться к нему за помощью. Сказать, что я тоже из Индии и попросить у него пощады.

Потом они залезли на меня, и я почувствовала, словно в меня вогнали раскаленный металлический прут. Все жгло и горело. Я была не в состоянии закричать. Я ничего не могла сделать. Они щипали мои соски. Они вели себя, как животные. Лизали. Кусали. Больно. Их глаза были полны похоти.

Но даже несмотря на то, что я не могла пошевелиться, я могла совершенно четко слышать все их разговоры, особенно, когда они обращались ко мне, называя меня грязной маленькой сучкой. «Тебе нравится это, не так ли? Ты хочешь большего. Возьми это, шлюха. Дай этой сучке. Заполни ее». Я была живой куклой, которую они могли гнуть, крутить, переворачивать и трахать по собственному желанию.

Спустя несколько месяцев, когда воспоминания все больше и больше возвращались ко мне, я обратилась к интернету и обнаружила других женщин, с которыми произошла точно такая же история, как и со мной. Я связала их воспоминания с моими и у меня получилась целая картина. Иностранцы обращались к теневой сети, заранее оплачивая групповое изнасилование женщин в гостинице в Лондоне. Я даже вспомнила, как один из них сказал, что он специально прилетел в Лондон для группового изнасилования женщины под кайфом. Остальное, по всей видимости, входило в список услуг, как часть их выходного приключения.

В течение нескольких часов они использовали мое тело, каждое отверстие. Хотя я не могла двигаться, но я все чувствовала. Слезы непрерывно текли у меня из глаз, но их это совершенно не волновало. Они просто трахали меня, один, двое, сразу трое в течение

нескольких часов. Я превратилась для них в в общественный туалет.

Мне казалось, что эта ночь никогда не закончится.

Я не буду рассказывать тебе самые ужасные подробности, ты и так можешь себе их представить.

Точно не могу сказать, когда они ушли, но когда я пришла в сознание, была уже одна. Мне сразу же захотелось встать и убежать. Я так боялась, что они вернуться, но я не могла пошевелить даже пальцем. Но я не сдавалась. Я продолжала пытаться... Я поняла, что Эндрю и Ким что-то подсыпала мне в сок и постепенно это выветрится.

Через час или чуть больше, я уже могла пошевелить пальцами и губами. Со всех сил я стала сжимать и двигать пальцами и, медленно подвижность вернулась ко мне. Я была так напугана и во мне играл адреналин, что не чувствовала никакой боли. С трудом приняв вертикальное положение, я перевела взгляд на свое тело, покрытое синяками, следами от укусов, а также я увидела довольно много крови между своих бедер.

Когда я попыталась встать, то упала. Было такое впечатление, будто ноги не принадлежат мне. Они не смогли удержать меня в вертикальном положении, колени превратились в желе. Но я по-прежнему боялась, что мужчины могут вернуться сюда. Я поползла вперед, подтягивая тело руками и ногами по ковру. Я дотащилась до двери, но у меня не хватало сил повернуть дверную ручку, руки были все еще слишком слабыми. Я заплакала от разочарования, но мне, наконец, удалось открыть входную дверь, и я оказалась в коридоре. В нем было тихо и пусто. В конце коридора я увидела лифт.

Мой страх перешел все свои границы, я испытывала настоящий ужас. В голове фактически не было ни одной мысли, кроме как добраться до лифта и тогда мне кто-нибудь обязательно поможет. Я поползла, сдирая о грубую ткань ковра локти и колени, но я не чувствовала боли. От ужаса я видела не четко, поэтому нажала обе кнопки на консоли лифта. Когда двери лифта открылись, я увидела мужчину. Он нахмурившись посмотрел на меня. Рядом с ним стояли какие-то другие люди, но я видела все настолько размыто, поэтому с трудом различила его лицо.

На секунду я снова испугалась. В выражении его лица было что-то такое, что очень сильно напугало меня. Я открыла рот, чтобы закричать, но не проронила ни звука.

Я потеряла сознание у его ног.

Этот мужчина был Ленни.

«Для зернышка, предоставленного своему собственному самовыражению, с треском раскрывающемуся, все может закончиться очень плохо. Но вырываясь из оболочки, появляется первый росток, и все меняется. Для кого-то, кто не понимает сил ростка, это будет похоже на полное уничтожение».

Синтия Окселли

— Ленни? — переспрашиваю я в недоумении. Я пребываю в такой ярости, что мне трудно удержать свой голос спокойным, он вибрирует.

— Да, Ленни, — тихо говорит она. — Отель принадлежал ему. Он поднимался на лифте в свой номер, который держал для себя на верхнем этаже.

Я хмурюсь, но не выражаю своих мыслей по поводу Ленни.

— Итак, Ленни тут же отвел тебя в полицию?

Она отрицательно качает головой.

— Нет, он принес меня к себе в номер, и когда я очнулась, я не захотела идти в полицию. Я пребывала в состоянии шока, — она с шумом выдыхает. — Если честно, мне кажется, я очень сильно злилась. И мне было так плохо из-за того, что они мне подсунули в сок.

— Он не отвез тебя в больницу?

— Нет, он привел врача в номер. Доктор осмотрел меня и прописал какие-то таблетки, — она вдруг замирает и говорит:

— Мне кажется, мне стоит воспользоваться одной. Не мог бы ты принести ее сюда?

Я иду в гостиную и роюсь в ее сумочки. Таблетки лежат в прозрачной бутылочки, с белой завинчивающейся крышкой. На бутылочки нет надписи. Я раскручиваю крышку, достаю одну таблетку и запихиваю ее в карман брюк. Потом наполняю стакан водой и достаю еще одну таблетку из бутылочки. Я возвращаюсь к Сноу и протягиваю стакан с водой с таблеткой.

— Там не написано, что это такое. Что ты пьешь?

Она кладет таблетку на язык и запивает водой.

— Не знаю, что это такое, но эти таблетки мне помогают.

Я забираю у нее стакан и ставлю его на тумбочку у кровати.

— Итак, — говорю я. — Ты не пошла в полицию.

— Нет. Ленни сказал, что уже слишком поздно. Эти мужчины могли запросто покинуть страну. И кроме того, я так и не смогла отчетливо вспомнить их лица. Их изображения все время были какими-то расплывчатыми. В какой-то момент я испытывала к ним жуткую ненависть и хотела, чтобы их настигло наказание. Я даже молилась, чтобы кара небесная достигла их и с ними случилось что-то ужасное, но потом постепенно я перестала их вспоминать.

Я смотрю на ее опухшее лицо от слез.

— Они не использовали презерватив. Ты проверялась на инфекции?

Она отрицательно качает головой.

— Ленни всегда пользуется презервативом, и именно поэтому я очень осторожна с тобой.

Я не чувствую ярости, хотя мне казалось, что должен. Внутри у меня все, словно во льду, заморозилось. Я хочу Сноу, и я безумно хочу отомстить за нее. И я получу и то и другое.

— Теперь ты понимаешь, почему я обязана Ленни? Я была полностью разрушена, а он оставил меня с собой и выходил. Я не могла вернуться в Индию. Мне было слишком стыдно. И я не могла устроиться на работу. Он содержал меня и предоставил мне защиту. И единственное, что он попросил взамен, когда мне стало лучше, немного удовольствия для себя.

— Пошел он на х*й. Ты ничего ему не должна, Сноу. Он злоупотреблял тобой.

Она отрицательно качает головой.

— Нет, нет, ты не понимаешь. Существует старое английское слово — *bereafian*. Оно означает лишать, отнимать, захватывать, грабить — все это и случилось со мной. Я была захвачена и разграблена. Не в материально плане. Я испытала шок от потери себя. Непередаваемый. Это было так ужасно, что когда я выползла из того номера, я больше походила на мертвеца. Я без сознания упала к его ногам. Он подобрал меня и стал выхаживать, но я все равно не могу отчетливо вспомнить все события. Все равно, все остается таким размытым.

Она хмурится, пытаюсь опять что-то вспомнить.

— У меня такое чувство, словно между мной и теми событиями стоит толстое матовое стекло, образы тех мужчин напоминают пауков, которые с шипением и разъяренные скребут своими лапами по полу и по стеклу... испытывая беспомощность. В какой-то момент я перестала есть. Единственное, что я, на самом деле, помню, как снаружи лил и стучал дождь, а мой гнев походил на тлеющий металл на раскаленных углях. Тогда время для меня остановилось, я чувствовала постоянную ярость и жажду отмщения. Я не видела будущего. Месяцами я не выходила на улицу. Если бы не мои таблетки и Ленни, я бы не выжила. Можешь ты поверить, что я мылась только, когда Ленни вел меня в душ, засовывал внутрь кабины и открывал кран с водой?

Она смотрит на меня умоляющими глазами.

— Он терпел от меня все в течение нескольких месяцев. Я была, словно лишившаяся рассудка. Я спала весь день с задернутыми шторами. Боялась всего. Я не могла даже самостоятельно спуститься в магазин, находящейся на углу. Он видел все, но не сдавался. В первый раз я почувствовала себя немного ожившей — весной, я шла по тротуару и увидела дождевого червя, извивающегося на бетонном тротуаре.

Она задумчиво улыбается.

— Я присела на корточки, вдруг передо мной возникло лицо Цитры. «*Когда ты увидишь червя на асфальте, запомни, это плохой день. Возьми его и положи на траву или на землю*». Поэтому я осторожно подняла его и отнесла в своих ладонях в парк. Я оставила его на траве, и он тут же зарылся в землю, и весь окружающий мир даже не понял, что произошло. А я почувствовала тогда, что в мире вокруг меня все хорошо. Да, у меня были плохие дни, но я снова нашла траву и землю. Вот так, в этот день.

— Ему следовало отвезти тебя к нужному специалисту, обследовать и назначить соответствующее лечение. Вместо этого он держал тебя, словно в клетке, манипулируя и используя тебя.

— Это не так, Шейн. Это было не его решение. Я не хотела никого видеть, даже врача. Мне было слишком стыдно. Я не могла позволить, чтобы другой мужчина обследовал и касался меня. Он приносил мне лекарства.

— Я почти уверен, что те таблетки, которые он тебе давал не правильные. На бутылочки даже нет названия препарата. Я настолько хорошо знаю его, что думаю, эти таблетки еще больше способствовали, чтобы ты была зависима от него. И то, что он запер тебя в квартире и не позволял никакому другому мужчине прикоснуться к тебе, пока сам на стороне оприходовал любое количество шлюх? Как ты думаешь, он, действительно, помогал тебе?

Я вас умоляю. Двери лифта открылись, и эта экзотическая черноволосая, зеленоглазая красавица буквально подползла к моим ногам и отдала себя мне. Я не просил ее об этом. Я не принимал участия в ее похищении и изнасиловании, и не просил, чтобы потом ее бросили к моим ногам.

А что бы вы сделали на моем месте?

Отвели ее в полицию и оставили бы там?

Ни за что. Я не добрый самаритянин.

Кроме того, я не хотел, чтобы полиция вынюхивала и ползала по моей гостинице, пытаясь что-то отыскать, имеющее ко мне прямое отношение. Эта девушка была как подарок с небес. Да, конечно, она была в синяках. Господи, ублюдки поработали с ней хорошо. Шестеро, позже сказала она мне. Но даже несмотря на то, что все ее тело было покрыто синяками, она все равно оставалась роковой красоткой.

Поэтому я забрал ее себе. Можно сказать, что все это время я чинил и латал ее, все же она была не на прогулке в парке. С ней было очень, я бы сказал, чертовски тяжело. Первые несколько месяцев были просто ужасными. Она бродила, как призрак, в полубезумном состоянии, иногда я ловил себя на мысли, что может она окончательно сошла с ума. Она все время пыталась оттереть себя мочалкой, сделать чистой, поэтому скребла и царапала саму себя до крови. А потом начались кошмары, она стала просыпаться по середине ночи, крича в агонии, как будто ее резали и кромсали, трясаясь всем телом и рыдая так, что постепенно из-за своих рыданий входила в ступор.

Но самое смешное, у меня ни разу и в мыслях не было — сдаться, поднять белый флаг и признать свое поражение. Она была подарена мне свыше. В этой говенной жизни не часто вам может быть предоставлен такой подарок — особенный подарок. Вам и так приходится драться за каждый дюйм, а уж такое сокровище, как она...

Мой отец говорил, дайте ослу страницы из прекрасной книги, и он съест их, дайте ребенку те же страницы, и он все их исчеркает, но дайте эти страницы умному человеку, и он прочтет их. Я всегда знал, что для меня она была страницей. А ослы попытались ее съесть. Я понимаю, что никогда не могу прочитать ее. Но я могу исчеркать через какое-то время.

Потребовалось время, прежде чем я мог ее исчеркать. Месяцы.

Но пришел день, когда я раздвинул ее белые бедра и вошел в нее. Трахать ее было совсем другое, по сравнению с любой женщиной. Я не могу это объяснить. Когда я трахал ее, у меня было такое чувство, что я трахаю гребаного ребенка или молчаливое животное. Не то, что я когда-либо трахал ребенка или животное, нет. Это я просто так думаю, что это было очень похоже. Она никак не отвечала, потому что ей не нравилось заниматься сексом. Она никогда не кончала, и я никогда не пытался доставить ей удовольствие, заставив ее кончить. Видите ли, мне нравилось, что она не получала от этого удовольствия. Это своего рода было чем-то девственным и чистым. Как в былые времена, когда жены занимались сексом с мужем, чуть ли не терпя это занятия, стиснув зубы. Таких женщин больше не существует.

Сейчас каждая еб*ная сука вставляет в свою мокрую п*зду десятидюймовый вибратор и получает уйму удовольствий. В этом есть что-то низкое. Я имею ввиду, в этих действиях. В этом есть что-то совсем неправильно — порочно, что волнует меня в какой-то степени,

потому что я чувствую, что она не хочет, чтобы я был внутри нее, но позволяет мне это, испытывая благодарность. Она принадлежит мне. Как ваше домашнее животное принадлежит только вам. И вы можете делать с ним, что угодно, потому что вы — хозяин.

Мне нравится быть хозяином такой изысканно красивой женщины. Я бы купил ей ошейник и отвез ее в город, чтобы показать всем, если бы мог. Возможно, когда-нибудь так и сделаю. Я отвезу ее в одно из тех извращенных мест, где мужчины водят своих женщин на поводке. И женщинам приходится передвигаться на четвереньках, как сучкам. Но есть одна проблема с этими клубами, там нужно делиться. я не смог бы поделиться ею. Только мой член, чтобы ни случилось, поскольку это моя девочка.

Куда бы мы не ходили, везде я вижу какими голодными и похотливыми глаза смотрят на нее мужчины, но я не вижу ответного интереса в ее глазах. Хотя иногда, не часто, правда, раз или два, я почувствовал, что она хочет уйти от меня. Как только я вижу этот взгляд в ее глазах, я напоминаю ей о тех временах, когда нашел ее, правда, такое было раз или два. Я сознательно заставляю ее вспомнить все и заплакать.

Я заставляю ее осознать, что она не в состоянии окончательно вылечиться и нуждается во мне постоянно. И я именно тот, кто заботился о ней тогда и сейчас. Я единственный, кому она может довериться. В начале я говорил ей, что ни один мужчина не вступит с ней в отношения, как только узнает, насколько она была осквернена. Я специально повторял ей о шести мужчинах, которые трахали ее. Никто не захочет, чтобы это засело у нее в голове.

Но не стоит делать поспешных выводов, думая, что я не переживаю за нее. Стоит мне не увидеть ее несколько дней, я начинаю скучать по ней. Я скучаю по ее милой улыбке. Я скучаю по запаху ее кожи. Скучаю по ее глазам, пока я двигаюсь в ее сухой киске. Я скучаю по запаху ее волос. Скучаю по тому, как скатываются слезы у нее по щекам.

Да, прямо сейчас мне не хватает моего маленького домашнего животного.

Звук женского голоса будит меня. Я сажусь и замечаю махровый халат, лежащий на кровати, проскальзываю в него и двигаюсь к двери. Я выглядываю в шелку и слышу взрыв смеха. В поле моего зрения попадает женщина, наверное, родственница. Ее длинные волосы такого же цвета, как у Шейна, черные, она высокая. И беременная. Мне кажется, что по возрасту она не намного старше меня, поэтому, должно быть, это его сестра, Лейла.

— Ну, и где же она? — спрашивает женщина. — Я просто умираю, как хочу познакомиться с ней.

— Спит, но похоже, ты не дашь ей поспать, если не прекратишь хохотать, как бешеная гиена, — говорит Шейн.

Я открываю дверь и выхожу наружу.

— Доброе утро, — смущенно говорю я.

— Ты встала, — с улыбкой отвечает Шейн.

— Да, — говорю я, чувствуя себя неловко и странно. После прошлой ночи не знаю, как Шейн теперь относится ко мне.

Единственное, что меня тревожит — вчера я была просто ужасна. Это достаточная причина, чтобы даже самый пылкий ухажер сбежал от тебя прочь. Я смутно помню, как уснула в крепких руках Шейна после приема таблеток.

— Так ты и есть Сноу. Я Лейла, сестра Шейна.

— Привет, — говорю я, взмахнув рукой.

— Надеюсь, он ничего плохо не рассказывал обо мне, потому что я знаю гораздо худшие тайны о нем, — говорит она и подходит ко мне, обволакивая своими объятиями. Она определенно не похожа на типичную сдержанную, с поджатыми губами, англичанку. Скорее всего она очень похожа на индианку, которая понятия не имеет, что такое личное пространство. Я, конечно же сразу питаю к ней теплые чувства.

— Я принесла тебе одежду. Она не новая, но вся чистая. Я принесла стрейч, поэтому одежда подойдет тебе по размеру. Конечно, придется немного подвернуть джинсы.

— Благодарю вас. Я переоденусь и присоединюсь к вам, — говорю я, взяв с собой пакет, который она принесла для меня.

— Я буду на кухне есть мороженое, — отвечает она.

Я перевожу взгляд на Шейна, он приподнимает брови, как бы спрашивая: *«Все ли со мной в порядке?»*

Я утвердительно киваю и, смотря на Лайлу, говорю, увидимся на кухне. Я возвращаюсь в спальню и закрываю за собой дверь. И все равно слышу последние слова Лейлы, которая со смехом говорит:

— Мне казалось, ты никогда не будешь встречаться с белокожей девушкой с черными волосами.

— А мне казалось, что ты никогда не будешь встречаться БиДжеем, — парирует он.

Я уже не слышу ее ответа, поскольку они проходят на кухню.

Я надеваю футболку, узкие джинсы, которые принесла мне Лайла. Джинсы, на самом деле, слишком длинные для меня, поэтому я закатываю их. Я быстро чищу зубы новой зубной щеткой, которую оставил Шейн на раковине. Я пальцами как-то пытаюсь расчесать

— А сейчас, что ты хочешь блинчики с черникой, яичницу-болтунью с копченым лососем, смузи из банана, вафли или теплые булочки с маслом и вареньем из алычи или полный английский завтрак?

— Ой! — восклицаю я, запутавшись в выборе. — Обычно я ем тосты или хлопья.

Он улыбается.

— Да, я тоже.

Я делаю паузу. Зачем задаюсь вопросом, почему я выбираю из прошлого настолько скучные вещи?

— На самом деле, булочки с маслом и вареньем из алычи звучит очень хорошо.

Его глаза мерцают.

— Это любимое мое блюдо. Давай, присаживайся и расскажи мне что-нибудь, пока я все подготовлю.

— Может мне стоит помочь?

— Нет, — тут же отвечает он.

Поэтому я усаживаюсь, пока он начинает готовить наш завтрак. И пока он готовит, в воздухе все время витает восхитительный аромат дрожжевого теста для булочек и свежесваренного кофе. Он ставит еду на стол, и я вдруг понимаю, насколько голодна.

Я больше наблюдаю за Шейном, нежели ем сама, он умело разрывает мягкую булку, от которой поднимается пар и в нос шибает запах горячего теста. Я наблюдаю, как он намазывает варенье на булочку, не полностью, а чуть-чуть, только на уголок, который собирается откусить. А сверху на варенье он кладет кусок холодного сливочного масла. Потом я вижу, как его крепкие белые зубы погружаются в мякоть хлеба, и от этого он испытывает настоящее наслаждение, ощущая перемешанные вкусы — холодного, теплого, сладкого, масляного.

Как только я все это вижу, чувствую, как внутри меня что-то тает. С того ужасного дня, когда я оказалась в номере отеля, я не могла увидеть никого, кроме Ленни. Я словно была вся заморожена изнутри. Я ощущала себя совершенно одинокой. Я боялась всего мира из-за предательства Ким. Я поняла, что нельзя доверять никому. Каждый хотел что-то получить от меня. Доверять даже Ленни.

Сегодня впервые я чувствую в себе что-то сильное и настоящее.

Я чувствую любовь. Большую любовь к мужчине, сидящем рядом со мной.

После того, как мы позавтракали, я перевожу на него взгляд. Я хотела бы ему объяснить вчерашнее, я не могу оставить все, как есть.

— О прошлой ночи...

Он поднимает голову и смотрит на меня совершенно с бесстрастным выражением на лице.

— Знаю, вчера в ванной комнате я была очень жалкой, думаю, я не очень сильна. Я...

— Не очень сильна? Какого черта, ты говоришь? Черт возьми, Сноу. Ты одна из самых сильных женщин, которых я знаю. Ты была настолько сильна, даже когда весь мир рушился у тебя под ногами, ты все равно смогла выстоять.

Он качает головой.

— Ты приехала в Англию одна, без поддержки, в поисках своей мечты. Это достаточно смелый поступок, чтобы начать с нуля. И потом в *девятнадцать* ты выдержала такое испытание, которое выдержит ни каждая взрослая женщина, не сойдя потом с ума. И ты самостоятельно выбралась из этого состояния, не прибегая к профессиональной помощи, без

должного лечения врачей, способных хоть как-то уменьшить боль от произошедшего, испытывая на себе только манипуляции и коварное влияние психопата.

— На мой взгляд, ты невероятно сильная личность. Сила не всегда означает, что женщина не должна плакать или находится на грани умопомешательства, или после не делать никаких поблажек мужчинам, потому что это может быть истолковано как ее слабость. Наоборот, это означает, что женщина способна возродиться к жизни, несмотря ни на что, даже если она совершенно разрушена и уничтожена... не по своей вине. Ты, бл*дь, настоящий боец, Сноу, вот, что я тебе скажу.

Днем Шейн ведет меня по магазинам, чтобы я смогла купить себе кое-какую одежду. Кажется, он очень хорошо знаком с искусством «отправиться с женщиной за покупками». Я быстро покупаю косметику, флакон духов, пару джинсов, пару футболок, нижнее белье и колготки.

— Так на сегодняшний вечер нужно какое-нибудь коктейльное платье, — говорит он, ведя меня в бутик, в котором нас встречают две ассистентки, видно, достаточно хорошо его знающие.

Он заставляет меня примерить три разных платья и покупает их все.

— У вас есть что-нибудь, чтобы она могла положить куда-то свою помаду? — спрашивает он у девушки.

Она возвращается с тремя различными клатчами, он одобрительно кивает. Потом мы обедаем неподалеку в маленьком уютном кафе, затем заскакиваем в обувной магазин, чтобы купить соответствующие туфли для всех трех платьев.

— Устала? — спрашивает он.

— Немного.

— Пойдем, я отвезу тебя домой, и ты сможешь немного вздремнуть. Мне нужно кое-что сделать и убежать на время по делам.

Он заводит меня в свою квартиру и уходит. Я планирую заняться уборкой, но кто-то уже приходил и все убрал, видно, пока мы ходили по магазинам. Я раздумываю почитать книгу, но слишком нервничаю. Несмотря на то, что Шейн сказал мне, что я больше никогда не увижу Ленни, я все же думаю, что мне следует с ним объясниться. Неважно, кто и что говорит, Ленни все это время заботился обо мне.

Я сажусь и начинаю писать ему письмо. Я пишу, что влюбилась в другого человека. Я пишу, что всегда буду беспокоиться о нем и очень ему благодарна за все, что он сделал для меня. Я пишу, что когда-нибудь мы обязательно станем друзьями. А потом ярываю письмо на мелкие кусочки и выбрасываю его. Теперь я понимаю, что постоянно беспокоит меня.

В этой истории не может быть счастливого конца. Ленни будет вне себя от ярости. И он, конечно же, захочет узнать, кто посмел закрасться в его владения.

Я опускаюсь на диван, чувствуя озноб, вызванный страхом за Шейна. Что, если Ленни искалечит Шейна? Шейн может воспользоваться своими кулаками, я была свидетельницей на парковки, но в данном случае, совсем все по-другому. Шейн слишком милый, чтобы тягаться с таким беспощадным гангстером, как Ленни. Я видела страх в глазах всех людей, с которыми мы встречались, насколько настороженно все они общались с Ленни, боясь сказать что-либо лишнее. Они бы не боялись, если бы им нечего было бояться.

К приходу Шейна, я полностью уверилась, что Ленни так все просто не оставит, он убьет Шейна. Перво-наперво, мне не следовало встречаться и обращать внимание свое внимание на Шейна. У меня текут слезы по лицу. Как только Шейн появляется в дверях, тут же оказывается передо мной на корточках.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Он убьет тебя, Шейн. Я знаю Ленни. Он убьет тебя, — истерично лепечу я.

Он внимательно смотрит на меня, потом протягивает руку и вытирает мои мокрые щеки. — Ты, на самом деле, так мало веришь в меня?!

— Ты не понимаешь. Я его знаю. Я знаю, на что он способен.

— Тогда все хорошо, поскольку ты не знаешь, на что способен я, — и что-то непонятное таится в его глазах.

— Ты собираешься навредить ему?

— Если только он начнет первым.

Я закрываю лицо руками. Я испытываю чувство вины и ничего не могу с этим поделать. Это все моя вина.

— Я должна была уйти от Ленни сама. А потом прийти к тебе. Какая же я дура, — рыдаю я.

Он убирает мои руки от лица.

— Я не смог бы ждать так долго. Это не твоя вина. Я следил за тобой. Ты не должна вмешиваться в это дело. Я отчетливо осознаю, на что я иду.

— И никто не пострадает?

— Если никто бл*дь не полезет на рожон, — говорит он.

— Обещаешь?

Он печально улыбается.

— Обещаю. А сейчас надень свое новое платье. Я хочу отвезти тебя в город.

Я одеваю черное платье на бретельках, со стразами, с обтягивающим лифом, ярко вспыхивающей и привлекающей к себе внимание юбкой до колен и выхожу в гостиную.

Он нежно улыбается.

— Красиво. Очень красивая, — говорит он глубоким голосом, в котором слышится удовлетворение.

Мы идем на ужин в ресторан мужа Лэйлы. Здесь тоже к нам относятся, как к VIP-персонам. Еда отличная, Шейн вежливый и внимательный, но кажется таким далеким, весь в своих думах. И я вспоминаю, что после моего позора прошлой ночью, мы не занимались сексом.

Я начинаю задаваться вопросом, а вдруг Ленни был прав? Даже самый стойкий мужчина, не может закрыть глаза на то, что я была изнасилована. Я пытаюсь вспомнить хоть какие-то признаки изменений в его поведении. Смотрит ли он на женщин вокруг? Почему он не тянется к моей руке? Избегает ли он моего взгляда?

Почему он помогает мне? Потому что он хороший парень и не хочет ранить мои чувства? Чем больше я думаю об этом, тем яснее мне становится, что с прошлой ночи он определенно стал более отдаленным. Он едва дотрагивается до меня и до еды.

К нему подходит женщина.

— Шейн, — воркует она.

— Белла, — холодно отвечает он.

— Ты собирался позвонить мне, — говорит она, приподняв вверх красиво выщипанные брови.

Я чувствую жжение в животе. Какая дерзость! Я сижу здесь же, а она хочет увести у меня парня. Это заставляет меня задуматься. Может на самом деле он не мой мужчина. И эта мысль вызывает режущую боль внутри меня. Целый год я не чувствовала ничего подобного, не важно кто что сделал или сказал ранее, теперь же я ощущаю нечто слишком большее, чем боль, гораздо большее, чем расстройство о том, что произошло со мной в тот

день в гостиничном номере. Мне кажется, я еще больше ожила и опять стала реагировать на внешние факторы.

Шейн с презрением пожимает своими широкими плечами.

— Я понимаю это так, что если я не перезваниваю, ты должна все уже понять.

Она поворачивается ко мне. Ее лицо горит от злости.

— Он сделает то же самое и с тобой в один прекрасный день, — ее голос наполнен яростью.

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица.

— Точи свои когти в другом месте, Белла, — говорит грозно Шейн, поднимаясь во весь рост. Он возвышается над ней, доминируя своим ростом и мощью.

— Пошли вы оба, — выплевывает она в ответ, делая рукой еле заметный взмах.

Шейн опять садится на свое место.

— Прости, — говорит он, пытаюсь встретиться со мной взглядом.

— Все нормально, — тихо отвечаю я, но слова Беллы врезаются мне в память.

После ужина Шейн ведет меня в клуб под названием Gibran.

— Мне нужно кое с кем встретиться, но это быстро, — говорит он.

Перед клубом стоит длинная очередь, но он проводит меня вперед, и вышибалы тут же делает несколько шагов нам навстречу.

— Добрый вечер, мистер Иден, — вежливо здороваются они, отцепляя красную веревку, и с почтением ожидая, когда мы пройдем.

Внутри мы проходим мимо очереди за билетами, нас поджидает невысокий мужчина восточной наружности.

— Сюда, мистер Иден, — говорит он и ведет нас через двери.

Он поглядывает на Шейна.

— Как поживают ваши братья?

— Хорошо, спасибо. Как ваша семья? — в ответ спрашивает Шейн.

— Тоже хорошо, спасибо.

Тяжелый рок пульсирует внутри помещения. Шейн твердо и крепко поддерживает меня за поясницу, пока мы прокладываем свой путь через море разгоряченных, потных тел, двигающихся в такт, подходя к VIP-зоне. Группа мужчин сидит на низких диванах. На столе стоят кальяны.

Мои глаза сразу же останавливаются на крепком мужчине. Волосы до плеч и глаза настолько светло-голубые, выглядят, как кусочки льда. Его лицо не украшает странный шрам, начинающийся прямо под глазом и зигзагом идущий вниз по одной стороне лица. На нем черная жилетка, открывает его широкую грудь, на которой изображено тату огромной оцетинившейся кобры, с раскрытым капюшоном над головой и такой же открытой пастью. Тату начинается в верхней части его накаченного плеча, ее длинное тело обвивает всю его руку и хвост заканчивается у него на запястье.

Тату выглядит грозно и очень пугающе.

Он откидывается на диван, спокойно глядя перед собой, словно животное выжидая. Стоит ему увидеть Шейна, как уголки его губ слегка приподнимаются. Он делает еле уловимое движение пальцами, и две полуголые девицы, обвивающиеся с двух сторон, встают и отходят в сторону. Его пренебрежение к ним, заставляет мое дыхание замереть.

Шейн подталкивает меня вперед, и глаза мужчины моментально переходят на меня.

Глаза потрясающие, но в них страшно смотреть. Я инстинктивно прижимаюсь к Шейну.

Шейн смотрит на меня и подбадривающе улыбается. Мужчина подается вперед, движение настолько быстрое, что напоминает движение кобры. Он поднимается во весь рост, и выглядит таким же высоким, как Шейн, но от него исходит настолько опасная энергетика, что кажется будто воздух вибрирует вокруг нас. Они стучаются друг с другом кулаками, только не так стучаются, как я раньше видела. Они словно передают друг другу свою силу — Шейн белую магию, а этот мужчину — черную. Это что-то другое, что-то суровое, даже спартанское.

— Не хочешь выпить? — растягивал слова спрашивает он. Его голос глубокий, низкий, и его акцент похож, как был у Никки, той красивой блондинки, которую я встретила в дамской комнате в «Эдеме».

— Спасибо, Зейн, но я не могу остаться, — говорит Шейн. — Зашел проверить, что все идет по плану.

— Все идет хорошо.

— Хорошо. Спасибо, мужик. Я у тебя в долгу.

Зейн улыбается и медленно кивает, и его медленный кивок заставляет меня задрожать всем телом. Могу сказать точно, наступит такой день, когда он потребует заплатить Шейна заплатить долг.

Мы уходим, у меня от страха так колотится сердце.

Как только мы отходим на достаточное расстояние, что нас вряд ли кто может услышать, я тяну за рукав Шейна.

— Мне он не нравится.

Шейн резко останавливается, наклоняется и берет мое лицо в ладони.

— Послушай меня, Сноу. Я доверю Зейну даже свою жизнь, поэтому если что-нибудь со мной случится, ты сможешь довериться только ему. Я привел тебя сюда, чтобы ты смогла его увидеть, а он смог увидеть тебя. В финансовом плане ты будешь независима, а он защитит тебя от Ленни физически.

Мое сердце от ужаса просто ухает куда-то вниз, даже в голосе слышится страх.

— Ты думаешь, что с тобой что-то случится?

— Нет, это просто запасной вариант.

Я хмурюсь.

— Почему не к Джейку? Почему я не могу пойти к Джейку?

— Я не хочу, чтобы Дом или Джейк ввязывались в это. Особенно Джейк. Он и так всю свою жизнь заботился о нас, и мне кажется ему уже достаточно. У него теперь своя семья, и пусть он занимается ею. Зейн разберется со всем. Он получает хорошую компенсацию за все, что делает.

— Ты пугаешь меня, Шейн.

— Не бойся. Я написал завещание. Я не собираюсь завтра умирать, но если что-то случится, я должен быть уверен... без меня ты будешь в безопасности.

— Почему ты выбрал Зейна?

— Потому что он намного и гораздо опаснее, чем Ленни.

— И он твой друг?

— Настолько, насколько можно дружить с боссом русской мафии, — сухо отвечает он.

— Вот черт, Шейн. Я думала, что ты не гангстер.

— Я и не гангстер. Но как я уже тебе сказал, я знаю этих людей.

<https://www.youtube.com/watch?v=k3Fa4lOQfbA>

Я ощущаю напряженность между нами и чувствую себя неуверенной, пока мы возвращаемся в апартаменты Шейна. Он не предпринимает никаких попыток, я имею в виду, в сексуальном плане. У меня складывается такое впечатление, что после моей истерики его страсть ко мне остыла.

— Выпьешь что-нибудь на ночь? — спрашивает он, направляясь в гостиную.

— Да, — говорю я, следуя за ним.

— Чего бы ты хотела? — спрашивает он.

— То же, что и ты.

— Я буду коньяк.

— Звучит неплохо, — я сажусь на край дивана и наблюдаю, как он наполняет для бокала.

Один он протягивает мне, опускается рядом, оставляя между нами расстояние, где-то три дюйма, может даже больше. Он откидывается на спинку дивана. Я облизываю губы и разворачиваюсь боком к нему.

— Знаешь, мне не стоит оставаться здесь. Я чувствую себя достаточно сильной и самостоятельной, поэтому могу снять номер...

Он хмурится.

— О чем, мать твою, ты говоришь?

Я пожимаю плечами.

— Ну, с прошлой ночи ты стал другим. Ты ведешь себя дружелюбно, добр ко мне и пытаешься меня защитить, но у меня складывается такое впечатление, что ты больше не хочешь меня, в сексуальном плане, я имею в виду.

Он с недоверием пялится на меня.

— Что? — наконец, взрывается он. — Ты думаешь, я тебя не хочу?

Я прикусываю губу.

— Ты стал другим, нежели, во Франции.

Он подается вперед и ошеломленно качает головой.

— Откуда у тебя появилась такая сумасшедшая идея? Да, я веду себя не как во Франция, потому что не хочу торопить тебя. Ты даже не представляешь, бл*дь, как я сам с собой борюсь, пытаюсь удержать свои руки подальше от тебя. Я не совсем уверен, готова ли ты заняться сексом после прошлой ночи?

— Готова, — шепчу я.

Медленная улыбка расплзается у него на лице, глаза загадочно поблескивают. Наконец-то вернулся тот прежний Шейн.

— Докажи мне. Станцуй для меня стриптиз.

— У тебя есть стрип-клуб. Мне кажется, тебе будет скучно опять наблюдать за стриптизом, — говорю я с улыбкой. По правде, я хочу запрыгать и закричать от радости — он все еще хочет меня.

— Я хочу увидеть именно твой.

— Сейчас? — смело спрашиваю я, вопросительно приподняв брови.

— Лучшего времени и нет.

— Хорошо.

Он поднимается и подходит к музыкальному центру, выбирает какую-то музыку.

— Какую песню ты поставишь?

— *Je T'aime ... Moi Non Plus* от Сержа Генсбура и Джейн Биркин.

— Боже, но это очень старая песня, да? Моя мама слушала ее, — с удивлением отвечаю я.

Он ухмыляется.

— Моему отцу нравилась Бриджит Бардо и Джейн Биркин. И у меня полно воспоминаний и фантазий по поводу этой песни.

Я смеюсь.

— Ты знаешь, как переводится название?

— Переводит как «*Я люблю тебя... и я тоже*».

— Интересно, — отвечаю я.

— Именно это говорит влюбленная пара друг другу, занимаясь сексом, — подмигивая, замечает он.

— Да. Я вернусь через минуту, — решительно заявляю я, и забрав с собой бокал с коньяком, покачивая бедрами, отправляюсь в спальню. Я закрываю дверь и начинаю рыться в его шкафу, вытаскиваю белую рубашку. Быстро скидываю одежду, оставив только трусики и снимаю бюстгальтер. Я надеваю его рубашку и застегиваю только две последние пуговицы, оставив все открытым. Засучиваю рукава до середины руки. Просовываю ноги в шпильки с высоким каблуком, выдергиваю из кучи синий полосатый галстук, свободно повязав его под воротник рубашки Шейна. Накладываю новый супер блестящий блеск на губы. Затем я роюсь у него в шкафу и нахожу шляпу. Я опускаю ее на голову, немного под углом и оглядываю себя в зеркало.

Вид именно такой, как я и хотела себя увидеть. Нечто *je ne sais quoi*. (нечто, Бог знает что)

Для храбрости я выпиваю коньяк до конца и подхожу к двери гостиной, заглядываю в комнату. Он нажимает кнопку на пульте управления, и воздух наполняется музыкой. Старомодные тягучие, как веревки, аккорды гитары, бас-гитары и звуки барабанной установки заполняют комнату.

— *Je T'aime ... Moi Non Plus* — шепчет она с придыханием, неземным голосом, высоким, он напоминает голос маленького мальчика из церковного хора. Звучит очень сексуально.

Я прислоняюсь к дверному проему и медленно поднимаю ногу, как бы лаская. Я делаю один шаг в комнату и чуть-чуть приподнимаю с одной стороны край его рубашки, показывая верхнюю часть бедра, чтобы он увидел мои черные кружевные трусики. Он не знает, что я уже мокрая внизу. Я ловлю его замороженный взгляд, он придает мне уверенности для продолжения своего представления.

Я тяну за галстук, он развязывается, начинаю крутить его в руке, потом кидаю его в Шейна. Он ловит его на лету.

Я разворачиваюсь к нему спиной, и покачивая бедрами, спускаю рубашку с одного плеча. Я повожу другим плечом, и рубашка спадает до середины спины. Я оборачиваюсь, через плечо поглядывая на него и улыбаюсь.

Похоть в его глазах — это бесценный взгляд.

Очень медленно, продолжая покачивать бедрами, я еще ниже опускаю его рубашку, пока она оказывается у меня на заднице. Я обольстительно передвигаю рубашку из стороны в сторону под музыку, затем спускаю ее еще ниже. Это самая зажигательная часть моего танца, я кручу бедрами и в такт двигаю его рубашкой. Затем медленно я опускаю ее еще ниже, полностью прикрывая свою задницу. Я быстро расстегиваю последние пуговицы и снимаю, удерживая ее на вытянутой руке, двумя пальчиками, какое-то время она болтается в воздухе под музыку, потом я разжимаю пальцы, и она с шорохом падает на пол.

Я совершаю вращательные круговые движения своим телом, как танцовщицы танца живота во Франции, поэтому мои волосы падают вперед, закрывая грудь. Тогда я разворачиваюсь и быстро трясусь бедрами, двигаясь к нему.

Я ставлю одну ногу на диван, и тут же его глаза передвигаются к моей киски. Он видит мокрое пятно на ластовицы трусиков. Сзади от шеи я приподнимаю волосы вверх и отпускаю, они падают на спину, и теперь он видит мою обнаженную грудь. Соски уже стали жесткими. Я опять приподнимаю волосы высоко от шеи и пускаю, они падают вперед, прикрыв грудь.

Из колонок слышится тяжелое дыхание, и звуки, имитирующие занятие сексом.

Я облизываю губы, он поднимает руку и пальцем манит меня к себе.

Я не иду к нему, а делаю такой же ответный жест, пальцем маня его к себе, и улыбаюсь как бы говоря «увы!».

У него вырывается низкий и сексуальный смешок.

Я начинаю медленно ласкать себя, легко проводя руками по шеи, кружа по груди, сжимая и массируя соски, откинув назад голову. Я чувствую боль от желания в сосках, поэтому слегка дотрагиваюсь до них пальцами, соски стали твердыми и набухшими.

Вздых наслаждения вырывается из меня.

Я перемещаю руку ниже и ниже, пока не достигаю резинки трусиков. Я останавливаюсь на секунду или две, медленно поддразнивая запускаю пальцы под ткань. Я поднимаю на него глаза, посмотреть на его реакцию. Его взгляд прикован к моим пальцам и у него полный стояк. Я начинаю совершать круговые движения пальцами. Дыхание прерывистое, урывками.

— Аааа..., — задыхаясь стону я.

Я передвигаюсь к журнальному столику и опускаюсь на него. Нас разделяет всего лишь три шага. Я кладу обе руки на колени, провожу вверх-вниз, потом развожу ноги, чтобы он видел, насколько мои трусики стали мокрыми. Оставив ноги разведенными, я откидываюсь назад, удерживая себя на одной руке, а другой — начинаю скользить по ткани промежности.

— Оооо..., — тихо стону я, мой голос звучит также хрипло, как и у Джейн Биркин.

Поддев материал пальцем, я отвожу его в сторону, показывая ему свою блестящую розовую мокрую киску. Я позволяю ему видеть мой оголенный клитор целых три секунды, или, по крайней мере, около того, может и меньше, его взгляд поднимается вверх к моим глазам. Его глаза темны от похоти. Мне точно не стоило волноваться. Он, действительно, на самом деле, определенно все еще хочет меня.

Он делает резкое движение вперед, хватая меня за руку, тянет вверх, мои волосы развиваются, шляпа падает, я моментально оказываюсь в его руках.

— Эй, — протестую я, — это еще не все.

— Извини, время вышло. Я не могу больше ждать, — говорит он, разрывая мои трусики.

И моментально сбрасывая свои штаны и с такой же скоростью поспешно снимая боксеры. Он кладет голову на край дивана и, удерживая меня за талию, приподнимает, усаживая к себе на лицо. Он заставляет подвинуться меня поближе, в ожидании высунув язык, пока я опускаюсь на него своей мокрой киской. Горячий, бархатистый язык проникает внутрь, я начинаю стонать и извиваться от удовольствия. Шейн крепко держит меня за талию, пока несколько раз глубоко своим языком погружается в меня.

— О, *Je T'aime*, — шепчет с придыханием Джейн Биркин.

Ах, это непередаваемо. Я запрокидываю голову назад, отдаваясь ощущениям, пока его язык скользит во мне. Мне никогда такого не делали. И я чувствую его язык на каждом миллиметре своей киски. Затем он передвигает меня немного назад и облизывает мой клитор. Я кладу руки на голову и закрываю глаза, наслаждаясь эротическими ощущениями. У меня вырывается стон, стоит ему сжать губами клитор и начать его сосать, мои внутренние мышцы непроизвольно сами собой начинают сокращаться.

Я взрываюсь от потрясающего оргазма. Все мое тело вибрирует, но он продолжает сосать и вылизывать, и трахать своим языком мою киску.

— О мой Бог, — задыхаясь хриплю я, пока он еще больше усиливает мой оргазм.

Он обхватывает меня за талию и передвигает ниже к своему члену.

— Нам нужен презерватив, — тут же шепчу я.

Он замирает, кивнув, отодвигает меня в сторону, и направляется за презервативом. Вернувшись, он раскатывает его на свой член и смотрит на меня.

— Раздвинь ноги и покажи мне насколько ты мокрая, — говорит он.

Я подчиняюсь, он вставляет в меня два пальца. Тут же мои внутренние мышцы сжимаются вокруг них. Он вытаскивает пальцы и подносят мне ко рту.

— Соси, — говорит он.

Я молча открываю рот и вбираю его пальцы, начиная посасывать, ощущая мускусный сладковатый вкус своих собственных соков. Он садится, обхватывая меня за талию, перетаскивает на себя. Я зависаю своей киской перед его членом на пару секунд. Шейн начинает медленно опускать меня на свою твердую, массивную эрекцию. Он не торопясь погружаться все глубже и глубже.

— Теперь ты принадлежишь мне, — низким голосом говорит он. — Я буду так глубоко в тебе, что ты никогда больше не сможешь даже подумать о другом мужчине внутри себя.

И он именно это и делает. Он входит очень глубоко, я никогда не думала, что такое возможно. Мое тело горит, как в сексуальной лихорадке, и по спине ползут мурашки, я обеспокоенно начинаю двигаться, чтобы приподняться и освободиться от его мертвой хватки и огромного члена, растягивающего своей мощью мою киску, но он еще крепче удерживает меня на месте, продолжая толкаться внутрь.

— Нет, уже хватит, — стону я.

— Нет, ты можешь взять еще больше, — настаивает он. — Дои меня.

Я позволяю ему продвинуться глубже и глубже до тех пор, пока не могу больше этого выносить, поэтому кричу.

— Ты моя, — говорит он, еще раз толкаясь глубоко. И в этот момент я чувствую, как все его тело напрягается, как натянутая струна, ноздри раздуваются, и он кончает жестко, сильно, оставив следы от своих пальцев у меня на талии.

— Я заклеил тебя, сделав своей, — глухо рычит он мне на ухо.

Я дергаюсь и подскакиваю от звука дверного звонка. Смотрю на часы, почти два часа ночи. Сноу заснула почти без сил, поэтому даже не просыпается, переворачивается и что-то бормочет во сне.

— Спи, — шепчу я, выбираясь из постели.

Я натягиваю джинсы, чувствуя, как колотится сердце и быстро бегу к двери. Я не ожидал, так быстро получить ответный удар. Я еще не готов. Я смотрю в камеру домофона и вижу Джейка, стоящего у двери. Моргаю. Какого хрена он тут делает в такое время? И тут до меня доходит. Я не перезвонил Дому, поэтому рассеянно провожу пальцами по волосам. Я не хочу разбирать со всем этим сейчас. Раздается тихий стук в дверь, и я открываю ее.

Входит мой брат, который выглядит так же свежо и бодро, как чертова маргаритка.

— Хочешь виски? — спрашиваю я.

— Да, — говорит он и напрямик направляется в гостиную.

Я наливаю нам обеим двойную порцию. Я делаю большой глоток и иду к нему, протягивая стакан.

— Это правда? — спрашивает он.

— Что правда?

— Ты встречаешься с девушкой Ленни.

Я вздыхаю.

— Кто тебе сказал?

Его губы кривятся в саркастической усмешке.

— Ты не поверишь, но одна из твоих танцовщиц.

— Старая добрая Никки, — говорю я.

— Ты знаешь, я ей не поверил? Так ты встречаешься с девушкой Ленни или нет?

— Хватит, мать твою, называть ее девушкой Ленни. Она не его девушка. Она моя.

Мой брат встает и начинает ходить по гостиной. Кажется, он с трудом себя сдерживает.

Вдруг он разворачивается ко мне.

— Такого от тебя я не ожидал. Этого я мог ожидать от упертого Дома, но не от тебя. Ты всегда был слишком умен, чтобы совершить что-то, мать твою, настолько рискованное. Ты всегда просчитывал последствия. Ради Бога, Шейн. О чем ты думаешь?

— Уже все сделано, — тихо отвечаю я.

— Нет, не сделано. Отойди в сторону, и я что-нибудь придумаю, как все уладить с ним.

— Нет, — твердо говорю я. Я никогда не перечил Джейку. Мое уважение, преданность и любовь к нему настолько велика, что я, на самом деле, готов отдать за него свою жизнь.

Он хмурится.

— Она стоит того?

— Да.

Он с недоверием смотрит на меня.

— Ты хотя бы понимаешь, что это значит? Ты забираешь у него женщину, тем самым объявляя войну. Он не согласится уладить это вопрос с тобой с помощью кулачного боя. Он скорее всего даст указание убить тебя, именно в тот момент, когда ты меньше всего этого ждешь.

— Я готов умереть за нее, — на полном серьезе отвечаю я.

Он с гневом смотрит на меня.

— Ты готов за нее умереть? — со злостью спрашивает Джейк. — Что, черт возьми, происходит Шейн? Ты сопляк. Ты даже не жил еще, а ты уже готов за нее умереть? Ни одна женщина не стоит этого.

— Разве ты не готов умереть за Лили? — спокойно спрашиваю я.

Он открывает рот, чтобы ответить, но потом останавливается и прикрывает глаза, поняв свое поражение.

— Сколько времени ты ее знаешь?

— Несколько дней.

— Точно, — с сарказмом говорит он.

— Я знаю, чего хочу, Джейк.

Он устало вздыхает.

— Ладно, Шейн. Предоставь это мне. Я как-нибудь все улажу.

— Я не хочу, чтобы ты или Дом ввязывались в эту историю.

Он с удивлением смотрит на меня.

— Это мое дерьмо, и я разгребу его сам.

Я вижу вспышку гнева в его глазах.

— Сейчас ты действительно ведешь себя, как ребенок. Ты не справишься с Ленни в одиночку, Шейн. Он — гребенная змея. Он хлопнет тебя по спине и искренне поздравит с победой, что *ты украл у него его девушку*, а затем раскроит тебе голову двумя днями позже.

— У меня есть план.

Я вижу, что он не верит мне, он не верит, что у меня может быть вполне хороший и выполнимый план. Он думает, что по жизни я остался все тем же, маленьким сопливым братиком, плейбоем.

— Какой план? — медленно спрашивает он.

— Я уже сказал тебе. Я не буду в это впутывать ни тебя, ни Дома.

Он смотрит на меня с каким-то отчаянием.

— Теперь ты ведешь себя еще глупее. Мы семья. Когда мы выступаем единой семьей, то становимся сильнее.

— Но не в этот раз. В этот раз я все решу один.

— Почему? Что ты пытаешься кому-то доказать? — спрашивает он, едва сдерживаясь.

— Джейк с тех пор, как убили отца, ты сражался за всех нас в одиночку. Ты положил всю свою жизнь на сохранение нашей семьи. Не думай, что я не знаю, почему ты пришел как-то домой и сделал себе крест у себя на теле. Ты совершал ужасные вещи, чтобы мы не умерли с голода. Но теперь — у тебя своя семья. И впервые ты по-настоящему счастлив. И я бы скорее умер, чем позволил бы кому-то причинить твоей семье вред.

Он вдруг садится и опускает глаза в пол.

— Я не могу позволить тебе разбираться с этим самостоятельно, Шейн. Ты до конца не знаешь, на что он способен. Я разберусь, — он смотрит мне в глаза. — Я привык работать и общаться с такими, как он. И я полностью отдаю себе отчет, что ты не можешь забрать у Ленни *его женщину* и безнаказанно уйти от него.

— Он не любит ее, Джейк.

— Я знаю, что он не любит ее, Шейн. Он психопат. Он не любит никого, кроме себя. Но это дело чести. Он с большим удовольствием объявит на тебя охоту, а потом пустит ее по

рукам, по всем своим темным местам, которые принадлежат ему.

— Джейк, ты должен довериться мне, когда я говорю, что знаю, что делаю.

— Ох, бл*дь, — говорит он и запускает руки в волосы. — По крайней мере, расскажи мне, что ты задумал. Обещаю, не буду вмешиваться.

Я недоверчиво смотрю на него.

— Ты не будешь вмешиваться? Это смешно. Ты не будешь вмешиваться точно также, как я верну ее ему.

Он глубоко вздыхает.

— Хорошо. Но помни, я всегда готов помочь и выслушать тебя. Несмотря ни на что, — он снова вздыхает. — И если ты планируешь что-то сделать, то лучше сделать это побыстрее. Пока не поползли слухи.

Нет... не пускай пыль в глаза другим, не стоит...

Что ты украла у меня сердце

И у меня больше нечего не осталось...

«Неудачник», Энрике Иглесиас

<https://www.youtube.com/watch?v=tLcfAnN2QgY&list=RDGMEMYvZjTda73N9EL0Qo2TnYngVMtLcfAnN2QgY>

Я подслушиваю разговор Джейка с Шейном, потом ползу обратно в кровать, поворачиваюсь набок и начинаю глубоко и равномерно дышать. Слышу, как закрывается входная дверь, Шейн возвращается в спальню. Он несколько минут молча смотрит на меня, пока я притворяюсь спящей. Наконец, идет к своей стороне кровати и тихо проскальзывает под одеяло.

Он не спит, просто лежит на спине, уставившись в потолок. Я чувствую, как крутятся у него в голове мысли, его план, все что он решил проверить. Он не прикасается ко мне. Потом, его дыхание становится более ровным, он засыпает, но я так и не могу заснуть.

Наступает утро, я полна решимости, скрыть свой придуманный план за ночь, и хочу запомнить это утро навсегда, поэтому нежно начинаю облизывать его член, пока он еще спит. Я очень нежно провожу языком вверх-вниз. Мне хочется, чтобы он проснулся от моих действий. Его рука движется вниз и гладит меня по волосам, эрекция очень быстро становится твердой. Я беру в рот его красивый, словно сделанный из белого, гладкого фарфора, член в рот и скольжу по нему языком.

О! Шейн.

Ему это очень нравится, он стонет в ответ. Звук низкий, настоящее удовольствие. Он нежно обхватывает мою голову руками и начинает двигать бедрами. Его эрекция пульсирует у меня во рту, он сдерживается, чтобы не выпустить свое горячее семя мне в горло. Мне нравится, как он держит меня за голову, направляя. Я хотела бы, чтобы так было всегда, чтобы вот я его будила каждое утро. Я чувствую, как несколько капель стекают по задней стенке моего горла, проглатываю их с удовольствием.

Я хочу испытать своего любимого.

Пусть он станет частью меня. Его еще больше возбуждает, что я готова проглотить его сперму, он более усиленно начинает двигать бедрами, потом все его тело напрягается, вибрируя, и он изливается. С силой его оргазм взрывается внутри моего рта, густая струя спермы льется в горло. Я сохраню это ощущение в себе и заберу его с собой.

Я навсегда запомню это утро.

Он тянет меня по своему обнаженному, разгоряченному телу к себе вверх и глубоко целует. Он перекачивает меня на спину и опускает руку на мою киску. И медленно улыбается.

— Ты вся мокрая, — констатирует он.

— И что ты собираешься с этим делать, парень? — спрашиваю я.

— Я собираюсь тебя съесть, — отвечает он и ползет вниз по моему телу.

Мой оргазм — горько-сладкий. Сладкий, потому что все мое тело выгибается от накатывающих волн чистого блаженства, которые ощущаются потрясающе, я никогда этого не забуду, это останется со мной навсегда. Горький, потому что он прекращается и такого больше не будет. Поэтому я почти плачу.

Это все должно закончиться.

Я испытываю слишком сильную боль от принятого мной решения. Боль напоминает состояние, когда у тебя вдруг появляется что-то красиво, ты влюбляешься в это, и, конечно,

можешь заплакать, когда вдруг тебе сообщают, что ты не можешь это оставить себе. Слезы готовы пролиться из глаз. Я стараюсь их смахнуть.

Он опускается сверху на меня, опираясь на локти, и внимательно смотрит мне в глаза.

— Эй, ты в порядке? — он выглядит обеспокоенным.

— Да, это был хороший оргазм, — отвечаю я, и мне даже удается улыбнуться.

Он ухмыляется.

— Насколько хороший?

— Ну, как коробка шоколадных конфет и новорожденный щенок немецкой овчарки, которого назвали Чингис.

— Правда? Настолько хороший?! — поддразнивает он.

— Да, настолько хороший.

Он целует меня в кончик носа.

— О, Сноу. Нет на земле такой женщины, как ты.

— Это правда, — говорю я и целую его тоже в кончик носа. Я чувствую своим бедром, как увеличивается в размере его эрекция.

— Не может быть! Неужели ты снова хочешь? — со смехом спрашиваю я.

— Я изголодался по тебе. Но, во-первых, мне нужно сходить в туалет. Я не хочу мочиться внутрь тебя.

— Фи, ты отвратителен.

Я морщу нос, поглядываю на него, а он смеется, двигаясь в ванную комнату. Я не могу отвести взгляд от его обнаженной спины, пока он хохочет во все горло. Я запомню этот момент тоже.

Он возвращается и загоняет свой член глубоко в меня. Я кричу, но не от боли, а скорее от удовольствия. Наше последнее утро я буду помнить до конца своих дней. Впервые в жизни я начинаю понимать женщин, которые принимают решение никогда не выходить замуж, потеряв свою любовь. Человека, которого ты так любишь, нельзя сравнить ни с кем. Как только встречаешь единственного мужчину, который подходит именно тебе, словно он создан специально для тебя, никогда уже не захочешь никакого другого.

Возможно, я выйду замуж. На самом деле, естественно, выйду замуж, я больше чем уверена, что моя мать приложит к этому массу усилий, но я никогда, никогда не полюблю снова. Никогда.

Когда мы вместе кончаем, мы смотрим друг другу в глаза, не в состоянии отвести взгляд. Красиво.

— Я твоя, — шепчу я, оборачивая ноги вокруг его талии и крепко сжимая.

— Похоже ты до конца не веришь в это, — шепчет он в ответ.

Мы лежим на кровати, переплетенные телами. Мне тяжело смотреть ему в глаза. Они такие голубые, такие искренние, такие красивые. Я хочу сказать ему, что люблю его так, как никогда никого не полюблю, но понимаю, что мое признание сейчас будет ни то ни се.

И многие женщины, должно быть, уже говорили ему это. Я не хочу быть в их рядах. Нет, не хочу. Это мой маленький секрет. Никто никогда не узнает о нем. Не он, не моя мать, не отец, никто. Возможно, когда-нибудь я расскажу его своим внукам. Если они у меня будут. Если я не заражена какой-нибудь инфекцией и СПИДом.

— Послушай, — говорит он. — У меня сегодня есть кое-какие дела. Ты сможешь сама себя развлечь хотя бы несколько часов?

Я улыбаюсь. Интересно, видит ли он насколько я его люблю?

— Конечно, я приберусь в квартире.

— Нет, не нужно. Ко мне приходит убираться женщина. Она придет к двум часам.

— Тогда я почитаю книгу, — тихо отвечаю я.

— Хорошая девочка, — он делает паузу. — Единственное, о чем я тебе попрошу, не выходить из квартиры. Если тебе будет что-нибудь нужно, просто позвони мне, и я гарантирую, что все будет сделано.

— Мне ничего не нужно, Шейн.

Мы вылезаем из постели и вместе направляемся в ванную комнату. На самом деле, все выглядит настолько обыденным, приземленным, обычная домашняя сцена, но для меня это не так. Наши вполне обычные действия являются особенными. И это наводит меня на мысль, насколько мы иногда можем быть глупы. Мы предполагаем, совершая вполне обычные действия каждый день, что в них нет ничего особенного. Но на самом деле все может быть по-другому. И завтра вы будете вспоминать о том, что последний раз чистили зубы со своей любимой. Теперь понимаете, что я имею в виду?

Мы чистим зубы и пользуемся туалетом. И он не ценит эти моменты, потому что для него это очередное скучное занятие, он думает, что завтра утром также будет чистить со мной зубы.

Он спрашивает:

— Что ты хочешь на завтрак?

Я точно знаю, чего я хочу.

— Я приготовлю завтрак, — отвечаю я.

Он улыбается.

— Ты не умеешь готовить.

— Ты съешь то, что я приготовлю — поджаренные тосты, которые тебе нравятся, — с притворной строгостью отвечаю я.

Странная тень пересекает его лицо, но я не спрашиваю ни о чем, как правило, когда близкие люди видят, что другой чем-то озабочен, спрашивают типа: «*О чем ты думаешь?*»

Я же молча направляюсь на кухню. Я точно знаю, что делаю. Я включаю духовку на 220 градусов, достаю варенье из алычи из холодильника и кладу несколько ложек на две тарелки. Я ставлю эти тарелки на верхний противень в духовки, я специально поставила их погреться, чтобы варенье было комнатной температуре.

Я открываю дверцу духовки, мне в лицо ударяет горячий воздух. Отлично. Я кладу булочки на металлический лоток и ставлю их внутрь. Выжимаю апельсиновый сок и разливаю в два стакана. Я ставлю масленку со сливочным маслом на стол и кладу ножи, ложки и вилки. Все это время Шейн сидит за столом и молча наблюдает за мной, слегка приподняв брови.

Я достаю булочки из духовки, кладу их на стол и сажусь рядом с ним.

Шейн внимательно смотрит на меня.

— Спасибо.

— Bon appétit, — говорю я.

Я наблюдаю, как он разрывает булочку, из которой поднимается пар. Отрезает небольшой кусочек холодного сливочного масла и кладет на краешек, поверх варенья из алычи. Я с жадностью наблюдаю, как он откусывает. Закрыв глаза, словно чувствую вкус у себя во рту. Холодное сливочное масло, горячая булочка и теплое варенье.

Я запомню это навсегда.

Мы едим и пьем кофе, а потом пришло время ему покинуть апартаменты. Он слегка целует меня, так целуются люди, уходя на работу или еще куда-то, зная, что вернуться и все будет по-прежнему. Он уверен, что я буду здесь, когда он вернется домой через несколько часов. Он не знает, что я так сильно его люблю, что не позволю ему рисковать своей жизнью ради меня.

Я провожаю его до двери и целую на прощание, я целую его также, как и он, слегка дотрагиваясь до губ. Он подходит к лифту. Я смотрю на него. Двери лифта открываются. Он заходит внутрь.

У меня сердце обливается кровью.

Я прерывисто выдыхаю, и вдруг он выходит из лифта. Подходит ко мне, поднимет меня на руки и целует так, как будто умрет, если сейчас меня не поцелует, его язык глубоко проникает в мой рот, переплетается с моим, а затем он начинает его сосать.

Он ставит меня на пол, меня бьет дрожь.

— Я закончу начатое, когда вернусь, — говорит он, дотрагиваясь пальцем до моей нижней губы.

Я вздыхаю и опускаю голову ему на грудь, слушая как стучит его сердце. Постоянный быстрый ритм. Я буду скучать по нему.

— Увидимся позже, — говорю я.

— Чао-какао, — отвечает он.

Затем заходит в лифт и спускается вниз.

Я закрываю входную дверь и иду на кухню, сажусь за стол. Я смотрю на оставленный завтрак, крошки на столе, булочку, еще намазанную вареньем, нож, обмазанный маслом, и мне становится совсем тяжело на сердце. Я встаю и направляюсь в его кабинет, осматриваюсь. Однажды я спросила его, почему он живет в этой квартире, когда может позволить себе что-то гораздо лучшее. Он ответил, что это всего лишь место, куда он приходит спать. В основном он живет за городом.

Я сажусь за стол и начинаю писать ему письмо. Оно короткое. Прощаться лучше коротко. Кроме того, не так много, что можно сказать. Как бы то ни было, все кончено. Наше время истекло. Скоро ветер будет дуть мне в спину. Я ничего не могу исправить и ничего не могу изменить. Я дотрагиваюсь до своих губ, а потом дотрагиваюсь пальцами до бумаги. На одной из полок лежит фотоальбом. Я пролистываю его. На всех страницах фото его семьи. С улыбкой я смотрю на счастливые лица. Как им повезло.

Я натыкаюсь на одно фото, где он один. Одно из последних. Он на лодке, выглядит, как кинозвезда. Его волосы развивает ветер, красивое тело загорелое и расслабленное, и мне становится интересно, кто его сфотографировал. Осторожно я вытаскиваю фотографию и засовываю в свою сумочку.

Потом я иду в спальню. Мое сердце плачет, пока я стою посередине комнаты, пытаюсь запомнить запах, витающий здесь, оставшийся после нас, и солнечные лучи, скользящие по скомканым простыням. Я буду вспоминать и мечтать об этом маленьком уголке рая, который навсегда останется у меня в памяти.

С громким всхлипыванием я выбегаю из квартиры.

Я ловлю такси до моей квартиры, но прошу водителя высадить меня на углу. Осторожно, я иду в сторону дома. Поднимаю вверх голову, шторы задернуты точно также, как я их и оставила. Я захожу в здание и поднимаюсь по лестнице. Позади меня открывается дверь, я нервно разворачиваюсь, но это женщина с верхнего этажа. Она кивает и идет к

лифту. Я поднимаюсь по ступенькам.

Коридор пуст.

Я подхожу к своей двери и прислушиваюсь. Тихо. Я вхожу и на мгновение остаиваюсь. Все тихо. Vellichor. Раньше я оценила бы это, сейчас же не хочу иметь ничего общего.

Я прохожу вглубь квартиры и оглядываюсь по сторонам, кругом идеальная чистота. Все на своих местах. Только разбита ваза и цветы, разбросаны по полу. Он был здесь. И ему это не понравилось.

Я глубоко вздыхаю и заставляю себя сохранять спокойствие.

«Быстро, Сноу».

Не обращая внимание на разбитую вазу, я быстро иду в спальню и распарываю матрас. Достая деньги и кладу их в сумку. Я не беру ничего. Уже у двери, я слышу, как звонит мой мобильный. Я подхожу к нему.

Ленни.

Он продолжает звонить, я беру лист бумаги из ящика стола и пишу. Я благодарю его за все, что он для меня сделал, а также сообщаю, что я решила вернуться в Индию, к своей семье. Я прощаюсь с ним, а внизу приписываю:

«Пожалуйста, не пытайся связаться со мной».

В дверях последний раз я кидаю взгляд на квартиру. Мне кажется, что здесь даже стены, пропитаны моими слезами и болью. Здесь ничего нет моего, ничего, кроме слез, которые я выплакала. Я ухожу отсюда навсегда.

Я беру такси до аэропорта Хитроу, покупаю билет на следующий рейс «Эйр Индия» в полдень.

— У нас будет остановка в Нью-Дели, — говорит мне женщина за стойкой регистрации.

— Хорошо, — отвечаю я ей.

При регистрации на рейс, персонал, кажется, удивился, что у меня нет с собой багажа и посматривал на меня несколько подозрительно. Но видно, они все же решили, что я не похожа на террористку, поэтому позволили мне пройти. После прохождения паспортного контроля, я сажусь на свое место в салоне самолета и чувствую себя, словно замороженной.

В течение всего полета я не могу заснуть. Я закрываю глаза и думаю о Шейне. Я представляю, как он приходит домой и находит мою записку, понимает, что ушла. Я представляю, как он звонит одной из своих женщин. Я представляю, фантазирую и опять что-то надумываю. Когда приходит стюардесса с тележкой, предлагая еду, я мучаюсь ужасной головной болью. Она дает мне пару обезболивающих.

Я принимаю их и откидываюсь в полу лежащее положение в кресле, мучаясь ужасной болью.

У нас сегодня сильный северо-западный ветер с моря.

Кошка свернулась калачиком, и я собираюсь делать то же самое весь день.

Я понял, что она ушла даже раньше, чем добрался до квартиры. Думаю, что знал это с того момента, как она не ответила на мой звонок. Я открываю дверь, тишина оглушает. Острое ощущение тяжести появляется у меня в груди. Я прохожу на кухню, на столе лежит письмо. Я не смотрю на него, а выхожу на балкон. Сажусь на стул, и кладу ногу на ногу на перила.

Закуриваю сигарету и затягиваюсь. Дым заполняет мои легкие. Я медленно выдыхаю. У меня нет ни одной мысли, только дым. Закончив курить, я тушу сигарету и возвращаюсь на кухню.

Я беру ее письмо и читаю. Она пишет нежно, аккуратным почерком. Таким же, как и она сама.

Привет, Шейн,

Прежде чем я уйду, я хотела сказать тебе, что все было прекрасно, и мне очень хорошо было с тобой. Ты самый красивый и приятный мужчина, которого я когда-либо знала.

Я хочу поблагодарить тебя за попытку помочь мне, но самое важное, я хочу поблагодарить тебя за то, что ты вернул меня к жизни, ты вернул меня из мертвых. Если бы ты не появился в моей жизни... я даже не хочу думать об этом. Ты, как одинокая звезда, которая ярко светит темной ночью.

Я возвращаюсь в Индию. В конце концов, это мой дом. Там я буду в безопасности.

Береги себя и еще раз спасибо тебе за все. Я никогда не забуду, что ты для меня сделал.

С наилучшими пожеланиями, Сноу

P.S. Я не врала ни в чем. Я имею в виду, каждое слово, которое я говорила тебе, было правдой.

Я выпускаю листок из пальцев, и он, паря, падает вниз по поверхность стола, я направляюсь в спальню. Сажусь на кровать и беру ее подушку, зарываюсь в нее лицом. Я глубоко вдыхаю ее запах. Я должен был понять, что она проснулась прошлой ночью. Я был слишком погружен в свой план, что не заметил этого.

Как она сможет полететь в Индию? У нее нет денег.

А потом улыбка расплзается у меня на губах. Она же припрятала деньги. Хорошая девочка. И хотя я испытываю резь, словно меня режут ножом из-за того, что она ушла, я рад, что ей ничего не угрожает. Лучшее место для нее в этот момент — быть как можно дальше отсюда.

Я опускаю подушку на кровать и перевожу взгляд на часы. В три у меня назначена встреча с Ленни. Я верну ее назад. Ее отсутствие временно.

Любой ценой.

Опасайся...
Остерегайся...
Моей жажды мести
И моей ярости

Махмуд Дарвиш

Он восседает за своим столом, держа сигарету между губ и прищурившись смотрит на меня. Сигаретный дым поднимается между нами. Он поднимает руку и тошнотворное белое мерцание его кожи, заставляет меня вспомнить, как он прикасался к ее телу, и в мгновение ока, прежде чем я могу остановить свои мысли, они несутся галопом, как жеребцы в период гона. Я представляю, как он сверху опускается на ее тело, как толкается в ее киску. Как его уродливые пальцы сжимают ее маленькую попку, когда он входит в нее. У меня начинает крутить живот от ревности, я никогда не испытывал такую ревность раньше. Я хочу, бл*дь переломать ему челюсть, этому самодовольному ублюдку.

Он бесстрастно смотрит на меня.

— Чего ты хочешь, Иден?

— Ты уже знаешь, чего я хочу, — прохладно отвечаю я.

Он смеется, смех похож на скрежет старого дерева.

— Ты такой самоуверенный мудака. Думаешь, можешь прийти сюда и требовать, чтобы я отдал тебе *свою женщину*? Ты думаешь кто она? Дешевая бутылка виски, которую я могу передать тебе? Да?

— Она не твоя женщина, — спокойно отвечаю я.

— Если она не моя женщина, то какого хера ты пришел сюда, прося моего благословения, чтобы продолжить ее трахать?

— Я пришел сюда, потому что ты мудака, Ленни.

Его глаза сверкают злобой, но голос остается вежливым.

— Ты родственник Джейка, поэтому я не пропущу мимо ушей это оскорбление, но предлагаю тебе остановиться прямо сейчас. Иначе, все станет намного хуже, причем в ближайшее время, и прежде чем ты что-либо поймешь, начнется откровенная война.

Я подаюсь вперед.

— Она не любит тебя.

— Мой пиджак тоже не любит меня. Но он мой, и я использую его всякий раз, когда мне это необходимо.

Его насмешливый тон и слова рассчитаны вывести меня из себя. Я разжимаю руки. Он не доберется до меня.

— Ну, она не пиджак. Она женщина, и она может решать, с кем хочет быть.

— Позволь, кое-что тебе рассказать, почему она принадлежит *мне*, — говорит он обычным тоном, словно собирается рассказать мне забавный анекдот. — Когда она подползла к моим ногам и умоляла помочь, все ее тело было покрыто синяками и следами от укусов. Остались даже следы от их пальцев у нее на скулах, когда они держали ее лицо, еб*я ее в рот. Они заполнили ее своей спермой до краев. Когда ее вырвало, я видел комки, которые из нее выходили.

Я бледнею, и он видит это.

— Вау.. я расстроил тебя, красавчик. Пошел ты на х*й. У нее было кровотечение из задницы. Она орала, когда ходила в туалет. Ее п*зда была настолько опухшей, что она не могла ходить несколько дней. Она была похожа на немного ребенка, неделями передвигаясь по комнате. Я выхаживал ее. Я купал ее, бл*дь, в ванной, потому что она даже не думала, что

нужно мыться, мудака.

Он останавливается и подается вперед.

— Она просыпалась в середине ночи, крича и молотя руками и ногами, потому что ей снились кошмары. Иногда она даже не узнавала меня. Она стала сумасшедшей. Однажды она выбежала на улицу голышом в середине зимы. Я побежал за ней, догнал и скрутил, принес обратно. Я не буду рассказывать всего, что пережил с ней. Она была как покалеченная птица. Совершенно беспомощна. Я мог бы сделать с ней все, что хотел, но я ее не трогал месяцами. Так что нечего приходить сюда со всей своей молодой наглостью и притворяться, будто бы ты знаешь, как лучше стоит о ней заботиться только лишь потому, что ты трахнул ее несколько раз. Потому что ты, на самом деле, ни х*я не знаешь. Ты не знаешь, что мы пережили с ней вместе.

Он горько смеется.

— Впервые в жизни я почувствовал жалость к кому-то другому. Она что-то разбудила во мне. Говорят же, что даже самый законченный убийца имеет в своей душе Божественную искру. Она коснулась моей искры. Во мне что проснулось.

По какой-то странной причине, на самом деле, я верю ему, он, действительно, говорит правду. Он по-своему выхаживал и заботился о ней.

— Если ты, действительно, переживаешь за нее, дай ей свое благословение. Пусть она будет счастлива.

— С тобой?

— Да, со мной.

Он косится на меня.

— Почему? Потому что тебе нравится вкус ее киски? А?

У меня сжимается челюсть.

— Не говори о ней так.

— Посмотри на себя. Думаешь, ты разобрался уже со всем и все понял. Думаешь, что все, что касается ее это только забота? Ты готов встречаться с ее прошлым постоянно? Готов сидеть на самом виду в шикарном ресторане, когда она замирает, как чертова статуя, или хуже того, начинает рыдать в голос, хотя на самом деле, для этого нет никаких причин? Готов гнаться за ней в мороз, когда она голышом выскакивает на улицу? Готов к ее слезам, когда она начинает вдруг рыдать, пока ты трахаешь ее?

Желание врезать ему настолько сильное, заткнуть его поганый рот, настолько сильное, что я сжимаю кулаки и с трудом заставляю себя усидеть на месте. Я делаю глубокий успокаивающий вдох. Я не позволю ему вывести себя из равновесия. Несмотря ни на что, у меня есть цель, и я не позволю ничему и никому встать на своем пути.

— Я здесь не для того, чтобы ты мне давал советы, как строить отношения, Ленни.

— Ты молодой и рьяный парень. Что ты знаешь об отношениях? Ты думаешь, я не знаю о тебе *все*? Скажи-ка мне, сколько по времени продолжалась твоя самая длинная связь?

— Она — совсем другое. Точно так же, как в тебе загорелась искра, она загорелась и во мне от ее присутствия, она затронула что-то во мне тоже.

Он смеется, но видно, как ярость клокочет у него внутри.

— Да, уверен, что ты тоже ей поверил.

— Неважно, что ты думаешь, — тихо говорю я. — Я не собираюсь тебя ни в чем убеждать. Я пришел сюда за видеокассетами.

— Что за видеокассеты? — спрашивает он, но я вижу обманчивый блеск в его глазах,

который он не успевает скрыть от меня.

— Видеозапись в лифте, которая записывают всех клиентов отеля второго этажа.

— С чего ты решил, что такая видеозапись вообще существует? — спрашивает он.

Я в упор смотрю на него.

— Ты забыл, мы знаем одних и тех же людей, что и ты. Все знают, что у тебя стоят камеры в лифте.

Он невозмутимо смотрит на меня.

— Кассеты — это моя собственность. Как и Сноу.

— Тебе следовало передать их в полицию. Это воспрепятствование осуществлению правосудия.

В его глазах виден неприкрытый гнев.

— Ты мне угрожаешь, мальчик?

— Нет, у меня меньше причин отдавать эти кассеты в полицию, чем у тебя. Я хочу, чтобы эти люди получили сполна.

Его глаза поблескивают.

— Мсть. Да, я думал об этом. Но мне показалось, что это напрасный труд, когда уже имеешь синицу в руках. Я даже, в какой-то степени, должен их поблагодарить.

— Просто отдай мне эти чертовы кассеты. Ты все равно ими не воспользуешься.

Он качает головой.

— У тебя видно стальные шары, что ты пришел ко мне с такой просьбой. Кем, мать твою, ты себя возомнил?

Пора заканчивать играть с этим дерьмом. Есть только один путь справиться с психопатом. И главное не сочувствовать его рассказу и не показывать ему своей слабости. Единственный способ справиться с психопатом — дергать за его ниточки жадности.

— Ты в курсе той отличной сделки, в которую вклинился в Амстердаме?

Его глаза тут же становятся серьезными.

— Я инициировал эту сделку, — говорю я. — Если у тебя возникла какая-нибудь идея выбить меня из игры, я выбью у тебя землю из-под ног. Русские получают по два миллиона евро и угадай-ка, кого они будут преследовать? Сколько вздохов ты сможешь совершить, прежде чем они поймают тебя?

Ленни натянуто улыбается и кивает.

— Хорошо играешь, мальчик. И ты сделал это все ради нее?

— Да.

— И ты хочешь моего благословения?

— Нет, я не нуждаюсь в твоём благословении, Ленни. Я знаю, кем ты являешься на самом деле. Ты нашел покалеченную птицу, но ты не отнес ее ветеринару, чтобы он смог правильно ее вылечить, ты даже не попытался наказать уродов, которые ее покалечили. Ты принес ее в свой дом-клетку, надеясь, что она никогда не может снова летать. Ты сделал все, чтобы у нее не было друзей, чтобы у нее не было никого, кто мог бы ее поддержать, кроме тебя. Так что не надо мне вешать свое дерьмо о том, как сильно ты любил ее. Ты ничего не сделал для нее, не преследуя свои собственные эгоистические цели.

— Ее будет так легко сломать.

Я подхожу к его столу и упираюсь ладонями о край. Угрожающе подаюсь всем телом вперед, нависая над ним.

— Попробуй, — тихо говорю я. — Только бл*дь попробуй, и я, бл*дь, сожгу и уничтожу

все, что принадлежит тебе, я устрою тебе настоящий ад.

Он бледнеет, но смотрит на меня с презрением.

— Ты думаешь, что я тебя боюсь?

— Тебе стоит. Я скажу тебе только один раз: теперь она моя. Встанешь на моем пути, и я сломаю твою чертову шею своими собственными руками.

Он приближает свое перекошенное злобой лицо к моему.

— Ты *баный дурак, Шейн. Ты только выйдешь отсюда, ты уже покойник.

Я смотрю ему в глаза совершенно без эмоций.

— С того момента, как я перестану дышать, ты станешь ходячей бомбой с часовым механизмом. Ты хочешь войны, Ленни, я предоставлю тебе войну. Или ты просто отдашь мне кассеты, и мы разойдемся. У тебя будет твое выгодное дело в Амстердаме, у меня будет месть.

— А женщина?

— *Моя*, — наотрез говорю я.

— А если я скажу нет? — он явно прощупывает почву.

— Тогда это война, и мы оба проиграем. Я не отдам ее. Ты не получишь эти прекрасные миллионы, и мы оба очень разозлим русских, но думаю, они будут больше ненавидеть тебя, чем меня.

— Убирайся из моего кабинета, — с возмущением орет он. У него даже вены на шеи вздулись.

— Без кассет не уйду.

Он подлетает к сейфу, открывает и извлекает две кассеты. Они стянуты вместе резинкой. Он намеренно бросает их на стол таким образом, что заскользив по поверхности, они падают на пол вместе с его ручкой. Я наклоняюсь и поднимаю. Медленно кладу ручку обратно на стол.

Я смотрю прямо в его глаза, наполненные яростью.

— Конечно, мои ребята будут работать в контакте с твоими сотрудниками, проверяя записи того дня, и они никак не ожидают встретить холодный прием.

— Ты получил свои кассеты. Теперь убирайся из моего кабинета, — огрызается он.

— Еще увидимся, — отвечаю я, покидая его кабинет. За дверью, его телохранители косо поглядывают на меня.

Пятнадцать часов спустя я приземляюсь в Калькутте.

С тяжелым сердцем я обмениваю деньги и выхожу из сверкающего нового аэропорта Chandra Bose. Снаружи беру такси. Водитель улыбочивый, веселый мужчина.

— Чемоданов нет? — спрашивает он по-английски.

— Нет, — отвечаю я ему.

Я называю адрес, и он заводит мотор. Он пытается вовлечь меня в разговор, задавая интересующие его вопросы, но я отвечаю односложно, и через некоторое время он начинает что-то петь себе под нос.

Я поглядываю в окно на пыльные щиты, деревья, которых не видела раньше, на толпы людей и машин, сигналившие без остановки, и я вспоминаю нелестные замечания своей матери, пока я росла здесь.

Она всегда говорила, что Калькутта — это гигантская мастерская, грязная, покрытая жиром, и здесь нет такого понятия, как чистота, белоснежная чистота. И, возможно, она права. Я замечаю, что нет ни одного белого дома, и люди тоже не носят белоснежных одежд, но, возможно, для этого города белое это слишком. Сердце этого города бьется так же сильно, даже сильнее, чем в Лондоне.

Водитель такси останавливает свою пылящую машину у ворот моего дома, я отдаю ему деньги и выхожу. Он уезжает, а я подхожу к воротам. Заперто.

Я стою у ворот, вцепившись в металлические прутья, и смотрю на дом. Я не была здесь около года, но мне кажется уже так давно, поэтому всматриваюсь в свой дом со стороны, вспоминая, таким ли он запечатлелся у меня в памяти. Здесь ничего не изменилось. То, что произошло в номере отеля было кошмаром. Ленни является частью этого кошмара. А Шейн просто несбыточная мечта.

Конечно, я никогда не смогу быть с таким мужчиной, как Шейн, хотя и околдована им полностью.

Я вижу зеленый, идеально подстриженный газон, идеально ровные клумбы, но я словно заморозилась у ворот, тупо пялюсь на участок, но появляется садовник Купу со шлангом. Сначала он не видит меня. Затем поднимает глаза, потом опять смотрит на свой шланг, а потом он более внимательно приглядывается ко мне. От удивления он открывает рот и спешит к воротам.

— Сноу, Сноу, — радостно кричит он.

И на мгновение мое сердце, наполненное печалью, начинает радостно биться. Я люблю Купу. Это моя настоящая семья — Купу, Читра и Виджайя, наш повар. Я скучала по ним. Трясущимися руками он отпирает замок ключом из связки, свисающей с его потертого и разодранного ремня.

Он открывает ворота, и я вхожу.

Он складывает ладони в молитвенном жесте. Его глаза мокрые от слез.

— Как ты? — спрашиваю я.

— Я так рад, что ты вернулась домой. Без тебя все по-другому, — с грустью отвечает он.

— Как папа и мама?

— Твой папа совсем одинок. Очень исхудал, но не хочет идти к врачу. Все свое время

проводит в своей комнате, смотрит телевизор, — он опускает голос до шепота. — Твой брат вернулся домой.

Я вздыхаю.

— Спасибо, что предупредил, — я дотрагиваюсь до его худой, морщинистой руки. — Я зайду к тебе позже, ладно?

Он вдруг крепко хватает меня за руки.

— Хорошо, девочка. Не волнуйся, Бог все видит.

Мне хочется разрыдаться. Бог ничего не видел, он позволил всему случиться.

Я иду по направлению к портику дома. Машина моего отца стоит в гараже. Я открываю тяжелые балийские двери, покрытые замысловатой резьбой, и попадаю в прохладное помещение, дом моей семьи. Внутри меня пустота, у меня такое чувство, будто я никогда не покидала этих стен. Я прохожу дальше в комнату, мой брат поднимает голову от дивана, внимательно пару секунд разглядывает меня, потом приподнимается на локте.

— Ну и ну, блудная дочь вернулась, — с сарказмом говорит он.

Я иду к нему. Он просматривает какой-то спортивный журнал и ест арахис. Он откладывает журнал в сторону.

— Ты вернулась насовсем?

Я киваю.

— Почему?

Я пожимаю плечами.

— Просто так решила.

Его глаза блестят злобой.

— Улицы Лондона не вымощены золотом, так ведь?

— Они также вымощены золотом, как и улицы Канзас-Сити, — парирую я в ответ.

Он смотрит на меня с раздражением.

— Это не моя вина. Американцы все настолько тупые.

— Правда, неужто *все* американцы?

— Да, они все такие же глупые, как и ты, — говорит он, очищая очередной орех и закидывая его в рот.

Мой брат никогда не изменится. Ему всегда будет наплевать на других людей. Я смотрю на него, как он чистит и жует орехи.

— Где папа?

— А где ты думаешь он может быть?

Дальше вести дискуссию нет смысла. Чем дольше я буду оставаться с ним, тем больше возрастает вероятность, что мы в конечном итоге разругаемся. Я отворачиваюсь и иду к лестнице.

— Эй, ты так и не сказала, что случилось с твоей большой мечтой, стать учителем в Англии?

— Кто тебе это рассказал?

— Это же очевидно, мать.

— Понятно.

— Значит, ты не смогла устроиться даже в качестве дошкольного учителя, — со злорадством констатирует он.

— Нет, не смогла, — растерянно отвечаю я.

— Тебе не стоило возвращаться сюда. Здесь абсолютно ни х*я делать. И не строй планы

остаться здесь навечно. Я пытаюсь уговорить мать продать этот дом и купить поменьше для нас троих. А оставшуюся часть денег хочу пустить на свой бизнес.

Я молча поднимаюсь по лестнице и стучу в дверь комнаты отца. Даже снаружи я слышу, как орет телевизор.

— Кто там? — с раздражением рычит отец.

Я открываю дверь и вхожу в комнату.

Он хмуро и раздраженно смотрит на меня, потом поднимается из кресла и удивленно восклицает:

— Сноу?!

Купу был право. Отец очень похудел, лицо осунулось, рубашка висит на нем как на вешалке.

— Да, это я, папа.

Он шарит по низкому столику в поисках пульта, выключает телевизор и поворачивается ко мне, с нетерпением интересуясь:

— Когда ты приехала?

— Я прилетела.

— Но почему ты нам не сообщила? Как ты добралась из аэропорта? Мать знает?

— Папа, я взяла такси из аэропорта, нет, мама не знает. Это было скоропалительное решение — приехать домой.

— У тебя все нормально? — обеспокоенно спрашивает он.

— Да, все в порядке.

— Уверена? — хмурясь, настаивает он. — Я... имею в виду, мы так волновались за тебя.

— Да, папа. Ты же видишь, что со мной все хорошо.

Он несколько раз кивает.

— Входи. Входи. Посиди со мной. Ты устала? Ты хочешь что-нибудь поесть? Виджайя может приготовить тебе.

Я сажусь рядом с ним.

— Нет, я не устала. Я спала в самолете и не голодна. С тобой все в порядке?

— Да, все хорошо, — он внимательно смотрит на меня и вздыхает. — Ты уехала ребенком, а вернулась женщиной. Мужчина, не так ли?

— Да, — шепчу я.

Он прищуривается.

— Ты беременна?

Я отрицательно качаю головой.

— Уверена?

— Да, уверена.

— Слава Богу. Ох, слава Богу, — говорит он с облегчением.

Я чувствую, как у меня глаза наполняются слезами.

— Не беспокойся, Сноу. Я найду тебе хорошего мужа. Ты молода и красива. Многие мужчины из хороших семей будут готовы взять тебя в жены. Никому не говори о человеке, обманувшем тебя. Знаешь, как это бывает. Люди начнут судачить. Чем меньше знают, тем лучше.

— Ох, папа. Никто меня не обманул. И я не хочу, чтобы ты искал мне хорошего мужа. Мне нужно некоторое время побыть дома, а потом я найду квартиру и уйду.

— Квартиру? Из моего дома? Что за западный бред? Ты моя дочь и ты останешься здесь

до тех пор, пока не выйдешь замуж.

— Ох, папа, — вздыхаю я.

Он берет меня за руку.

— Это твой дом. Пока я жив, у тебя есть этот дом и он здесь. Никто не сможет тебя выгнать отсюда, — отец громко выдыхает.

— Я скучала по тебе, папа.

Он медленно кивает.

— Я все испортил, Сноу, сделав полный бардак. Знаешь, что когда ты родилась, всегда узнавала мой голос? Ты не могла отвести от меня своих больших, зеленых глаз и все время смотрела на меня. Но у меня всегда не хватало на тебя времени. Я был слишком занят. И ради чего? Я все равно все потерял. Теперь я сижу здесь, в этой маленькой комнате, с включенном на полную мощность телевизором и притворяюсь, что зол на весь белый свет, чтобы никто ко мне не входил. Я старый дурак.

— Ты не старый дурак, папа, — с грустью говорю я.

— Нет, именно старый дурак. Никто не знает о скольким я сожалею, кроме меня самого. Теперь иди, тебе нужно повидаться с матерью. Она будет очень рада, что ты вернулась домой.

— Я увижусь с тобой за обедом, да?

— Да, да, — тихо говорит он.

Я встаю и целую его.

Я выхожу из комнаты отца, закрываю дверь и вижу маму, идущую по коридору. Она одета в халат. Она останавливается на пол шаге. И смотрит на меня расширенными от удивления глазами.

— Привет, мам.

Она приходит в себя и подходит ко мне. Она совершенно не изменилась за год. Она осталась такой же красивой и такой же отчужденной, как и тогда.

— Ты выглядишь по-другому, — говорит она, внимательно рассматривая меня. — С тобой что-то произошло...

Я опускаю глаза.

— Что-то плохое, — говорит она.

Я быстро выдыхаю и поднимаю на нее глаза.

— Да, но сейчас я в порядке.

— Расскажи мне, что с тобой случилось, — сурово говорит она.

Я отрицательно качаю головой.

— Ох, мам. Ты знаешь, что со мной случилось, — несмотря на то, что я пытаюсь держать себя в руках, мой голос срывается.

— Я предупреждала тебя, но ты всегда была слишком своевольной, слишком непокорный, слишком умной, — ее тон звучит холодно и неумолимо.

А потом я замечаю по ее лицу — ей совсем не жалко меня. Она рада, что меня наказали. Я действовала импульсивно, и за это я получила наказание.

— Ты не против, если я поживу здесь некоторое время? — тихо спрашиваю я ее.

— Конечно. Куда еще ты можешь пойти?

— Спасибо, мам.

— Я скажу Виджайе, чтобы она приготовила для тебя место за столом. Почему бы тебе не принять душ и немного освежиться? Позже мы можем поговорить. Я так давно не была в

Лондоне.

И она уходит. Я смотрю ей вслед. *«Что же я такое совершила, что ты так меня ненавидишь?»*

Я знаю, что мое пребывание в родительском доме будет недолгим. У меня еще осталось немного денег, и мне нужно как-то выбраться в город и найти там работу. Я все-таки лелею мысль потом снять квартиру. И я не оставила свою мечту и у меня хватит сил ее осуществить. Я все-таки стану воспитателем, учителем дошколят.

Я вспоминаю Шейна. У меня такое чувство, словно он из другого мира. Интересно, что он делает сейчас, и тут же я ощущаю, режущую боль в груди. Я достаю его фото и смотрю на него. *«Все ли с тобой в порядке? В безопасности ли ты, дорогой?»* Я провожу пальцем по его подбородку, опускаюсь ниже и провожу пальцем по его телу, слезы наворачиваются у меня на глазах.

О, Шейн, Шейн, дорогой Шейн.

Я захожу в прокуренную комнату, в глубине Chili Club, Ленни уже ждет, сидя за столом. Я закрываю дверь, он поднимается и идет мне навстречу.

— Как ты? — спрашивает он, пожав мне руку и приглашая сесть. Его дружелюбие не вводит меня в заблуждение и не застанет врасплох. Я общаюсь с Ленни уже довольно долго и знаю его хорошо. Он приветлив и дружелюбен, но тут же может воткнуть тебе нож в спину.

— Хорошо. А ты?

Уголки его рта опускаются.

— Пока не жалуясь.

Я сажусь, откинувшись на спинку кресла, и наблюдаю как он занимает свое место за столом. Он открывает серебряный портсигар и протягивает его мне. На самом деле, я бросил курить. Но сейчас я хочу вспомнить те далекие времена. Я протягиваю руку и беру сигарету. Он открывает свою черную зажигалку. Я наклоняюсь вперед и затягиваюсь, в воздухе разносится еле уловимый аромат вишни.

— Спасибо, — говорю я и откинувшись назад на спинку, глубоко затягиваясь.

Он прикуривает свою сигарету и тоже откидывается на спинку кресла. Я наблюдаю за ним, как он затягивается и выдыхает. Его глаза встречаются с моими через пелену дыма.

— Как в старые времена, да? — говорит он.

— Да, как в старые времена, — повторяю я, совершенно невозмутимо.

— Чего ты хочешь, Джейк? — хитро поблескивая глазами, спрашивает он.

— Мой брат приходил к тебе?

— Да, — говорит он. — Мы пришли к соглашению.

Я не подаю вида, что не знаю о соглашении, но глубоко внутри себя чувствую гордость и радость. Я пришел сюда, предполагая, что придется торговаться, угрожать и даже, если потребуется убить ублюдка при необходимости, но Шейн уже все уладил. Мой младший брат, однозначно, вырос. Он прошел свой собственный бой и выиграл. Как, черт возьми, ему это удалось?

Я опять затягиваюсь.

— Хорошо. Значит между нами мир.

Он откидывает голову назад, посмеиваясь, словно мысль о войне между Иденами и им, ему никогда не приходила в голову.

— Ты же меня знаешь. Я не держу обид.

Даже знаю почему. Потому что Ленни всегда будет мстить, пока не удовлетворится, получив тело обидчика.

— Да, ты прямой парень, Ленни.

— Я бы никогда не стал вредить твоей семье, Джейк.

Я внимательно смотрю ему в глаза.

— Конечно, ты слишком умен, чтобы на это пойти.

Он тушит окурок в пепельнице.

— Война между нами, никому не принесет пользы. Борьба мафии — это всегда нелегкий путь, а?

— Он молод, надеюсь, он не слишком далеко зашел с тобой? — спрашиваю я.

У него вылетает какой-то кудахтающий смех.

— Слишком далеко? Шейн? Ты его не дооцениваешь.

Я молчу, делая еще одну затяжку, медленно выдыхая. Вдруг я начинаю волноваться. Во что ввязался Шейн? Что он мог такое предложить Ленни, чтобы тот остался доволен? Я ожидал увидеть его, харкающим кровью от ярости.

Я хмурюсь.

— В чем именно заключается ваше соглашение?

— Расслабься, Джейк. Он весь в вашу породу. Он не зашел слишком далеко. Проблема, на самом деле, не такая уж и большая. Я был рад отдать ему ее. Она порченный товар. Я держал ее как акт благотворительности, — он хитро посматривает на меня. — Он помог мне получить одну очень выгодную сделку.

Он поглядывает на кончик сигареты.

— И твой парень познакомил меня с двумя лучшими шлюхами, которых я когда-либо имел. Я займусь ими обеими в эти выходные. Одна из этих чертовых сук феноменально гибкая. Она может даже отсосать свою собственную киску.

Он внимательно смотрит на меня, присутствует что-то пугающее в его глазах. Я отчетливо это вижу.

— Могу дать тебе их номер телефона, если хочешь?

У меня появляется кислый привкус во рту. Удивительно, что совсем недавно это была моя жизнь. Словно все это было не со мной, и конечно, не со мной сейчас. Я тушу окурок в пепельнице на столе.

— Спасибо, но я пас.

Ленни пялится на меня своими пустыми глазами. Я чувствую, что он что-то скрывает. Это дерьмо, что он оставил у себя Сноу, в качестве акта благотворительности, даже моя четырехлетняя дочь смогла бы раскусить мгновенно. Шейн что-то имел на него, но я не хочу знать, насколько далеко Шейн зашел. Он сделал то, что должен был сделать. Мне же нужно знать одно, что Ленни не таит на него обиду. И я должен быть уверен, что никакой мести с его стороны не последует, поэтому я поднимаюсь.

— Увидимся, Ленни.

— Передай мои сожаления Сноу, — говорит он.

Я разворачиваюсь и прищурившись внимательно смотрю на него.

Он медленно улыбается.

— Неудачная шутка, — говорит он.

Я открываю дверь и выхожу, надеясь больше никогда не ступать ногой в его клуб.

Я стою за воротами дома ее родителей. Здесь имеется колокольчик, но до того, как я собираюсь позвонить, мужчина, похожий на скелет, в старой заношенной рубашке и мешковатых брюках, заляпанных пятнами, появляется в саду и идет ко мне. Его лицо испещрено морщинами, и между губ он сжимает палочку для чистки зубов. Он останавливается в полу метре от ворот и обеспокоенно оглядывает меня.

— Сноу. Сноу дома? — спрашиваю я с дружелюбной улыбкой.

И вдруг его лицо радостно озаряется. Энергично не переставая кивать, он открывает ворота и впускает меня. Я жду, пока он их закроет, потом машет мне рукой, чтобы я следовал за ним. Он открывает входную дверь в дом, сбрасывает свои резиновые шлепки и многозначительно смотрит на мою обувь.

— Конечно, — говорю я, снимая ботинки.

Он ведет меня внутрь дома и указывает рукой на диван. Я сажусь, и он тут же исчезает. Я оглядываюсь вокруг. Интерьер выполнен в балийском стиле, красивая деревянная мебель и два вентилятора, лениво вращающиеся под потолком. Я подхожу к окну.. и тут же замечаю ее.

Она сидит в саду, на качелях, прикрытых сверху тентом, и читает книгу. Я разворачиваюсь, собираюсь отправиться к ней, и встречаюсь с блондинкой где-то за сорок, стоящей у входа в комнату. Она красива в своей красоте, и хотя трудно найти двух женщин настолько разных, но я сразу понимаю, что она — мать Сноу. Она хозяйка этого дома, холодная и чувствуется суровая. Ее глаза с пренебрежением оценивающе окидывают меня. Ой, мать твою! Футболка и джинсы. *«Шейн, мальчик мой, твой вид явно не в твою пользу»*. Ее взгляд тут же потеплел, если бы ты предстал перед ней в сшитом на заказ костюме с часами Rolex.

Она заходит в комнату.

— Вы ищете мою дочь, верно? — спрашивает она с сильным британским акцентом, видно испытывая большую гордость, что она англичанка и пытается сохранить свой язык, несмотря на то, что столько лет прожила в этой стране.

— Добрый вечер, Миссис Дилшау.

Она слегка наклоняет голову, чтобы показать, что я прав.

— Боюсь, понятия не имею, кто вы.

— Я Шэйн Иден.

— Присаживайтесь, мистер Иден.

Я иду к дивану, с которого только что встал. Она изящно садится на другой напротив меня.

— Могу я поинтересоваться, что вы хотите от моей дочери?

Я улыбаюсь своей самой лучезарной улыбкой.

— Я думаю, вы могли бы сказать, что я пришел просить руки вашей дочери.

Ее глаза тут же становятся враждебными.

— Моя дочь сбежала от вас?

— Нет. Она неправильно истолковала ситуацию. Я пришел объясниться.

— Боюсь, это невозможно, мистер Иден.

Я хмурюсь.

— Почему?

— Здесь не Лондон, мистер Иден. У нас другие обычаи. Некоторые... тонкости должны быть соблюдены. Репутацию так легко разрушить. Отец Сноу как раз подыскивает ей жениха и находится в стадии переговоров. Я надеюсь, что вы поймете, насколько нежелательно будет ваше присутствие здесь для нее. Сожалею, что вы проделали такой бесполезный путь, но, боюсь, вы не сможете увидеть мою дочь.

— Я прекрасно вас понимаю. Спасибо, что вы так откровенны со мной, — говорю я вставая.

Она тоже поднимается, но в ее глазах читается изумление. Она не ожидала такой легкой победы.

Я направляюсь к входной двери, она следует за мной по пятам.

Худющий мужчина сидит на крыльце. Завидев меня, он поднимается на ноги и бежит к воротам. Я надеваю ботинки.

— До свидания, миссис Дилшау, — через плечо говорю я и направляюсь к воротам. Старик открывает их передо мной. Стоит мне сделать шаг за пределы их дома, он сразу же закрывает их на замок. Ее мать все еще стоит у входа в дом. Я машу ей рукой. Она не отвечает взаимностью. Я благодарю старика и иду вдоль ограды.

Я останавливаюсь у конца стены, которая принадлежит семье Сноу. Затем, молюсь, чтобы они не держали сторожевых псов, перелезаю через соседскую стену и приземляюсь в чужой сад. Я быстро бегу вдоль стены, которая отделяет два поместья, в уме просчитывая то место, где я видел Сноу на заднем дворе, только с противоположной стороны забора.

Я опускаю руки на верх стены и подтягиваюсь, опять приземляюсь на упругий, идеально подстриженный газон миссис Дилшау. Через двадцать шагов я вижу Сноу, покачивающуюся на качелях с тентом. У нее на коленях лежит открытая книга, но она смотрит куда-то далеко вдаль. На ней одет какой-то новый индийский костюм, длинный в теплых зеленых тонах верх и брюки из такого же материала. Ее волосы спускаются по спине, заплетенные в длинную косу.

Но она выглядит уязвимой и потерянной.

Я стою и наблюдаю за ней, испытывая боль в груди, и вспоминаю ролик National Geographic про двух слонов, воссоединившихся после двадцатилетней разлуки. Поскольку никто не знал, как слоны отреагируют на встречу, встреча произошла в сарае, разделяя их друг от друга толстыми металлическими решетками. Молодой сильный слон, стоявший перед металлической решеткой, через щель просунул свой хобот, глядя и обнимая другого слона, их желание приблизиться друг другу было настолько сильным, что они согнули прутья металлической решетки.

И сейчас у меня именно такое чувство.

За нее я могу согнуть любую металлическую решетку, чтобы только быть рядом. Обнять, прижать к себе и никогда не отпускать. Я хочу увести ее в свой гостиничный номер и снова заклеить, но я не буду делать этого. Слова ее матери до сих пор крутятся у меня в голове. Только ради Сноу я должен помнить, что здесь совсем другие уклады. Я иностранец. Белый человек. Я не хочу, чтобы ей было стыдно за меня. Я не знаю, что она рассказала им обо мне. Я делаю несколько шагов в ее сторону, пока она меня не видит. Она совершенно потерялась в своих собственных мечтах.

— Привет незнакомка, — произношу я.

Она подпрыгивает на качелях, книга падает на траву, всплеснув руками, она сцепляет ладони вместе на груди. Наши глаза встречаются. Ее глаза выглядят огромными, круглыми и блестящими, как у испуганного кота. Но ее взгляд наполнен непередаваемой радостью, у меня тут же возникает настолько сильное желание бросить ее на траву и заняться с ней любовью, я с трудом сдерживаю себя.

Она открывает рот и лепечет:

— Как... почему... как ты здесь оказался?

Я делаю еще один шаг к ней.

— Угадай.

Она отрицательно качает головой, смущаясь, в полном недоумении.

— Как ты меня нашел?

Я пожимаю плечами и еще ближе приближаюсь к ней.

— Помнишь, я же видел твой паспорт, когда мы были во Франции? Кроме того, Элизабет Дилшау не так уж трудно найти в Индии.

— Но как ты сюда попал?

— Я перелез сначала к твоему соседу, а потом залез к вам.

— Что ты сделал?

— А чему ты собственно удивляешься? — улыбаюсь я. — Если говорить иносказательно, я поднимался в горы и пересек моря, чтобы добраться до тебя.

Она не улыбается.

— Ты не должен вступать из-за меня в войну с Ленни. Я не хочу, чтобы ты участвовал в этом противостоянии, Шейн.

— Войны с Ленни не будет.

— Но он все равно не оставит все как есть, он причинит тебе вред, если узнает.

— Я скажу тебе кратко — я уже позаботился о Ленни.

Она с подозрением прищурившись посматривает на меня.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я небрежно пожимаю плечами.

— Он дал нам свое благословение.

Она смотрит на меня недоверчиво.

— Этого просто не может быть. Ленни никогда не даст нам своего благословения.

— Тебе разве недостаточно моего слова, если я скажу, что так оно и есть?

Она морщится.

— Как такое может быть?! Я знаю его. Я видела, как он поступает. Даже Джейк предупредил тебя, насколько мстительным он может быть.

— Шшш..., шшш ты опять подслушивала у дверей, — между прочим замечаю я.

— Что ты с ним сделал? — тут же спрашивает она.

Я подхожу и опускаюсь на корточки перед ней. Я беру ее маленькие ручки в свои.

— Я не дотрагивался до него, если ты спрашиваешь об этом. Давай просто скажем, что мы пришли к общему соглашению.

Она морщится.

— Ты говоришь об этом так легко. Этого не может быть. Ленни очень злопамятный, я знаю. Ему нравится убивать людей.

— Ленни — психопат. Самый алчный гад, которого я знавал во все времена. Он кое-что хотел, и он хотел этого больше, чем то, что хотел я. Поэтому мы совершили обмен, если

можно так выразиться. Кроме того, он прекрасно понимает, что война с Иденами оставит только кровь и скорее всего его.

— И что нам теперь делать? — тихо спрашивает она, я почти не слышу ее вопроса. Я вижу, как дрожит все ее тело через тонкий материал наряда, и я вспоминаю, как точно также она дрожала каждый раз, когда хотела меня в Сомюре. Я внутренне улыбаюсь.

— У тебя есть мечта. Ты должна ее осуществить во что бы то ни стало. А для этого тебе придется вернуться в Англию со мной.

— Просто уехать. Вот так?

Я улыбаюсь во все зубы.

— Мы можем поцеловаться.

Она нервно оглядывается вокруг. Но мы одни, никого нет рядом, но она отрицательно качает головой.

— Это было бы плохой идеей.

— Кстати, я познакомился с твоей мамой.

— Когда?

Я опять улыбаюсь.

— Прежде чем перелез через стену. Я попробовал войти в ворота и через дверь, но твоя мать меня отшила, — я меняю голос, перехожу на фальцет. — Это не Лондон, мистер Иден. Некоторые тонкости должны быть соблюдены.

Она хихикает в ответ.

— Она также сообщила, что твой отец усиленно ищет женихов, чтобы назначить день твоей свадьбы. Очевидно, никто не сообщил им еще, что ты принадлежишь мне.

— Что? Мой отец никого не ищет, — сухо отвечает Сноу.

— Мистер Иден, — слышится суровый голос из французских окон.

Я подмигиваю Сноу.

— Я должен идти, но ты придешь ко мне попозже в Oberoi Grand?

— Да, приду, — говорит она, глядя на меня знойным взглядом.

И мой чертов распутный петух танцует чуть ли не чечетку.

— Ты же не полезешь снова через стену, да? — спрашивает она.

— Думаю, у меня хватит мужества встретиться с твоей матерью еще раз. Увидимся позже, — говорю я, ухмыляясь ей.

— Чао-какао, — отвечает она.

Я же в свою очередь говорю:

— Миссис Дилшау, я уже иду, — и направляюсь к ней. Как только я подхожу к ней ближе, вижу, что она вся пышет злостью.

— Как вы смеете? — шипит она на меня.

— Извините, но вы бы сделали то же самое, если бы проехали тысячи миль, чтобы с кем-то встретиться.

— Выметайтесь из моего дома.

Я широко улыбаюсь ей в ответ. Я пребываю в отличном настроении, поэтому говорю:

— У меня странное чувство, миссис Дилшау, что мы будем встречаться гораздо чаще, чем вы ожидаете, поэтому предлагаю вам застаться хорошими манерами. Хорошего дня, мэм, — и выхожу через переднюю дверь.

Мое сердце парит в небесах.

Я была в гранд-отель The Oberoi всего несколько раз. Это один из старейших роскошных отелей, который соблюдает традиции Калькутты. Как только вы попадаете внутрь, оставляя за собой гам улиц, оказываетесь в совершенно другом мире. Если обратиться к тем временам, когда индийские Махараджи правили страной, то они понимали толк в «роскоши» гораздо больше, чем англичане. Здесь на стенах имеются рисунки птиц и мужчин, в украшенных драгоценными камнями тюрбанах. Полы в зоне ресепшен из черного мрамора с маленькими белыми мраморными квадратами по диагонали, темные деревянные панели из лобби ведут прямо к лифтам и всюду на сиденьях имеются соответствующие чехлы.

Двери открывает мне дама в униформе. Она искренне вежлива и дружелюбна. Я подхожу к лобби и называю люкс Шейн. Они, скорее всего, думают, что я проститутка, но мне плевать. С безупречно вежливой улыбкой, девушка передает трубку мне.

— Привет, — говорю я в трубку.

— Стой там. Я спущусь за тобой, — отвечает он.

— Нет, я сама поднимусь. Я знаю, как пройти в люкс.

Я вхожу в лифт и поднимаюсь на его этаж. Я стучу в дверь, и он тут же открывает.

Прежде чем я произношу хоть слово, он втягивает меня в номер, зарывается рукой в мои волосы и налетает на моих губы. Я задыхаюсь от шока, пока его язык орудует у меня во рту. Другой рукой он обхватывает меня за талию и прижимает к своему мускулистому телу. Он метет своим языком мой рот. Сырое животное желание струится из него, заставляя бежать кровь по венам. С первого же дня перед его напором я становилась совершенно беспомощной.

Не отрывая своего рта от моего, он ведет меня к кровати, на которую мы вместе падаем. Мы как попало срываем одежду друг с друга. Слышится звук открываемой молнии, треск рвущейся ткани, чей-то шепотом, но наши сердца парят, изголодавшись. Мы уже обнажены. Я слышу звук разрываемой фольги. И потом он заполняет пустоту внутри меня своим красивым, большим членом.

— Аааа...

Оргазм длится и длится. С закрытыми глазами я вижу белые искры. Я падаю на изголовье кровати, полностью обессиленная.

— Я так изголодался по тебе, что не мог больше ждать, чтобы не трахнуть тебя, — рычит он.

— У меня все там дрожит... внутри все дрожит... сильно, — шепчу я.

— Скажи тому, что внутри дрожит, что я даже еще не начал.

Несколько часов мы проводим в постели. Я чувствую все места, до которых дотрагиваются его руки — до моих ног, ступней... внутренней стороны запястья... даже до кожи на моем затылке.

А потом звонит его телефон.

— Ты не будешь отвечать?

— Нет, — говорит он и продолжает целовать мой позвоночник.

Но его мобильный снова звонит. И снова. Он останавливается, хмурится и поднимает

трубку.

Приняв вертикальное положение, он говорит:

— Да.

Он слегка отворачивается от меня.

— Я буду через пару дней. Почему? — он снова слушает и вздыхает, его плечи опускаются. — К черту. Точно. Да. Скажи, ма, я буду там.

Он заканчивает разговор и поворачивается ко мне.

— Послушай, я хотел познакомиться с твоими родителями и сделать все правильно, но мы должны вернуться сегодня вечером. Отец моей матери лежит на смертном одре, и он хочет увидеть всю нашу семью, прежде чем уйдет в мир иной. Мама хочет, чтобы я вернулся.

Я сажусь и касаюсь его горла. Он настолько совершенен, что я готова заплакать.

— Поезжай. Я приеду через пару дней. Я должна кое-что здесь сделать сначала.

Он внимательно смотрит на меня.

— Нет, Сноу. Я не хочу уезжать без тебя.

— Я обещаю, я прилечу послезавтра. Я должна повидать Читру.

Он с интересом поглядывает на меня.

— Зачем?

— Не знаю, зачем. Я чувствую, что должна повидать ее, прежде чем уеду.

— Где она?

— Купу знает, где она живет. Он возьмет меня с собой.

— Это далеко, это может быть опасно?

— Нет.

— Мне это не нравится, я найду кого-нибудь, чтобы они сопровождали тебя и Купу. Ты не будешь путешествовать одна.

— Ладно, но ты никого здесь не знаешь, — поморщившись говорю я.

— Послушай. Ты меня еще плохо знаешь.

— Да?! Я знаю о тебе все, — говорю я с улыбкой.

— Когда в последний раз ты ее видела? — заинтересованно спрашивает он.

— Я не видела ее после того, как мне исполнилось десять лет. Что-то случилось с ней и в один прекрасный день она больше не пришла.

— Ладно, проведай ее. Я закажу обратный билет на послезавтра. Смотри, не кинь меня.

— Я никогда тебя не кину.

— Бедная Читра, не так ли?

— Да, — с грустью отвечаю я.

— Не хочешь дать ей денег?

Сразу же мои глаза наполняются слезами.

— Да, — говорю я, с трудом сглатывая, не в силах поверить, что он так щедр к человеку, которого даже не знает и никогда не видел.

— О, сладкая Сноу. Ты такая сердобольная.

— Спасибо, Шейн. Ты не представляешь, что это значит для меня.

— Вот, что я хочу сделать. Я хочу, чтобы ты повидалась с ней и дала ей достаточное количество денег, чтобы она смогла изменить свою жизнь. Купи ей домик или что-нибудь еще. Тебе решать, что ей лучше подойдет, ладно?

Я с изумлением, открыв рот, плююсь на него.

— Ты готов сделать такое для совершенно незнакомого человека?

— Ты моя малышка, и ты любишь ее. Она тоже становится частью моей семьи.

ОМойБог! Он назвал меня своей малышкой! Я чувствую себя такой счастливой, мне кажется у меня сейчас голова взорвется от счастья. И я чуть не проболталась, что люблю его, но вовремя спохватилась. Сейчас у меня не хватает смелости.

— Ты сегодня уезжаешь?

— Да. Секретарь моего брата уже забронировала билет на рейс.

Я киваю.

— Полетишь встречаться с этим упрямым дедом.

— Я, на самом деле, хотел бы, чтобы ты пришла.

— Я знаю, я прилечу послезавтра.

— Я договорюсь, чтобы тебя забрали из аэропорта и привезли в дом моего деда. У тебя есть мобильный телефон?

— Я еще не купила новый.

— Я переведу деньги на твой счет завтра. Ты сразу же купишь мобильный и позвонишь мне, и, что более важно, я смогу звонить тебе в любое время, когда захочу, — говорит он с ухмылкой.

— Ладно, куплю.

Мы еще один раз занимаемся любовью. Я чувствую, как напрягаюсь, когда он покидает меня. У меня какое-то странное чувство, что я опять позволяю ему уйти. В дверях, я прислоняюсь щекой к его груди. Я слышу, как бешено колотится его сердце и мне хочется всегда вот так стоять и слушать его ровный ритм.

— Эй, — тихо говорит он. — Всего лишь два дня. А потом ничто не сможет разлучить нас вновь.

К моему ужасу Купу ведет меня в трущобы на окраину города.

— Читра живет там? — в недоумении спрашиваю я.

— Да, Сноу, — говорит он, как будто жить среди этой кучи мусора — вполне нормальное явление. — Она живет здесь сейчас.

Я почти немею от шока, пока мы едем по пыльной грязной дороге, заполненной по бокам хижинами с крышами из рифленого железа. Купу останавливается возле одной из хижин и зовет Читру.

Она появляется в дверях, на ней поношенное сари, и сложенную грязную тряпку она прижимается ко рту. Ее взгляд переходит на Купу, а потом мельком она смотрит на меня. На несколько секунд ее взгляд опять переходит на Купу, а потом на меня, она с недоверием вглядывается в мое лицо. Затем ее глаза расширяются, она настолько удивлена, словно увидела призрака.

Мы смотрим друг на друга. Потом она кричит от радости, но звук глухой от тряпки, которую она постоянно прижимает ко рту, и спотыкаясь она пытается ко мне бежать, чтобы обнять. Слезы льются у нее по лицу.

Я крепко обнимаю ее и плачу вместе с ней. Она рада меня видеть, но я ужасно опечалена и напугана ее видом. Она — лишь тень той *прежней моей* Читры. Глаза глубоко запали, тело, напоминает мешок с костями. Она очень больна, это очевидно. Я едва могу поверить, что это *моя* Читра. Вытирая слезы концами своего сари, она приглашает нас войти в ее маленькую хижину.

Я оглядываюсь — голое, жалкое, унылое помещение. Здесь стоит только один пластиковый стул, маленькая печь, посуда для готовки и несколько картонных коробок с ее вещами свалены в углу. Помещение настолько маленькое, что у меня возникает чувство клаустрофобии, словно на меня давят стены и потолок. Мысль, что Читра теперь все время живет здесь, меня пугает.

— Что случилось с тобой, Читра? — спрашиваю я.

— У меня туберкулез, — говорит она, и заходится надсадным кашлем, который становится все сильнее и сильнее.

— Но туберкулез сейчас лечится. Почему ты не лечишь? — спрашиваю я, как только у нее заканчивается приступ кашля.

— Меня лечили целый год, что-то было с легкими, врачи оказывается поставили неправильный диагноз и выписывали не те лекарства, болезнь в результате прогрессировала. Сейчас врачи меняют лекарства, но ничего не помогает. Единственное, что они еще не попытались сделать это прооперировать, чтобы удалить зараженные части легких, но я не могу себе это позволить, и вообще я так ослабла, не думаю, что смогу пережить операцию. Из-за неправильных лекарств я потеряла слух и началась страшная боль в суставах, ты даже не можешь себе представить, как они ломают по ночам.

В тот же день я звоню Шейну и сообщаю, как именно я хочу потратить деньги на Читру. Я хочу, чтобы она наблюдалась у лучших врачей в Индии, чтобы ей сделали операцию, и когда ей станет лучше, я хочу, чтобы она прилетела к нам и пожила у нас какое-то время. Он сказал, что найдет человека, который все устроит, найдет лучших для нее

врачей, причем немедленно, чтобы ей назначили правильное лечение и подготовили в последствии к операции. Меньше чем через час он перезванивает, продиктовав адрес частной клиники, которая готова принять Читру на лечение.

Когда Читру принимают в этой частной клиники, я выдыхаю с облегчением. В помещениях работает кондиционер, чисто и выглядит все современным. Медсестры сразу же начинают суетиться вокруг нее. Я стою у стойки регистрации и плачу, видно из меня выходит страх и напряжение, которые я испытывала с тех пор, как увидела в каком состоянии пребывала Читра.

Я говорю Читре, что должна вернуться в Лондон, но я приеду за ней.

Она виснет у меня на руке и жалобно лопочет:

— Езжай, моя любимая доченька. Я всегда буду любить тебя, — говорит она, и мы обе плачем.

Я сообщаю маме, что уезжаю к Шейну в Лондон, внутренне готовясь противостоять всем ее массивным аргументам «против». И впервые за всю мою жизнь, отец принимает мою сторону.

— Просто отпусти ее, — говорит он.

— Ты видел этого человека, к которому она собирается поехать? — тут же восстает моя мать.

— Нет, но я верю, что Сноу не выберет плохого, — тихо отвечает отец.

— Ну, а я видела его, и он выглядит как самый худший плейбой, — она поворачивается ко мне и резко спрашивает: — Кто он? Ирландец?

— Он цыган.

Она разводит руками и качает головой в недоумении.

— О мой Бог! Я не могу поверить. Он цыган! Они самые худшие из всех. Они — кучка воров. Чем он занимается?

— У него свой бизнес.

— Бизнес?! Какой бизнес может быть у цыгана? Воровать крышки от люков по ночам, а потом продавать их на металлолом?

— Мам, пожалуйста, перестань. Даже если бы он был беден, а он не беден, я все равно бы уехала к нему.

— Он сделает тебя беременной, разобьет сердце и бросит, а ты прибежишь сюда домой с его внебрачным ребенком, — она со злостью поглядывает на отца. — Ты этого хочешь для нее?

— Я хочу, чтобы Сноу была счастлива, — говорит мой отец, стоически противостоя матери.

Я перевожу взгляд на отца, и он быстро мне подмигивает. Мои глаза расширяются от удивления. Я тут же перевожу взгляд на маму, слава Богу, она не увидела этого.

— У меня такое впечатление, будто я разговариваю с двумя кирпичными стенами, — раздражается она. — Он не сделает ее счастливой. Она влюбилась в его внешность и обаяние. Он явно будет не последним в ее жизни.

— Я не верю, что он будет не последним, — отец оборачивается и смотрит на меня. — Сноу особенная. Ее будет трудно бросить.

Я улыбаюсь отцу. И он улыбается мне в ответ.

— Ну, потом не говори, что я тебя не предупредила, — фыркает мама.

Мама так на меня разозлилась, что даже отказалась поехать со мной в аэропорт.

Шейн сказал мне, что меня будут кто-то встречать в аэропорту Хитроу, держа плакат, на котором будет написано мое имя. Как только я выхожу, у меня наступает шок. Шейн стоит с огромным букетом цветов и с большим розовым медведем. Я не бегу к нему. Я так внезапно остановилась, что человек позади меня натывается мне в спину, а я пялюсь на напряженного Шейна. И вдруг, увидев меня, он в одно мгновение становится милым, смешным, съедобным и великолепным, мое сердце просто заходится.

Он сгибает палец и манит меня к себе, я подхожу к нему и обнимаю, пока он стоит с этим нелепым огромным медведем и цветами.

— Мишка? — спрашиваю я.

— Это идея Лэйлы, — смущенно признается он.

Я смеюсь.

— Твоя сестра подумала, что тебе стоит подарить мне плюшевого мишку?

— Да, — он замечает маленькую девочку, стоящую рядом, и протягивает ей медведя. — Хочешь такого? — спрашивает он.

Девочка кивает, ее глаза становятся как блюдца, и сразу же забирает мишку.

Ее мать говорит:

— О, это так мило. Спасибо.

— Без проблем, — отвечает Шейн и поворачивается ко мне. — Боже, я так по тебе скучал. Не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя.

И именно это он и делает. Мы садимся в машину и на полпути к дому своего деда, мы останавливаемся на небольшой проселочной дороге, где он срывает с меня трусики и оказывается внутри меня... превосходно!

Дом его деда — небольшой одноэтажный коттедж с асфальтированным местом для стоянки и дорожками, на окнах ситцевые шторы, кресла покрыты кружевными салфетками на изголовье, ковер с каким-то рисунком. Его бабушка седая женщина, забитая, с испуганными глазами, всю свою молодую и уже более сознательную жизнь она прожила с хулиганом и задирой. Женщина, похожа на молчаливый призрак, все время пребывала в страхе, что чем-то может спровоцировать ярость мужа, хотя бы из-за того, что всего лишь ходит по земле.

Она готовит на кухне знаменитое цыганское блюдо, которое Шейн сказал называется Jimmy Grey. Говядина, печень, курица и свинина, лук и брюква мелко обжариваются в животном жире.

Цыгане — народ гордый. Они едят, спят, скорбят, празднуют только с себе подобными. Ревниво оберегая себя и свои кланы от проникновения не цыган, у них нет доверия к другим. Возможно, их недоверие к другим национальностям связано с вековыми гонениями на них и ненависти, от которой они страдали, независимо, где обитали. Как только я появляюсь у нее в доме, тут же чувствую, мгновенную настороженность и недоверие со стороны бабушки Шейна.

Я gorgger, не цыганка.

Поэтому не пытаюсь приблизиться к ней, просто смотрю на людей вокруг, как они готовятся к смерти одного из них. После того, как Шейн представил меня куче дядюшек, тетюшек и кузенов, он ведет меня в спальню деда.

Смерть уже витает в комнате, в воздухе стоит какой-то странный запах, и дед лежит совершенно неподвижно. В вазе на прикроватной тумбочке стоят полевые цветы, горят свечи, хотя сейчас светло и середина дня. Старик, лежащий на кровати, должно быть, это его

великий день, уйти в мир иной, но даже после более чем года борьбы с раком, он по-прежнему выглядит крупным, крепко сложенным мужчиной.

Под его густыми седыми бровями, сверкают яростные черные глаза, которые тут же впиваются в меня. Шейн подводит меня ближе, и дед смотрит, словно просверливает, своими черными глазами, меня насквозь. Я хочу что-то сказать, но язык не двигается, я почти загнипнотизирована его страшным взглядом. Молча, не произнеся ни слова, он отворачивается.

— Пойдем, — шепчет Шейн мне на ухо, и мы выходим из комнаты.

Я выдыхаю с облегчением.

— Это было странно, — говорю я.

— Да, кто его знает, что происходит у него в голове? Пошли. Я хочу познакомить тебя с мамой.

Мать Шейна развешивает белье на бельевую веревку.

— Ма, — зовет ее Шейн, она поворачивается и смотрит на нас. Во рту она сжимает прищепки. Она вытаскивает их и держит в руке, мы подходим ближе.

— Привет, Сноу, — говорит она, рассматривая меня. Она не слишком дружелюбна, но она отличается от своей матери и отца. У нее добрые глаза и чувствуется большая любовь к своей семье.

— Привет, миссис Иден. Я сожалею о вашем отце, — говорю я.

— Не огорчайся, моя дорогая. Для моей матери будет лучше. Она наконец-то станет свободной.

— Если он был таким ужасным человеком при жизни, почему твоя мать привела сюда всю свою семью? — спрашиваю я Шейна, мне интересно узнать.

— Цыгане — народ суеверный. Мы верим в то, что человек может вернуться из мертвых и отомстить живым. Поэтому, когда кто-то умирает, родные, друзья, знакомые и даже враги приходят проститься, попросить прощения и уладить все раздоры, из-за страха *tuilo*, вида нежити.

К вечеру Микки умирает. Похороны — это массовое мероприятие. Более тысячи человек со всей Великобритании стекаются на похороны старика. В свое время он был великим боксером и его глубоко уважали и даже поклонялись.

Покойника одевают в его лучшие одежды, золотые часы и любимую трубку кладутся рядом с ним в гроб.

Частью традиции является то, что тело какое-то время должно находиться дома, и скорбящие родственники должны засвидетельствовать свое почтение, прийти в дом, поэтому возводится отдельный шатер. Перед домом ставится специальный контейнер, в котором все время горит огонь. Люди приходят и уходят в течение всей ночи. Готовится очень много еды, спиртного, они говорят тосты за умершего и поют. Во всем чувствуется траур и торжественность, граничащая с роскошью.

Все заканчивается массовым шествием сотен прибывших, пять миль, идущих пешком на кладбище. Процессия включает в себя конную повозку, которая везет тело Микки, восемь автомобилей и грузовики, везущие венки. Они отдают последние почести Микки, каким он был при жизни. Дети, тоже присутствуют, даже Лилиана и Томми, едут рядом с катафалком в машине.

После похорон, все имущество Микки выносятся из дома и сжигается. Это своего рода дань уважения к нему, уничтожить все, чтобы не привязывать мертвеца к дому.

Позже в гостинице, мы оба уставшие лежим на кровати. Шейн поворачивается ко мне и говорит:

— Я не хочу больше пользоваться презервативом. Я хочу, чтобы мы оба сдали анализы. Я не могу посмотреть ему в глаза, я боюсь этого больше всего.

— Хорошо, — тихо отвечаю я.

После того, как Читра была успешно прооперирована, прошло три дня и два письма проскальзывают в дверную щель для писем. Я поднимаю их и иду к Шейну. Он сидит за своим ноутбуком, но поднимает на меня глаза, как только я вхожу в комнату, его взгляд тут же опускается на конверты у меня в руках. На секунду мне кажется, что я вижу страх в его глазах, но видно мне показалось. Он прикрывает крышку своего ноутбука и улыбается.

— Ты откроешь первой или я?

— Ты, — говорю я, чувствуя, как у меня скручивает живот.

Он подходит и забирает конверт из рук. Вскрывает и смотрит, потом поднимает на меня глаза.

— Я чист.

— О, хорошо, — с трудом выдыхаю я. — Теперь, — говорю я, сделав глубокий вдох, разрываю конверт. У меня так трясутся руки, что я даже не могу вытащить письмо из конверта. Его рука накрывает мою.

— Это ничего не значит. Чтобы там ни было, мы со всем разберемся, хорошо?

— Хорошо, — шепчу я.

Я вытаскиваю письмо из конверта и разворачиваю. Я бегло просматриваю. Мои глаза наполняются слезами. Я чиста. Я поднимаю взгляд, его лицо выглядит, как застывшая маска. Но он старается сделать вид, что его это мало беспокоит. И вдруг я испытываю такую радость и счастье, что хочу над ним подшутить. Мне хочется ему сказать: «*Нет, не все так хорошо*», но, если честно, я не могу так с ним поступить. Это явно перебор. Поэтому я просто отрицательно качаю головой.

Его глаза расширяются.

— Что? — задыхаясь спрашивает он.

Я наблюдаю за его реакцией. Боже Мой! Он так боялся результатов, наверное, даже больше, чем я. Я открываю рот, чтобы сообщить, что это всего лишь шутка, но он приходит в себя и выхватывает письмо у меня из рук, быстро просматривая. Он поднимает на меня глаза, ничего не выражающие.

Я начинаю пятиться.

— Я пошутила. Я просто хотела увидеть твою реакцию. Вот и все. Шутка, — приторно-ласково говорю я.

Он делает рывок вперед, подхватывает меня за задницу и кладет себе на плечо, словно я мешок, даже не знаю с чем.

— Прости, извини, — сквозь хохот лепечу я, не в состоянии перестать смеяться. — Я все поняла.

Он несет меня в спальню и бросает на кровать.

— Эй, — протестуя кричу я.

Он моментально наклоняется и расстегивает мои джинсы. Затем хватает внизу за штанины и дергает с силой вниз, джинсы спускаются, как по маслу.

— Я не могла предположить, что ты так разозлишься. Это всего лишь шутка, — хихикаю я.

Он отбрасывает за спину мои джинсы и поддевает пальцами мои трусики. Ткань легко

трещит, разрываясь.

— Ну же, Шейн, — сквозь смех прошу я.

Молча он стягивает с меня футболку через голову, заставив слегка приподняться с кровати, расстегивает мой лифчик и также отшвыривает его в сторону.

— Аууу... малыш, не злись так, — шепчу я.

С совершенно невозмутимым лицом он раздевается сам, его эрекция уже в рабочем состоянии, на нее даже можно повесить какой-нибудь предмет гардероба, он заползает на кровать. Фиолетовые крапинки искрятся в его глазах, он касается большим пальцем моей нижней губы. Чувственно.

— А почему я должен разозлиться? Это, мать твою, настоящий праздник. Мы оба чисты, моя дорогая.

— Точно, — шепчу я.

Он обнимает меня за талию, губами касаясь уха и говорит:

— Перевернись, Принцесса.

Что-то в его голосе заставляет меня снова внимательно посмотреть ему в глаза, но он невинно улыбается. Я ложусь на живот, и он накрывает меня своим накаченным сильным телом, входит в меня. Я выгибаюсь от удовольствия.

Первый раз. *Это наш первый раз.*

Он с силой удерживает меня за талию, и я спиной прижимаюсь к его груди, даже с какой-то жадностью. Он жестко входит. С силой и быстро. Он так давно хотел заняться со мной сексом, чувствуя кожу к коже. Он так давно хотел кончить в меня.

Наш секс сейчас напоминает дикий, животный, жесткий, но красивый.

И когда, наконец, он выпускает струю своего семени глубоко в меня, у него вырывается вздох глубокого удовольствия. Словно он наконец-то получил то, о чем долго мечтал. На несколько секунд он остается во мне, продолжая пульсировать. Потом выходит, и я чувствую, как его пальцы погружаются в мой вход. Он не собирается меня возбуждать, просто размазывает свое семя по моим бедрам и попке. Он как бы метит меня своим запахом. А потом кусает меня за задницу, переворачивает к себе лицом.

— Твоя очередь, — говорит он.

И я улыбаюсь, потому что моя очередь означает, что весь мой мир перевернется с ног на голову. И я ползу вверх, к его лицу. Он массирует мою влажную киску. Я стону. Он сосет мой клитор. У него не занимает много времени, заставить меня кончить, оргазм яростный, сильный. Он остановился? Нет. Конечно, нет. Его пальцы продолжают меня возбуждать. Пока я не кричу в голос, и все мое тело бьется в неконтрольных спазмах.

Он остановился?

Нееет...

Эмоции внутри меня, как тайфун, выплескиваются наружу, сметая все на своем пути. Я чиста, я освободилась. Я ничем не заражена. Мне теперь не придется все время беспокоиться, чтобы не заразить его. У меня текут слезы по щекам от радости. Он слизывает их, как собака. Я люблю собак, они самые преданные существа.

— Ты моя, — произносит он, целуя, облизывая, посасывая и глядя рукой каждый сантиметр моей кожи. — Испробую тебя всю, каждую твою щелочку. Мы все сделаем. — Такое чувство, будто он пробует на вкус мою кожу, словно дотрагивается до нее впервые. Он удерживает меня за бедра и поглощает соки из моей киски. А потом он снова входит в меня. Снова. Мы занимается сексом несколько часов подряд.

Ближе к вечеру, я стону:

— Больше не могу, Шейн. Больше все. Я больше не могу.

— Можешь, — отвечает он.

И он оказывается прав, с ним я могу многое.

Дрожа и задыхаясь, я снова испытываю очередной оргазм. Я плюхаюсь на спину, обессиленная, не в состоянии пошевелить ни единой частью тела. Шейн лежит рядом со мной, наши пальцы переплетены, мы просто молчим. Я смотрю в потолок.

— А если я забеременею, Шейн?

— Не беспокойся. Мы сделаем аборт, — отвечает он.

Я резко тут же поднимаю голову.

— Что?!

Он поворачивает ко мне лицо.

— Ты не согласна?

На секунду я не могу поверить, что он смог такое сказать, поэтому ударяю его по руке.

— Ты дурак, — обвиняю я, понимая, что он шутит, я вижу это по его лукавым глазам.

Он тянет меня за руки, усаживая сверху на себя. Мы оба потные, и наши тела скользят друг против друга.

Он не смеется.

— Знаешь, что я почувствовал, когда ты отрицательно покачала головой? Ты словно, уничтожила меня, вонзив нож в сердце.

Я чувствую себя настолько виноватой.

— Прости. Я не должна была так делать. Это был не повод для шуток. Я так обрадовалась, что у меня улетучился весь разум. Мне показалось, что это будет смешно. Теперь я понимаю, как ошиблась. Ты простишь меня?

— Нечего прощать. Помнишь, что сказала самая известная женщина, твоя соплеменница: «Любовь не измерить. Она просто отдает».

— Мать Тереза, — шепчу я в ответ.

— Я люблю тебя, Сноу. Ты даже не можешь себе представить, насколько я счастлив, что анализы отрицательные.

Я смотрю на него во все глаза.

— Что?

— Да, я люблю тебя. Ты можешь в это поверить?

Я продолжаю пялиться на него.

— Ты не шутишь, чтобы меня проучить, нет?

— Нет, не шучу. Но я как дурак надеюсь, что в ответ ты могла бы высказать и свои чувства. Хотя бы чуть-чуть.

Я начинаю смеяться от радости.

— Я люблю тебя, Шэйн Иден. Я так сильно тебя люблю, мне казалось, что я умру, когда мы расстались. Я мечтала услышать от тебя эти слова, но до конца не верила, что такое может произойти на самом деле, — отвечаю я.

— Знаешь, какие чувства ты вызываешь во мне сейчас? Я хочу танцевать с тобой на кухне. И отправится с тобой в книжные магазины и начать спасать старые, забытые всеми книги. Или пойти в супермаркет и скупить всех омаров, а потом выпустить их в море.

У меня глаза наполняются слезами от счастья.

— Ты знаешь стихотворение Пабло Неруды «Если ты забудешь меня»?

Я качаю головой.

Шейн произносит:

— «Если постепенно ты разлюбишь меня, то и я перестану любить тебя постепенно»,

— он стирает слезы, текущие у меня по щекам. — Но не я. Ничто не может убить мою любовь к тебе, чтобы ты не сделала или не сказала. Моя любовь — гостя из вечности. Она никуда, никогда не денется.

У меня кружится голова от счастья, я опускаю голову на ладонь, упираясь локтем в матрас, и начинаю делать пальцем круги вокруг его соска.

— А когда ты понял, что любишь меня?

— С первого же раза, как только увидел тебя, я понял, что ты должна принадлежать мне. С того момента, когда это дерьмо коснулось твоего бедра, когда вы ужинали в моем клубе, я почувствовал загорающийся гнев глубоко внутри себя, как будто он посягнул на мою территорию. Мне кажется, я даже стал немного шизофреником. Иногда я так беспокоился, чтобы не причинить тебе боль, а иногда был грубее, чем следовало. И совсем я слетел с катушек, когда высадил тебя у дома, после нашей поездки. Я отправился напрямик к маме домой, но был в таком диком настроении, что мама выгнала меня.

Я хихикаю.

— Тебе смешно, но ты даже не представляешь, как я пылал ревностью. Бл*дь, даже вспоминая, я чувствую себя неловко. Той ночью я не мог заснуть. Мне хотелось отправиться к нему и проломить башку, но я сделал все, что в моих силах, чтобы он не смог к тебе прийти тем вечером, ему предстоял ранний вылет и у него возникли непредвиденные дела тем вечером. Но я все равно не мог заснуть. Я понял, когда ты находишься вне поля моего зрения, я ощущаю себя как не в своей тарелке. Я хотел защитить тебя. Я уже окончательно решил, что ты моя, но только ты об этом, пока не знала.

— Да?

— Да, — говорит он со своей фирменной ехидной ухмылкой.

— А когда ты понял, что *любишь меня*? — вернулась я к своему вопросу.

— Думаю, когда увидел в окружении этих идиотов у клуба. О, мой Бог. Я никогда не чувствовал такой безумной ярости за всю свою жизнь. Я понял, что могу их убить. А потом взглянув на твое лицо, я так испугался, что подоспел слишком поздно, они уже что-то сделали с тобой. Ты не могла говорить. Ты не могла двигаться. Господи, у меня даже сейчас появляются мурашки на коже, даже когда я просто вспоминаю об этом.

Он дотрагивается до моей щеки.

— Ты выглядела такой потерянной, я не знал, что делать. Поскольку я любил тебя, я бы сделал для тебя все. Все, чтобы стереть этот ужасный взгляд с твоего лица.

Я хмурюсь, вспоминая ту ночь.

— Я не знаю, что тогда произошло со мной. Я просто оцепенела и не могла двигаться.

— Черт, не говори мне об этом, Сноу. Я не могу никуда тебя отпустить без себя. Меня безумно пугает, что ты можешь оказаться такой незащитной.

— Я не незащитна. Мне кажется, я тогда испытала настоящий шок от слов Никки, а потом... они... ну, это уже не так важно. Ничего же не случилось.

— Да, и ничего никогда не случится. Я найму тебе телохранителя.

Я подскакиваю, вскрикивая:

— Что? Нет. Я буду чувствовать себя глупо.

— М-да..., — рассеянно говорит он, и я просто слышу, как вертятся колесики у него в

голове.

— Я серьезно, Шейн. Я не хочу, чтобы за мной все время следовал охранник, будто я какая-то знаменитость. Это просто смешно!

— Тогда, черт возьми, ты никуда не должна ходить без меня, — категорично заявляет он.

— О, дорогой. Я не позволю им разрушить мою жизнь. Я не боюсь. Больше не боюсь. С каждым днем, с тех пор, как ты вошел в мою жизнь, я становилась все сильнее и сильнее. Единственное, о чем я сильно сожалею, что я не пошла в полицию и не попыталась, хотя бы таким образом призвать их к ответственности. Это не месть с моей стороны, хотя месть им тоже бы не помешала. Просто я чувствую, что они то же самое будут делать и с другими молодыми девушками, такими как я. Они долго пользовались этой услугой. Хотя мои воспоминания и смутные. Но кто знает, может мои показания могли бы спасти кого-то, от чего пострадала я?

В день нашей свадьбы небо светлое, но холодно. Все приготовления шли в какой-то безумной спешке, и, наконец, я стою перед зеркалом. Но никто не позволяет мне посмотреться в зеркало, пока я полностью не буду готова, вплоть до шелковых туфель и букета невесты.

— Сноу, — говорит Лейла дрожащим от волнения голосом. — Ты похожа на сказочную принцессу.

Я смотрю на себя в зеркало и у меня отвисает челюсть от изумления. Я действительно похожа на сказочную принцессу!

Платье, именно о таком я и мечтала. Спереди у него сделан иллюзорный вырез в виде сердечка, прикрытый прозрачной тканью, само платье похоже на бальное, с кружевными рукава, которые прикрывают пальцы, создавая впечатление средневекового костюма. Сами рукава сделаны из изысканного кружева, а также есть потрясающая аппликация на лифе. На голове сверкающая тиара.

Я моргаю, чтобы остановить слезы счастья, подкатывающие к глазам. Я не могу поверить, что выхожу замуж за Шейна. Это похоже на сон. Слишком идеально.

— Нет, нет, нет, — чуть ли не плача восклицает Лили. — Не смей плакать, ты разрушишь весь профессиональный мейк-ап.

Ее слова заставляют меня рассмеяться.

Раздается стук в дверь. Лейла бежит открывать, на пороге стоит мой отец. Он улыбается и с гордостью смотрит на меня. И в этот момент я вдруг с болью осознаю, что мой отец старше моей матери на двадцать пять лет, еще не долго будет на этой земле. Он нежно целует меня в щеку.

— Я не был хорошим отцом для тебя, но я так горжусь тобой, — с хрипотцой говорит он, в его глазах я вижу сожаление.

— Нет, пап. Ты был замечательным отцом. Я не променяю тебя на весь свет, — и это правда, независимо от того, что мы были отдалены друг от друга и редко общались на протяжении многих лет, я люблю его. Я, действительно, на самом деле, люблю его. Я смотрю в его сияющие глаза, и вдруг вспоминаю, как маленькой девочкой сидела у него на коленях, и он шептал мне на ухо: «Ты моя принцесса», а как только мать входила в комнату, отец пытался как-то загордиться, насколько это возможно.

В дверях слышится шум, и появляется мама. Автоматически отец отступает на шаг назад, почти виновато. И я замечаю то, что никогда раньше не видела. Бессознательную модель отношений. Он боится показать любовь кому-то другому, кроме моей матери.

Мама глубоко вздыхает.

— Ты выглядишь... замечательно, Сноу, — говорит она.

И я ей улыбаюсь, может она, на самом деле, так думает. Может она, действительно, все же любит меня. Хотя я знаю, что она думает, будто бы платье слишком большой и недостаточно изящное, но мне плевать. Для меня это не имеет значения. Я все равно ее люблю. Я вспоминаю, что сказал Шейн: «Любовь нельзя измерить. Она только отдает».

— Ты прекрасно выглядишь, мама, — на ней костюм кремового цвета с ожерельем из жемчуга вокруг шеи — это ее своеобразная торговая марка.

— Благодарю тебя, моя дорогая, — вежливо отвечает она.

— Ну, думаю, нам лучше пойти, — прерывает тишину папа.

Я сияя поворачиваюсь к нему.

— Да, нам стоит уже выдвигаться.

Аромат от моего букета распространяется по салону машины, отец поворачивается ко мне.

— Она любит тебя, но по-своему, понимаешь? — спрашивает он.

— Я знаю, папа. Знаю, — говорю я и сжимаю его руку.

— У тебя золотое сердце, Сноу. Золотое сердце, — бормочет он. — Для всех остальных ты можешь выглядеть, как взрослая женщина, но для меня ты всегда будешь с косичками, спрашивающая: «*Что есть Бог*» или «*Почему у мышей нет таких полосок, как у тигров?*»

Мы прибываем к замку, нас поджидают организатор свадеб, фотограф и другие люди, устраивающие это событие. Маленькая Лилиана — одна из девочек цветочниц. На ней платье с черно-белым принтом, и на голове тиара из цветов в виде миниатюрного венка, она выглядит совершенно очаровательно. Она улыбается и машет мне рукой. Томми несет кольца, он одет как настоящий мужчина, только маленький, и изо всех сил старается не уцепиться за чью-нибудь юбку.

Мы идем ко входу мимо прекрасных подстриженных кусов в виде животных — свиней, медведей и кроликов. Мы входим во внушительные двери и спускаемся в темный каменный коридор.

Мой отец поворачивается ко мне.

— Ты готова?

Я молча киваю, не произнося ни слова. Огромные двери открываются, и маленькая девочка выходит вперед, рассыпая лепестки роз.

Все поворачиваются ко мне, пока я иду по проходу, словно в тумане, глазами я ищу Шейна. Я тут же замечаю его темную голову. Он повернулся и смотрит на меня. Через фату наши глаза встречаются. У меня замирает дыхание.

Он невероятно красив.

Я невольно спотыкаюсь и автоматически цепляюсь за руку отца. Он с тревогой поглядывает на меня, Шейн делает легкое движение, словно готов ринуться ко мне, но я продолжаю идти, и мы подходим к алтарю под пристальным взглядом Шейна.

Отец поднимает мою фату и целует меня в лоб. Шейн ломает все традиции — обнимает моего отца, как будто они старые друзья. Отец кивает, переполненный эмоциями, и снова поворачивается ко мне. Он крепко обнимает меня, а потом отстраняется. Он собирается уже отойти, но я окликаю его, словно я опять стала маленькой девочкой: «*Папа?*»

Он поворачивается, у него в глазах стоят слезы, и я снова обнимаю его.

— Я люблю тебя, папа, — шепчу я на ухо.

И он говорит:

— Надеюсь, ты знаешь, я всегда очень сильно любил тебя.

И я шепчу в ответ:

— Да, я знаю.

И он передает меня Шейну, который протягивает руку и неудержимо улыбается, глядя на меня восхищенными глазами, будто не может до сих пор поверить в свою удачу.

Слова клятв звучат глухо, словно они идут со дна моря. Я повторяю слово в слово. Все похоже на сон. Я до конца не могу поверить, что выхожу замуж за Шейна. У меня такое

чувство, будто все происходит в какой-то замедленной съемке, я вытягиваю руку, и Шейн надевает кольцо мне на палец. Я смотрю на кольцо.

— Вы можете поцеловать невесту, — говорит священник.

Шейн улыбается своей самой фирменной улыбкой, его губы касаются моих, сотни гостей начинают хлопать и кричать ура. Оглушающий звук, эхом отскакивающий от стен, заставляет меня вздрогнуть. Я задыхаюсь и смеюсь одновременно, Шейн поднимает меня на руки и долго, глубоко целует.

— Боже, я люблю тебя, Сноу, — говорит он, глядя мне в глаза.

Вступает органная музыка, достигая торжественного крещендо.

— Пошли, — зовет меня Лейла, когда мы уже сделали уйму фотографий у замка и на газоне, — Пришло время сменить наряд.

— Сменить? Но на что?

— Это сюрприз, — говорит она посмеиваясь.

Мы заходим в небольшую комнату рядом с залом, где состоится свадебный прием, и я остаиваюсь как вкопанная, как только вижу на вешалке темно-красный, расшитый золотом традиционный индийский свадебный наряд. Я поворачиваюсь к Лейле.

— Я надена индийское сари?

Она весело смеется.

— Мы все. Это была идея Шейна.

Я от изумления начинаю хохотать.

— Правда?

— Да, — взволнованно отвечает она.

— Ладно, — говорю я, испытывая непередаваемое чувство от индийской свадьбы. Я думаю про Читру, сидевшую среди гостей. Она получит несказанное удовольствие.

Лейла и Лили быстро помогают мне переодеться в индийское сари. Парикмахер приступает к работе, снимает диадему и закрепляет золотыми шпильками к меня в волосах, опуская украшения на лоб.

Красные и золотые браслеты закрепляются на запястьях. Индийский визажист из Хаунслоу подводит карандашом глаза, чтобы они стали больше, делая их более выразительными. Золотые антикварные ювелирные украшения: браслеты по несколько штук, одеваются на верхнюю часть руки, предплечья, на пальцы — кольца, на грудь — цепочки. Я смотрю в зеркало на свое отражение. Я никогда не видела себя такой раскрасневшийся и взволнованной. Я так счастлив, что хочется плакать от радости.

Лейла встает рядом со мной перед зеркалом. Она выглядит великолепно в красивом голубом лехенга.

— Ты так потрясающе выглядишь. Я бы тоже хотела сделать себе версию индийской свадьбы.

Я смеюсь.

— Последние обнимашки, — говорит Лейла, мы быстро обнимаемся, так как ее животик уже стал гораздо больше.

Мы выходим из маленькой комнатки, и я опять застываю от удивления, остальные гости тоже переоделись в индийские костюмы. Так красиво наблюдать их в ярких лехенгах, сари и шальвар камиз.

Внезапно я начинаю стесняться, следуя за Лейлой через переполненный зал. Все постоянно останавливают нас и поздравляют меня. Мы входим в комнату, где состоится

прием, Шейн ожидает меня тоже в индийском наряде. Ему так идет, что у меня прерывается дыхание. Джейк и Дом тоже одеты в курта, они стоят рядом с Шейном и улыбаются мне. Я улыбаюсь им в ответ, очень тронутая их усилиями, они принимают меня в свою семью. Шейн подходит ко мне. Он берет меня за руку и медленно выдыхает.

— У меня всегда была мечта затащить в постель индийскую принцессу, — с хитрой улыбкой говорит он мне.

Я улыбаюсь и бросаю взгляд на главный стол, где сидит моя мать. Она напряжена и чувствует себя явно не в своей тарелке. Отец встречается со мной взглядом, он делает взмах рукой. Я отпускаю руку Шейна.

— Я на минутку, — говорю я ему.

— Не долго, — отвечает он.

Я подхожу к маме. Она одна отказалась надеть традиционный индийский костюм.

Отец встает.

— Ты выглядишь сказочно, моя дорогая.

— Спасибо, папа, — целую его в щеку.

Он сжимает мою руку и, наклонившись вперед, шепчет:

— Я так горжусь тобой.

Я обращаюсь к маме. Она внимательно осматривает меня, потом тоже поднимается на ноги и улыбается.

— Да, ты выглядишь очень... мило.

Я понимаю, что она удивлена богатством жениха. О Шейне в футболке и джинсах, она составила ошибочное мнение, что он был плохим, бедным парнем. Теперь же она видит, насколько была неправа.

— Ты сделала отличный выбор, — сухо говорит она.

— Я вышла за него замуж, потому что люблю его, мама. Я бы вышла за него замуж, даже если бы у него ничего не было.

— Но все же гораздо лучше, что у этого Шейна имеются деньги, не так ли? Я подумываю отправить твоего брата в Англию. Дать ему новый старт. Может, твой муж сможет помочь ему найти работу или возьмет его в свой бизнес.

Я чувствую укол грусти. Даже сейчас, в самый важный день моей жизни, она не может открыто порадоваться за меня, но пользуется случаем, чтобы попытаться помочь своему сыну. А потом я вспоминаю, что сказал мне Шейн: *«Любовь нельзя измерить. Она просто отдается»*. Я люблю свою мать, и есть что-то такое, что я могу сделать для нее, чтобы она была счастлива, я это сделаю.

— Я поговорю с Шейном, — тихо отвечаю я.

И она радостно улыбается.

Всю еду для свадебного банкета готовил шеф-повар из ресторана Дома, это было потрясающе. Нам сказали напутственные слова Джейк, мой отец, Дом и муж Лейлы БиДжей. Потом поднимается Шейн, чтобы произнести ответное слово.

Он благодарит шаферов, подружек невесты и всех людей, которые пришли на это памятное для нас событие.

— Если я кого-то забыл, что я могу сказать, простите, — говорит он.

Потом он поворачивается ко мне.

— Нет такого Ромео и Джульетты, которые было или когда-либо будут, способные сравниться с нами. Нет сонета или песни, которые бы передали мою, черт побери, любовь к

тебе. Ты не просто любовь всей моей жизни, но причина и основа всей моей жизни. И когда наступят время, все вокруг будут видеть тебя старой и седой, я по-прежнему будут видеть тебя, какой ты была сегодня. Я закончу, сказав, что мы планируем переехать в новый дом в ближайшее время, так что вам не стоит заходить к нам ненадолго, потому что при каждом удобном случае, мы будет прикалываться и много заниматься сексом. Спасибо всем, кто пришел.

Толпа просто возликовала. Я смотрю на мать Шейн, она счастливо улыбается. Я перевожу взгляд на свою мать, у нее на лице гримаса. Я встречаюсь с ней глазами, и в этот момент понимаю, что меня совершенно не волнует, одобряет ли она меня или нет, видно, я никогда не буду достаточно хороша для нее. Я перевожу взгляд на Шейна и угадайте, что? В его глазах отражаются звезды. *«Ты не испортишь мне такой день, мама. Больше никогда».*

— Ты готова для первого танца, миссис Элизабет Сноу Иден?

Я как раз собираюсь сказать «да», когда Лейла стучит по своему бокалу, чтобы привлечь всеобщее внимание.

Шейн стонет.

— О, вот дерьмо.

Лейла встает и поднимает руку.

— Ну, на самом деле, сестра жениха редко выступает на свадьбе, вернее никогда, но я просто обязана вернуть должок своему брату, когда он во время моей свадьбы, встал и дал дружеский совет моему мужу.

Она косится на Шейна, а затем начинает рассказывать самые нелепые истории о нем.

— Одна история заключается в том, что когда ему было шестнадцать он так напился, что потерял ключи от дома, и ему пришлось подниматься по водосточной трубе и залезать через окно в спальню, но потом выяснилось, что он попал в соседскую спальню.

— Вдова сияла на следующее утро, — говорит она, перекрывая свист и бурные аплодисменты одобрения.

Потом Лейла дает мне совет, зашить ему ключи от входной двери в одежду.

Другая история также о Шейн подростке, тоже совершенно пьяном, как он упал в кусты роз и весь исцарапался. Он пошел домой и тщательно приклеил пластырь и упал на кровать спать. Утром, мама нашла около десяти пластырей, приклеенных к зеркалу. Толпа ревет, смеясь, и Лейла советует мне посадить розы, у которых нет шипов.

А потом она заканчивает словами:

— Шутки в сторону, вам обеим так невероятно повезло. В конце этой церемонии, Шейн, ты вернешься домой с доброй, заботливой, обворожительной женой, излучающей красоту и изящество каждой своей клеточкой. А ты, Сноу, вернешься домой в шикарном платье и с таким же шикарным кольцом.

Ее слова вызывают улыбку даже у Шейна.

Затем атмосфера меняется, звучит песня Робби Уильямса *She's The One*, и Шейн берет меня за руку и ведет на танцпол.

— Знаешь, что я люблю больше всего в тебе? — шепчет он.

Я отрицательно качаю головой.

— Губы. Такие мягкие и вкусные. Я всегда мечтал их лизнуть.

Пока мы кружимся в танце, у меня такое чувство, словно я плыву по воздуху. *Никогда не будет такого еще одного дня. Никогда.*

Загораются огни дискотеки... и звучит *bangra*, профессиональные танцоры заполняют

танцпол, и Шейн поднимает руки и начинает танцевать вместе с ними, совершенно точно исполняя движения *bangra*! Я обхватываю щеки руками и смеюсь. Боже мой! Он, действительно, ничего не делает наполовину. Я тоже присоединяюсь к нему. Потом к нам идет Лейла, БиДжей, Джейк, Лили, Лилиана, Дом и Элла, все танцуют. И все они повторяют движения, которым их обучили.

Мое сердце готово лопнуть от радости, насколько прекрасная и красивая семья у меня появилась. Я столько времени мечтала, иметь такую счастливую, дружную семью, все это осуществилось здесь и сейчас. Шейн ловит меня за руку и смеется, а я ловлю себя на мысли, что у нас впереди будет еще много таких дней. Много, но совершенно других.

41.

Сноу

Канун Рождества

Я слышу, как в дверь открывают ключом и бегу к нему. Приподнявшись на носочки говорю:

— Я, — и целую его в лоб, — люблю, — целую его в нос, — тебя, — целую его в правый глаз, — Шейн, — целую в левый глаз, — Иден, — целую его в губы. Этот поцелуй должен быть моим, но он целует меня в засос. Я отстраняюсь и смотрю на него широко раскрытыми глазами.

— Это означает, что я хочу-взять-тебя-в-постель для поцелуя? — с улыбкой спрашиваю я.

— Этот поцелуй не для спальни. У меня есть кое-что для тебя, — серьезно отвечает он. Я вопросительно приподнимаю брови.

— Что?

Он берет меня за руку и ведет в свой кабинет, усаживает за свой стол, открывает ноутбук. Он поворачивает экран к себе и набирает что-то на клавиатуре, затем разворачивает его ко мне.

— Что это? — с любопытством спрашиваю я.

— Твой Рождественский подарок, — тихо говорит он и выходит из комнаты.

В середине экрана светится стрелка, указывающая влево. Я нажимаю на нее, и мои глаза становятся огромными, а руки сами собой летят ко рту.

В панике я нажимаю мышкой на стрелку, и видео останавливается, я закрываю глаза. У меня так колотится сердце, дыхание резкое и поверхностное. Несколько секунд я тупо смотрю на остановленный кадр.

На котором застыл мужчина с ужасом в глазах, его рот широко открыт в немом крике от жуткой боли. Он привязан к какой-то странной деревянной конструкции, за ним стоит чернокожий мужчина с самым большим пенисом, который я когда-либо видела в жизни. Справа стоит еще один человек, безучастно за всем наблюдая. Мои глаза возвращаются к человеку, который привязан. *Я узнала тебя.* Он не кричал тогда. Он смеялся, поддразнивая... *«Дай ей, дай суке член».*

К моему удивлению у меня на губах расплывается улыбка. *«Дай суке член».*

Казалось бы, не по своей собственной воле моя рука сама собой движется к мышке, и я нажимаю на стрелку продолжить.

Кадры начинают двигаться. У меня на губах так и застыла улыбка, но она стала жестокой. *Теперь вы поймете, каково это быть совершенно беспомощным.*

Я наблюдаю, как трус пускает слюни и умоляющее кричит. Сопли затекают ему даже в рот.

Ай-ай-ай, даже я так не ревела.

Когда негр закончил, к нему подходит тот другой человек, безучастно за всем наблюдающий. Он не собирается использовать свой член. Он достает огромный фаллоимитатор, покрытый шипами. Безумный смешок слетает с моих губ.

Мужчина трясет головой и молит о пощаде. Ну, хорошо.

Они развязывают его и заставляют подписать какое-то письмо. Я не вижу отсюда, что он подписывает.

Затем они избивают его, я даже слышу хруст костей.

Ну, Карма. Это сука.

Я просматриваю все оставшиеся пять маленьких клипов. Два лица я так и не могу вспомнить, и это меня беспокоит. Если бы я зашла в магазин или еще куда-нибудь, и там были бы они, я бы даже не поняла, что они занимаются такими делами. Я бы совершенно нормально разговаривала с этими ублюдками, как с обычными посетителями магазина. Все они выглядели, как приличные парни.

В конце фильма на экране высвечивается копия письма, которое подписали все мужчины.

Дорогие друзья и семья,

Прошлым летом, вместе с еще пятью другими такими же гребанными извращенцами, я участвовал в номере, отеля в Лондоне в групповом изнасиловании невинной девятнадцатилетней девушки, которая находилась под кайфом.

Я посылаю вам это письмо, чтобы вы знали, что я из себя представляю на самом деле.

С уважением,

Потом появляется лицо совершенно флегматичного мужчины, который сообщает, что письмо с копией записи было доставлено курьером в семьи мужчин, а также отправлено на электронную почту их друзьям и коллегам, дальше давался список адресов, телефонов и электронной почты.

Я закрываю экран и испытываю странное чувство легкости. В этом несправедливом, жестоком мире, где бедные и беспомощные всегда в проигрыше, Шейн совершил свою справедливость за меня. Со вздохом я встаю и иду на кухню.

Он стоит у раковины на кухне, глядя в окно. Услышав мои шаги, он оборачивается и внимательно смотрит мне в глаза. Пару секунд я не узнаю его. Я испытываю шок от того, что настолько красивый и совершенный мужчина может быть таким жестоким. Похожее чувство я испытывала, когда увидела льва, убивающего бедную импалу. Как мог такой красивый зверь совершить такое? А потом Шейн улыбается мне, и я узнаю его. Он *мой прекрасный зверь*.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я киваю.

— Благодарю за «черный подарок», — тихо отвечаю я.

— Не за что.

Я подхожу к нему. Теперь мы сообщники, связанные мстью и кровью.

— Как ты их нашел?

— У Ленни постоянно стоят камеры наблюдения.

Я задыхаюсь от разочарования.

— Я доверяла ему, — шепчу я.

— Знаю, но ты была так травмирована, ты бы ничему не поверила.

— Я чертовски плохо разбираюсь в людях, да? Снова и снова я доверяю ублюдкам, — с горечью говорю я.

— Нет. Ты настолько прекрасна. Если весь мир был бы так невинен и доверчив, как ты, он бы стал неузнаваемо самым красивым местом.

Я смотрю ему в глаза. Иногда я все еще не могу поверить, что он действительно мой муж.

— О, Шейн. Ты столько для меня сделал. Я когда-нибудь говорила тебе, что ты мой герой?

Он ухмыляется.

— Цыганский герой? А такой зверь вообще есть?

— Да, есть. Я поймала одного.

Он смеется.

— Давай выпьем. Давай выпьем за бедных мужчин, жен и детей.

Мы выпиваем, и я чувствую себя захмелевшей, поэтому невнятно, соблазнительным голосом говорю:

— У меня тоже есть подарок для тебя.

Он ухмыляется.

— Да?

— В спальне. Я пойду его достану.

— Я подожду здесь, — говорит он, подкладывая подушку под спину и усаживаясь по удобнее.

Я иду в спальню и быстро раздеваюсь. Голая, сажусь на кровать, обуваю туфли на высоких каблуках и оборачиваю большую красную ленту вокруг тела, завязав огромный бант на талии. Я выхожу в гостиную.

— Вот твой подарок, — говорю я.

И я клянусь, я вижу вечность в его глазах.

Шейн

Рождество

Лилиана сидит у меня на коленях и рассказывает мне сказку о чистокровном высокомерном цыгане.

— Санта приходил ко мне домой, — говорит она важно, — потому что я была очень, очень, очень хорошей девочкой, — потом она переходит на шепот. — Я видела его.

Я делаю совершенно невозмутимое лицо.

— Ты видела его?

— Да, — говорит она, глядя на меня огромными глазами.

— Когда?

Она пальцами трогает бантики на своем платье.

— Простой ночью. Я видела, как он съел печенье и выпил половину стакана молока, который я оставила ему.

— Вау, — пытаюсь изобразить восхищение восклицаю я. — А он тебе ничего не сказал?

— Нет, — отвечает она, энергично качая головой. — Я пряталась за дверью.

— Почему ты не вышла к нему?

— Я не хотела его пугать, дядя Шейн, — сообщает она мне, словно это и так очевидно.

Она продолжает:

— Он оставил три подарка. Два для меня, потому что я была очень доброй и один для Лоры, потому что она еще слишком маленькая и ест одно молоко.

— Точно.

Она прижимает ручку к моему уху и шепчет:

— Не говори никому, дядя Шейн, но я проснулась пораньше и прокралась вниз, когда все еще спали, и открыла все свои подарки, — она радостно хлопает в ладошки. — А потом закрыла их обратно.

— Так ты точно знаешь теперь, что получишь на Рождество? — спрашиваю я, если честно, удивляясь, что она такое провернула. Даже я в ее возрасте до такого не додумывался.

Она радостно кивает.

— А что ты будешь делать, когда придет время при всех открыть свои подарки?

— Притворюсь удивленной и счастливой, — спокойно отвечает она.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не засмеяться.

— Покажи мне, как ты будешь притворяться удивленной и счастливой, — прошу я.

Она широко раскрывает глаза и открывает рот, и всплеснув руками хватается за лицо, при этом успевая улыбаться.

— Да, это точно сработает.

Она снова делает лицо нормальным.

— А Санта Клаус оставил тебе подарок?

— Он подарил мне подарок в начале этого года.

Она скрещивает ручки на груди.

— Что он тебе подарил?

— Он подарил мне жену.

Она хмурится и смотрит на меня, как будто я тупой.

— Тетушка Сноу не подарок. Это должна быть реальная вещь, как игрушка или кукла.

— Это правда. Может быть, он оставил мне один под елкой.

Она соскальзывает с моих колен.

— Я пойду и посмотрю, хорошо?

— Ладно, но только не разворачивай.

Она торжественно качает головой.

— Нет, я только взгляну на свои подарки.

У входной двери я слышу голоса Лейлы, БиДжея и Томми, поздравляющие маму с Рождеством. Лилиана забывает о моем подарке и тут же бросается к входной двери. Джейк возвращается из гаража, неся две бутылки виски. Вероятно, пошел снег, потому что у него на волосах и плечах лежат снежинки. Он ставит бутылки на стол.

— Во сколько Дом обещал быть? — спрашивает он.

Я смотрю на часы.

— Думаю, с минуты на минуту.

В этот момент в дверях появляются БиДжей и Лейла. БиДжей несет детскую переноску. Комната наполняется поздравлениями, мы желаем друг другу счастливого Рождества. Лейла

надела клоунский розовый нос, которым тыкается в щеку Джейка и мою, а затем исчезает на кухне, чтобы помочь женщинам.

Биджей ставит детскую переноску на пол рядом со мной и падает в кресло.

— Где эта чертова выпивка? — спрашивает он.

Я смеюсь, а Джейк наливает виски для всех нас. Прежде чем мы делаем хотя бы глоток, прибывает Дом и Элла. Элла ведет за руку маленького мальчика, Ноя. Джейк наливает еще один стакан. Снова комната наполняется поздравлениями, мы желаем друг другу счастливого Рождества.

— Вы начали без меня, — жалуется Дом, когда Элла выходит с Ноем из комнаты.

— Нет, — говорит Джейк, вставляя ему в руку стакан.

Мы поднимаем наши бокалы.

— Пусть всегда будет так хорошо, — говорит Джейк.

И мы выпиваем. Жизнь, и впрямь, хороша.

После праздничного обеда, Сноу подходит ко мне.

— У меня для тебя есть подарок, — говорит она, ее глаза сияют.

— Я думал, что я получил твой подарок прошлой ночью? — поддразниваю я.

— Этот лучше.

Я приподнимаю брови.

— Лучше, чем тот, который я получил прошлой ночью?

— Намного, — говорит она, ее глаза загадочно сверкают.

Она берет меня за руку и ведет наверх к гостевой спальне.

— Ты готов?

Я опускаю руку на ширинку.

— Если ты спрашиваешь об этом, готов ли я?

Она ахает и сурово отвечает:

— Это не такой подарок.

— Ну, тогда он не может быть лучше, чем вчера.

— Шейн? — шепчет она.

— Да?

— Не портить его.

Я поднимаю руки вверх в знак капитуляции.

Она открывает дверь, и мы входим... щенок немецкой овчарки сидит внутри большой металлической клетки.

— Счастливого Рождества, — весело кричит она.

Я поворачиваю голову в ее сторону.

— Это мой подарок?

— Да, разве он не чудесный? — она полностью игнорирует мой безразличный тон.

— Итак, мой подарок — собака твоей любимой породы? — спрашиваю я.

— Да, — беспечно отвечает она и открывает дверь клетки. Щенок тут же начинает радостно прыгать на нее. И я вижу, что она умирает, как ей хочется взять его на руки, но она сдерживается.

— У тебя есть какие-нибудь предложения, как лучше его назвать? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Ты мог бы назвать его Чингис... если хочешь, конечно, — предлагает она.

Я смотрю на щенка и говорю:

— Чингис.

Он тут же поворачивает ко мне голову и смотрит на меня своими яркими, умными глазами.

Я перевожу взгляд на нее.

— Странно. Но, кажется, он уже откликается на это имя.

Она прикусывает губу.

— Ну, может я называла его так один или два раза, — признается она.

— Итак, как долго он уже здесь находится?

— Я прятала его здесь две недели. Я хотела натренировать его, прежде чем тебе подарить. Я понимаю, что квартира для него слишком мала, но мы планируем переехать в наш новый дом через два месяца, да? И Читра будет приезжать к нам, поэтому она сможет помочь ухаживать за ним.

— Точно.

— Видишь, как все идеально сложилось?

Я улыбаюсь.

— Сколько ему?

— Точно не могу сказать, его бросили, но скорее всего около четырех месяцев. Посмотри, что он уже умеет делать, — говорит она, усаживая щенка перед собой. Она достает лакомство из кармана и держит перед его носом.

— Нельзя, — говорит она и щенок замороженно смотрит на лакомство, но не дотрагивается.

— Посмотри мне в глаза, — твердо говорит она, и щенок немедленно игнорирует лакомство и смотрит ей в глаза.

— Возьми, — приказывает она, и щенок тут же проглатывает вкусняшку.

— Хороший мальчик, — хвалит она его. Она прислоняется подбородком к его голове и смотрит на меня. — Ты можешь научить его многим другим вещам.

Я улыбаюсь во весь рот. Боже, я люблю эту женщину так сильно, что готов ее съесть. Она запросто решила мою самую большую проблему. Вот же ее телохранитель, которого я так долго искал. Я буду его тренировать. Эта собака будет ходить с ней повсюду, когда меня не будет рядом, и будет ее защищать.

Шейн

Рождественская ночь

Я возвращаюсь из туалета и вижу темный силуэт на своей стороне кровати. Я подхожу поближе, он поднимает голову и издает низкий рык.

— Какого черта?

Я слышу хихиканье со стороны Сноу.

Я включаю свет, Сноу уткнулась головой под подушку, пытается заглушить свой смех, но ее плечи беззвучно трясутся. На моей стороне кровати, развалился Чингис, скаля на меня зубы, и смотрит при этом ледяными глазами. Это выглядит весьма комично. Потом Сноу,

наконец, вытаскивает голову из-под подушки и смеется во весь голос.

Внезапно я замираю осознав, насколько драгоценен и неповторим этот момент. Я хочу сохранить его в течение ста лет. Мой четырехмесячный щенок-узурпатор претендует на мою любимую женщину, а моя женщина заливается, как самый красивый, беззаботный ребенок.

Но я знаю, что щенок станет верным псом, красота этой женщины передастся моим детям, собака умрет, женщина состарится, станет сморщенной и хрупкой.

И в какой-то момент мы все превратимся в горсть пыли.

Но сегодня... мой член пульсирует от разгоряченной крови, и я король своей империи страсти.

Я прогоняю собаку, правда, он разорвал мне халат, и возвращаю права на свою женщину. Большому члену, обвязанному лентой с бантом, чрезвычайно трудно противостоять.

Собака слишком молода, чтобы понять — второй мыши всегда достается сыр.

Больше книг на сайте - Knigolub.net